ЗНАНИЕ — СИЛА 8/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 8 (782)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 01.04.92.
Подписано к печати 07.10.92.
Формат 70×100 1/16.
Офсетная печать.
Печ. л. 8,0.
Усл.-печ. л. 10,37.
Уч.-изд. л. 14,25.
Усл. кр.-отт. 42,6.
Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1041

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6.
Тел. 235-89-35.

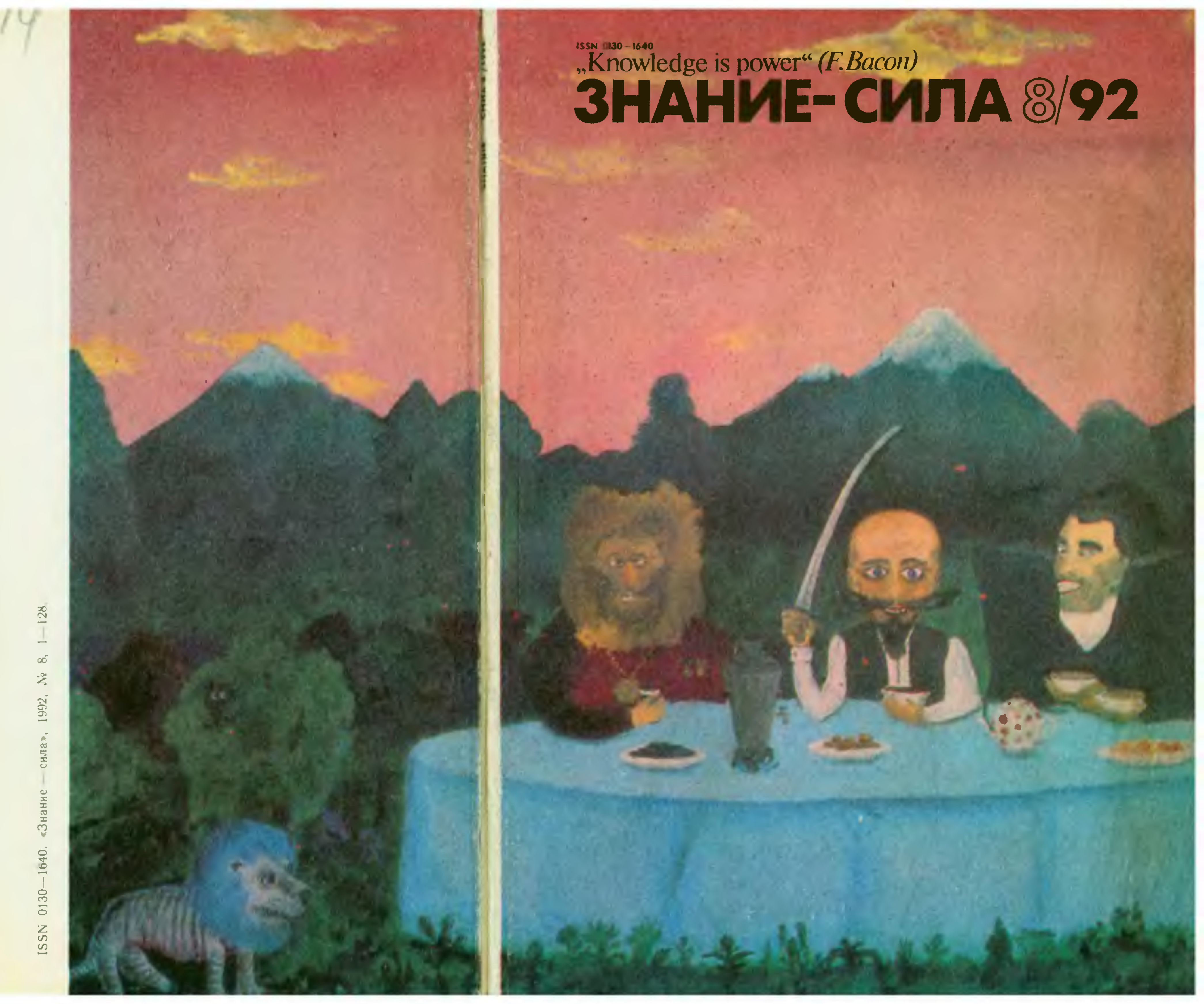
Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати
и информации
142300, г. Чехов
Московской области

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Цена свободная.

Индекс 70332.

ISSN 0130—1640. «Знание — сила», 1992, № 8, 1—128.

ЗНАНИЕ — СИЛА 8/92

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 8 (782)
Издается с 1926 года

На обложке — картина Бориса Гребенщикова (Б. Г.), поэта, композитора, художника, рок-певца.

Мы, Господи,
дети у тебя в руках,
Научи нас видеть тебя
за каждой бедой,
Прими, Господи,
этот хлеб и вино.

Из песни Б. Г.
«Никита Рязанский»

Читайте статью А. Липницкого о новом этапе творчества Б. Г.

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Сошло ли человечество с ума?

Г. Померанц

Предлагая читателю свои заметки, я должен предпослать им небольшое объяснение. Любая, самая добротная теория — только модель процесса, а многие процессы невозможно описать одной моделью, приходится на глазок выбирать подходящий интеллектуальный инструмент. Убедившись, что инструмент подходит, тут же искать, где его применение ограничено, где лекарство дает противопоказания. Теории, к сожалению, рекламируются как знахарские снадобья, без всяких ограничений.

Поэтому я и хочу ввести как ограничение свою откровенную субъективность. Более того, субъективность свободную от теорий (в том числе собственных). Я не создатель теории, и заметки эти ни на какую теорию не претендуют. Я просто продумываю по возможности ясно и последовательно то, что меня задевает, волнует, мучает.

Так складывались мои взгляды на взаимоотношения политики и нравственности. Первым толчком были шаги к реабилитации Сталина, наметившиеся в конце 1965 года. То, что я об этом написал, вы могли прочесть в журнале «Знание — сила» (1990 год, № 5).

Следующий толчок — в августе 1968 года. Я понял, что это катастрофа не столько для Чехословакии, сколько для России. Безнравственность на верхнем этаже непременно распространится вниз («Рыба с головы гниет»). И если правящая камарилья может делать, что хочет, то и начальство пониже, и каждый инженер, и каждый рабочий.. Я спросил тогда Юрия Александровича Леваду: что теперь будет? Он ответил: колеса начнут на ходу отваливаться от автобусов. Эти слова мне запомнились, потому что совпадали с моим собственным пониманием вещей. Я убежден, что катастрофа в Чернобыле началась не в апреле и не в 1986 году, а в августе 1968 года. Безответственное и безнравственное правительство несовместимо с ядерным веком.

Новый текст мне уже было негде произнести. Я просто пустил его в «самиздат» как послесловие к эссе «Человек ниоткуда». Ниже дается отрывок из текста «Послесловия». Важнейшая мысль его та, что политика и мораль соотносятся, скорее, по правилам богословской, нежели аристотелевской логики, примерно так, как Вселенский собор определил соотношение Бога и человека в личности Христа: «неслиянно и нераздельно». На уровне тактики политик иногда может выиграть от обмана, предательства, грубого насилия, но на уровне стратегии, «с точки зрения дальнего прицела», это — саморазрушение. Не может быть устойчивым государство, в котором все приносится в жертву сиюминутному государственному интересу, где ради этого интереса разрушаются основы нравственности.

Более того. С каждым новым шагом истории нравственные задачи человека возрастают. Чем больше совокупная мощь общества, тем больше ответственность распорядителя этой мощью. Чем труднее сохранить солидарность, тем выше требования к отдельному человеку. И в наше столетие, когда производительные силы обернулись разрушительными силами,— не только при военном применении, достаточно беззаботно развивать промышленность, чтобы разрушить биосферу,— нельзя больше мириться с тем, что было обычаем сто лет тому назад. Например, с войной. Хотя бы и справедливой. Хотя бы освободительной. История подняла планку. Надо прыгнуть выше.

Мне возражали, что никакого движения к более высокой нравственности нет. Наоборот, уровень нравственности падает. В XIX веке невозможны были Освенцим или Колыма. Велись войны, но пленных не морили голодом. Была черта оседлости, но не геноцид. Неужели человечество сошло с ума?

Думаю, что нет. Но между 1914 и 1945 годом прошел вихрь безумия, последствия которого до сих пор еще не совсем устранены. Взрыв мировой войны показал, что разрушительные силы промышленности переросли национальный суверенитет. Легко было представить себе, что получится, если применить отравляющие вещества против мирного населения больших городов. Вместе с тем термоядерного оружия, сделавшего бы большую войну самоубийством, еще не было. И показалось, что можно войной покончить с войнами и создать тысячелетнее царство. Именно в этом был смысл ленинского интернационализма. Важна не идеология, вдохновлявшая большевиков, а реальная историческая цель — создать военным путем мировое государство. Эту цель тут же подхватил нацизм с другой идеологией, но идеология относится к царству иллюзий, а реальностью было стремление создать мировую империю. Ради этой цели казалось возможным принести в жертву любое количество человеческих жизней, превратить войну империалистическую в войну гражданскую, ликвидировать «эксплуататорские» классы, уничтожить «неполноценные» народы...

Взрыв атомной бомбы был безумным средством борьбы с безумием. Клин вышибло клином. Человечество заново оценивает попытки Л. Толстого, М. Ганди, М. Л. Кинга, А. Сахарова, П. Григоренко найти ненасильственные формы борьбы за свои идеи. Заново оцениваются исходные призывы Будды и Христа, еще не приспособленные церковью к людоедской исторической практике. Мы стоим на пороге ненасильственной федерации, регулирующей взаимоотношения человечества с биосферой, или гибели. Угроза гибели вполне реальна, если каждый из нас не осознает свою личную ответственность за судьбу планеты. Правители должны чувствовать «сопротивление материала», активность граждан. Апатия граждан воспитывает деспотов. А деспотизм в термоядерный век удесятеряет вероятность катастрофы.

Из «Послесловия»

То, что произошло, трудно описать иначе: мы внезапно ощутили живое присутствие дьявола. Темные слои подсознания, которые казались дремлющими, внезапно оживились и стали подсказывать ходы игрокам в крупной международной игре. Мир покачнулся и сделал еще один шаг к концу. И мы вернулись пить свой кофе и размышлять над положением пучков в многомерном пространстве.

Политика и мораль — разные вещи. Это, может быть, верно сегодня, завтра, послезавтра... И вдруг целая цивилизация, подорванная упадком нравов, идет под откос. Где-то есть предел, а за ним — пропасть, в которую обрушивались древние царства. Его нельзя переходить. Но сейчас все человечество подошло к этой грани, и все мы рухнем, как обры, о которых писал летописец: «...были телом велики и духом горды, и погубил их Бог, и осталась поговорка на Руси: погибоша

аки обре, их же нет ни племени, ни наследка».

Есть предел политической безнравственности, оправданной государственными соображениями, за которым гибнут Гоморра и Содом, гибнет царство Ассурбанипала, Цинь Шихуанди, Гитлера, Муссолини. Потому что человеческое общество не может существовать без какого-то минимума солидарности, естественной, не предписанной законом.

Мне возражали, что фашистские государства вовсе не были безнравственными. Что нравственность как система общественных норм была там строже, чем в государствах демократических. Да, но нравственность лишь попутно работает как система общественных норм. В своей основе нравственность — это заповеди, необходимые лишь для того, чтобы человек в своем поведении не затаптывал те слои подсознания, которые способны работать как приемник и улавливать то, что Моисей назвал голосом Яхве, Будда — дхармой, а Лао-цзы — дао. Назовите это, как хотите. Но никакой другой, лучшей нравственности рационализм не смог придумать. Когда прекращается шепот неба, начинает вдохновлять бес, и дьявольщина разрастается в обществе, пока не пожрет его. Это объективный исторический закон, который впервые сформулировал Сыма Цянь.

Существует объективный минимум солидарности, без которой общество разваливается, и от эпохи к эпохе этот минимум не падает, а растет. Бушмену достаточно любить сорок — пятьдесят людей, с которыми он вместе кочует по пустыне. Это ему легко удается, и средний бушмен — хороший бушмен. В большом племени, при тесных связях маленьких родовых групп, поселений, деревень, труднее быть хорошим. Поэтому увеличивается роль внешней регулировки, всяких норм, законов, правил. Не надо думать, что законничество было только у древних евреев. Племя гого в Танзании регулирует такие вещи, которые ни Моисею, ни даже Эзре не пришло бы в голову узаконить; например, муж непременно должен укладываться на правый бок и ласкать жену левой рукой; хозяйки выливают помои непременно в сторону Запада.

В ранних империях, смешавших и рассыпавших племена, племенные законы также рассыпались. Римские императоры попытались выйти из нравственного хаоса, дав народам себя как бога, а свои эдикты — как заповеди. Но императоры — даже очень хорошие, как Марк Аврелий,— были слишком заняты государственными делами. Они едва успевали войти в роль нравственного образца, как опять надо было кого-то распинать, пытать, раскрывать заговор. А эдикты, составленные на бивуаке, слишком отражали государственную необходимость и совсем мало — человеческое сердце.

Тогда пришел Иисус, сын плотника из Назарета, и сделал то, чего не сумел цезарь. Он вернулся к нравственной интуиции, оставленной законниками, и прислушался к ней до того, что стал «одно с Отцом», и в этой форме, подсказанной традицией, понял, что чувствует любовь к каждому человеку, каждому созданию на Земле как к своему ребенку. Нового закона еще не было, но Иисус сам стал законом («написанным в сердце»), о' знал, когда выполнять старые законы, а когда не нужно. Ему подсказывала та же нравственная интуиция, которая помогает бушменам жить на стоянке без ссор, только интуиция более развитая, способная обнять всю Землю.

Так была решена задача времени. Так родился «Сын Божий», гений человечности, способный любить все десять или двадцать, или тридцать миллионов подданных Римской империи, и варваров, угрожавших ее границам, и друзей, и врагов, как самого себя. И был найден ключ к превращению массы, покорившейся римскому закону, в народ, связанный не только общим страхом, но и любовью. Ключ этот был найден в человеке, ставшем совершенным, «как совершенен Отец наш Небесный», то есть открывшем в себе все те качества, которые пророки увидели на небесах.

Иисус нес себя миру, но для мира это было слишком просто — обновиться, преобразиться полностью он не мог. Миру нужен был компромисс ветхозаветного и нового Адама, и он получил этот компромисс как смесь «монастыря» с «ислама».

Иисус не устраивал монастырей. Это сознательно делал только Будда, может быть, потому, что общество, с которым он столкнулся, еще меньше подготовлено было к реформам. Но сыновья Нового Адама нетвердо стояли на ногах — чтобы не затеряться, чтобы уцелеть, они уходили в пустыню, собирали своих за монастырской стеной. Оттуда они потихоньку светили миру (как Сергий Радонежский — Дмитрию Донскому), там они хранили душевный огонь для дня, когда мир созреет, чтобы принять его. А для мирян, потерявших племенной завет, был создан ислам. Я называю исламом то, что яснее и проще других дал Мохаммед,— систему заповедей, основанных на покорности одному для всех Богу. Закон такой же твердый, ясный, обязательный, как племенные, но приспособленный к неплеменному миру.

К этому пришли все мировые религии, с чего бы они ни начали. Буддизм сперва был только монастырем, но очень скоро появился «ислам» для мирян. Ислам был только исламом, но суфийские ордена, странствующие дервиши — своего рода монахи.

Средневековая комбинация монастыря с исламом была реалистическим выходом из положения. Она дала возможность подняться на новый уровень солидарности (буддийского мира, христианского мира, мира ислама), позволила создать стройную систему культуры, охватившую своим влиянием все слои общества, и консолидироваться после духовной разрухи античных империй. Но потом история свернула. Старый путь оказался тупиком.

«Ислам» сковывал развитие личности. «Монастырь» давал ей только одну дорогу — вверх, а требовалось шире, свободнее развернуться и на плоскости. Это движение разрушило готическую постройку.

Когда говорят о кризисе религии, практически имеется в виду, что средневековая структура — сожительство «монастыря» с «исламом» — не годится для нового времени. Это верно. И дело не только в том, что «монастырь» или «ислам» испортились. Нам не стало бы легче, если бы вдруг в первоначальной чистоте возродился ислам первых четырех праведных халифов. Праведные халифы с удвоенным рвением возобновили бы войну с неверными, и ко многим антихристам, обещающим спасти мир, истребив своих врагов, прибавился бы еще один.

А у нас, как известно, достаточно спасителей, готовых уничтожить Вселенную, лишь бы восторжествовали их принципы; и так как современный интеллект создает множество принципов, а следовательно — и проектов спасения человечества, мир и без нового Омара или Петра Пустынника достаточно близок к гибели. Что же касается монастырей, то какая-то форма самосохранения тонких и хрупких организмов опять возникнет, но какой она должна быть? Этого мы не знаем, и простое сохранение или возрождение старых форм вряд ли достаточно.

Снова, как в древности, возникло сожительство людей, вышедшее за рамки старых духовных единств, национальных и религиозных. Снова до зарезу нужна нравственная интуиция, всеми заброшенное Царство Божье внутри человека. Снова не хватает солидарности для решения самых элементарных вопросов. Академик Сахаров посчитал, что для того чтобы не допустить массового голода и катастрофических общественных судорог в третьем мире, надо обложить развитые страны огромным налогом, но даже налог в один процент, предложенный Горовицем несколько лет назад, серьезно не рассматривался. Разумность этого проекта никто, конечно, не оспаривал, но чтобы принять его, надо опять поставить человека выше субботы — коммунистической, капиталистической, расовой, любой, нужно возлюбить не только союзников, ибо «так поступают и язычники», но и врагов. Без выхода на новый уровень солидарности современные проблемы не разрешимы. Наука может описать современные болезни, вылечить их она не в силах.

И вот оказывается, что мы переросли только популярное средневековое понимание христианства и буддизма, а до того духовного и нравственного уровня, на котором свободно парили Иисус и Будда, нам еще очень-очень далеко. Если бы мы доросли чуть повыше, хотя бы до колен, самые неотложные вопросы были бы решены.

Не будем спорить, какая вершина выше и как они друг к другу относятся. Но если христианский мир станет хоть немного более христианским, а буддийский — буддийским, воспрянет надежда на выход из тупика. В какой-то мере это относится и к другим учениям: если индуизм станет ближе к Чайтанье, ислам — к ал Халладжу и даже марксизм — к мыслям раннего Маркса об отчуждении. Самое важное — движение внутри систем, от буквы к духу, а не простая смена символов (перешли из марксизма в православие и успокоились).

Вся запутанность, абсурдность нашего времени в том, что мы пытаемся решать проблемы двадцатого века так, как они решались в девятнадцатом (и раньше — с эпохи Возрождения), опираясь на достигнутый нравственный уровень, принимая его как данность. Мы пытаемся действовать, как Фауст, не замечая, что фаустовская эпоха кончилась и для развитых стран она исчерпана, что новое время стало старым. И нужно, как в кошмарном сне, проснуться и освободиться от представлений, потерявших связь с реальностью. Если нет выхода из плоскости интеллекта, это просто значит, что надо подняться на новый духовный уровень, посмотреть на горы, которые кажутся неприступными, сверху.

В этой работе есть свои интеллектуальные задачи. Одна из них, над которой, как мне кажется, стоит подумать,— задача скрытого имама. По шиитской легенде мессия, скрытый имам, объявившись, не принесет нового закона, это противоречило бы исламу, но даст новое толкование всех прежних пророчеств, прояснит их духовное единство, и вражда между «народами Книги» исчезнет.

Если хорошо выполнить эту задачу, отпадет много недоразумений. Станет ясно, что сегодня нет внутреннего спора между иудаизмом Мартина Бубера, католицизмом Генриха Белля и индуизмом Рабиндраната Тагора, между ними может быть установлен духовный, ценностный контакт, но есть очень существенная разница между христианством св. Франциска и св. Доминика — разница духовного уровня. Очень важно понять, что различия духовного уровня важнее различий языка, а к единой вершине, к единому свету пусть каждый движется своим путем. Только так можно внести единство в современное, почти бесконечное разнообразие индивидуальностей — национальных и личных. Одного вероисповедания на современный мир не хватит, слишком этот мир пестр.

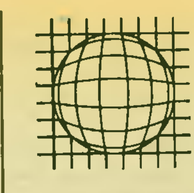
Но главное не то. Главное — не во внешней интеллектуальной возможности диалога, а во внутреннем духовном сдвиге. Главное — зашевелится ли хоть слегка тот самый слой под- или надсознания, который откликается на подсказку «сверху» и дает силы бороться с шепотом преисподней.

Это задача не для ученых, не для мыслителей, не для святых, а для каждого. Наша повседневная жизнь создает нравственный климат, в котором рождается Событие. Я не думаю, что от дьявола можно отсидеться, размышляя о положении пучков в многомерном пространстве. Это ему нипочем. Существует простой механизм, описанный в старину как первородный грех. Среднему человеку, захваченному делами, заботами, болезнями, бегством от скуки и прочим, болотные огоньки ближе, чем заря, звезда, Бог. Почва, предоставленная самой себе, родит скорее сорняки, чем пшеницу. Маленький принц каждое утро обходил планету и выдергивал баобабы. Он говорил, что баобабы, разросшись, могут разорвать планету на части.

Если мы будем рассчитывать, что все само собой образуется, без нас,— некому будет помочь Богу.

Октябрь 1968 — март 1969

ВО ВСЕМ МИРЕ

Корона Солнца во всей ее красе

Снимки солнечного затмения — дело довольно обыкновенное. Но редко удается при этом схватить столько подробностей и деталей, как это сумел сделать 11 июля 1991 года астроном Франсиско Диего из университетского колледжа в Лондоне, специально приехавший для этого в мексиканский городок Ла-Пас, расположившийся на краю Нижней Калифорнии.

На фотографии различима плазма солнечной короны, во все стороны устремляющаяся от светила в открытое космическое пространство. Чтобы получить такой снимок, Франсиско Диего пришлось пойти на ряд ухищрений. Дело в том, что внутренние области солнечной короны светятся в тысячи раз ярче, чем внешние. Поэтому для фиксирования их на одной фотографии понадобился непрозрачный диск, диффузно затеняющий пленку и умеряющий яркость внешней короны. Да и при проявлении пленки применялись различные хитрые манипуляции.

Каждый отчетливый снимок короны — своего рода драгоценность. Ведь его объект представляет собой загадку: никто до сих пор определенно не знает, например, почему фотосфера Солнца (так сказать, «поверхность» светила) «застыла» всего на 6000 градусах, тогда как в плазме короны температура достигает миллионов градусов.

Акула становится жертвой

После четырехсот миллионов лет существования акула встретила наконец равного себе противника в лице рыбака. Возрастающий спрос на плавники, мясо и кожу акул, а также отсутствие контроля за их добычей довели некоторые виды до опасности исчезновения. Сельдяная, песчаная, черноперая акулы, обитающие у берегов Атлантики, находятся в довольно сложных условиях, в то время как у берегов Калифорнии сельдяные акулы и акулы-лисицы уже исчезли.

Помимо активного их вылова, это печальное обстоятельство связано с медленным ростом акул и низкой репродуктивностью. Национальная служба морского рыболовства США ограничила добычу акул в Атлантике, а также запретила ужасную практику отрезания плавников у живых акул, после чего их выбрасывают обратно в море, обрекая на медленное умирание. Правда, к осуществлению этого плана до сих пор не приступили. А для Тихого океана вообще никакие контролирующие меры не предусматриваются. Дефицит акул, считают эксперты, нарушит пищевую цепочку в океане и сорвет исследования особых свойств, позволяющих акулам сопротивляться заболеваниям раком, а в случаях заболевания быстро излечиваться.

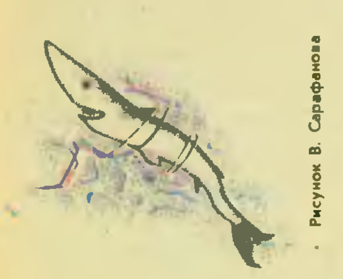

Рисунок В. Сарафанова

Роботы-грузчики

Для переноса объемных и тяжелых грузов обычно используют большие платформы, но уникальность делает их очень дорогими. Поэтому специалисты считают, что для нестандартной транспортировки лучше использовать шагающие роботы. В Шербурге, например, 12 роботов перенесли

на 350 метров 2000 тонн — самую большую часть атомной подводной лодки «Триомфант», наиболее ценное, чем располагают французские морские силы. Ту же идею в расширенном варианте — 32 роботв — можно будет использовать при спуске на воду самой подводной лодки в 1994 году.

Каждый робот несет 27 тонн, имеет пять ног — четыре внешних и одну центральную для вращения вокруг оси. Скорость передвижения — 75 сантиметров в секунду, в грузоподъемность — до четырехсот тонн, в то время как точность достигает 0,5 миллиметра.

Чем «зеленее» машина, тем чище воздух

По мнению сотрудников американского Института мировых ресурсов, количество автомашин в стране растет так быстро, что только крупномасштабные технологические изменения в их производстве,— например, создание автомобилей, не использующих ископаемое топливо и, следовательно, не загрязняющих атмосферу,— смогут уменьшить ущерб, наносимый ими окружающей среде. Число машин увеличивается быстрее, чем население Земли, и уже через двадцать лет может удвоиться, что перечеркнет любые достижения в области повышения эффективности различных видов топлива и регулирования выбросов,— говорится в недавнем отчете института. Чтобы уменьшить опасность, а также зависимость от импорта нефти, необходим переход к не загрязняющим атмосферу электрическим двигателям или двигателям на водородном топливе. Технология разработки «зеленых» автомашин уже существует, например у фирмы «Дженерал Моторс», которая разработала опытные образцы таких перспективных двигателей. Однако исследования продолжаются.

Триумф разнообразия

Человек немеет перед разнообразием и обилием видов на нашей планете. Сейчас известно около полутора миллионов видов — свыше двухсот пятидесяти тысяч одноклеточных, четыре тысячи пятьсот видов млекопитающих (только приматов 181 вид), около миллиона насекомых и так далее. Однако оказалось, что все это — лишь незначительная часть реальности, которая все еще не познана.

Американский биолог Роберт Мей из Принстона попытался подсчитать на основе последних исследований и актуальных гипотез число видов, существующих сейчас на планете. По его мнению, животное царство на 70 процентов разнообразнее, чем до сих пор предполагали ученые. Число видов растений больше в четыре-пять раз, одноклеточных — в двадцать раз, насекомых — в несколько десятков раз.

Но если будут уничтожены тропические леса, то в следующие 50—100 лет половина существующих видов исчезнет с лица Земли.

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА

ПРОГРАММА «ДАР»

Время свободного ДАРа
(Диагностика, адаптация, развитие)

*Эта публикация «Института человека»,
посвященная проблеме детской одаренности, открывает
программу «Диагностика, адаптация, развитие» (ДАР).
Как выявить детскую одаренность и, главное,
сохранить и развить детские таланты?
Каковы методы и принципы самоконтроля
в непредвиденных ситуациях?
Как услышать свое «я» сквозь житейские помехи повседневности?
Это лишь несколько «стартовых» проблем, которые редакция
намерена обсуждать в ближайших номерах.
В сегодняшнем заседании принимают участие
члены научно-методического совета программы:
председатель совета Александр Григорьевич АСМОЛОВ,
член-корреспондент Академии педагогических наук
Владимир Петрович ЗИНЧЕНКО,
Александр Павлович КУЗЯКИН,
доктор психологических наук Натан Семенович ЛЕЙТЕС,
директор школы-лицея Евгений Александрович ЯМБУРГ,
доктор медицинских наук Вадим Семенович РОТЕНБЕРГ.*

А. Кузякин: — Настала пора со всей очевидностью заявить, что воспитание творческой личности — это задача государственного значения.

Во все времена идея подготовки талантливой молодежи занимала умы государственных руководителей. Внимательно вчитайтесь в первые строки правительственного постановления о создании в Царском Селе лицея:

«Учреждения лицея имеют целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной.

Сообразно сей цели лицей составляется из отличнейших воспитанников, равно и наставников и других чиновников, знаниями и нравственностью своей доверие заслуживающих. Воспитанники принимаются в лицей не иначе, как по предварительному испытанию их в знаниях...»

«Воспитание детей есть труд и долг»,— писал Ф. М. Достоевский. Труд самых квалифицированных ученых, долг всех граждан страны. «Всякий изучающий историю народных бедствий может убедиться, что большую часть несчастий на земле приносит невежество»,— писал К. Гельвеций. Именно поэтому постоянно возникают в нашем сознании одни и те же злободневные вопросы:

Как развивать способности?

Нужно ли учить всех «поровну», одинаково?

Кто, в конечном итоге, отвечает за подготовку интеллектуального потенциала страны?

Кто производит поиск и отбор одаренных детей и школьников?

Дифференциация детей по их творческим возможностям в каждом возрасте достаточно велика — от умственной отсталости до высокой талантливости. Мы же долгое время обращали внимание главным образом на учащихся, испытывающих затруднения в обучении, и забывали об одаренных талантливых детях. А ведь исследования в нашей стране и за рубежом показывают, что становление таланта может быть задержано или загублено на любом этапе развития, поэтому нужна разнообразная психологическая, методическая, экономическая помощь талантливым детям.

Фотопостановка А. Обросковой, фото В. Бреля

В. Зинченко: — Остается дело за малым: понять хотя бы в общих чертах, что же это такое — одаренность. Однажды Александр Македонский занял какой-то город, подошел к нему человек и сказал, что обладает необыкновенной способностью — может с некоторого расстояния попадать горохом в небольшое, с горошину же, отверстие и никогда не промахнется. Македонский, естественно, заинтересовался, попросил продемонстрировать эту способность. Тот, действительно, бросал, бросал и ни разу не промахнулся. После этого он попросил у Македонского награду. Македонский пожал плечами и приказал выдать ему мешок бобов. В общем, большего тот талант не стоит, но ведь это одаренность, несомненно. И, несомненно, это одаренность с детства. Но странно же сказать: у него одаренность в метании горошин...

А. Асмолов: — «Каждый человек стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет»,— это еще Марк Аврелий сказал. Может быть, тот самый горохометатель был очень одаренным ребенком, но его учителем был воин-прашеметатель, а восхищение сверстников побудило его всю свою одаренность отдать совершенствованию навыка метать горошины. И больше он ничего из своей детской одаренности не извлек.

В. Зинченко: — Это-то ясно — детей не должны воспитывать ефрейторы, в погонах или без. Проблема, на мой взгляд, в другом. Отец Павел Флоренский говорил, что талант — это юность на всю жизнь, гениальность — это детство на всю жизнь. Для нас, собравшихся здесь, как говорится, поезд уже ушел... Кто-то из мудрых сказал: жизнь, даже самая удачная,— это непрерывная цепь упущенных возможностей. Все, что можно, мы практически уже упустили, так, малость осталась. Но в числе этой малости обязанность хотя бы задуматься вслух над тем, почему и как талант, гениальность — естественные для человека качества,— как забытый багаж, остаются на далеких станциях детства и юности?

Реплика: — Расхожее мнение: детство не опечалено будущим, юность — расточительна. Потому-то и нужны им, беззаботным, фельдфебели в Вольтеры — присматривать за «багажом» да оберегать от ненужных мыслей.

В. Зинченко: — И приставляли, и оберегали... Но почему из одних — горохометатели, а из других — такие титаны, как Флоренский, Вернадский, Вавилов? Только ли потому, что к ним опоздали фельдфебели?

Н. Лейтес: — Как было бы просто, если бы все только этим объяснялось. Слова Флоренского — не только метафора; и образ поезда, предложенный Владимиром Петровичем,— не просто словесная красивость.

В детские годы развитие психики идет в таком темпе, который недостижим для последующих возрастов. Это развитие стремительно и блестяще. И в этом смысле детство как этап жизни вообще можно назвать периодом одаренности. Любой ребенок — одаренный. Если, естественно, не отягчен функциональными поражениями мозга.

Но нельзя забывать, что стремительность детского развития, если так можно сказать, распределена неравномерно. Это тоже особенность детства — так называемые сенситивные периоды, периоды особо повышенных интеллектуальных возможностей в том или ином направлении. Классический пример — период овладения родным языком, когда ребенок активно, изобретательно, продуктивно осваивает формы языка и мышления. Период этот ограничен, если по Чуковскому, то от двух до пяти, но мы сейчас — не о частностях, а о принципе. И если в силу каких-то причин ребенок отлучен от языка именно в этот период, то потом приобщение к нему будет проходить уже гораздо труднее. Хотя, казалось бы, почему? Ведь ребенок стал старше, более зрелым. А уже упущено главное — специфическая возрастная чувствительность к миру слов. Так происходит не только с языком, с возрастом вообще приходит не только «обогащение психики», о чем мы, психологи, все время говорим, но и ограничение, а то и утрата некоторых возможностей детства.

А. Асмолов: — Вспоминается мысль великого психолога Пиаже, который очень много занимался психикой ребенка. Возражая гипотезе «врожденных языковых структур» Хомского, он писал: «И мы вновь возвращаемся к ребенку, поскольку он всего лишь за несколько лет спонтанно осваивает базисные операции, создает структуры логико-математической природы, без которых он не понял бы ничего из того, чему его будут обучать в школе. Именно после долгого предоперационального периода, в возрасте около семи лет, когда ребенку еще не хватает познавательных инструментов, он открывает для себя обратимость, транзитивность, рекурсивность, взаимное соответствие отношений, включение классов, сохранение числовых ансамблей, меру, организацию пространственных отношений (координат), морфизм, некоторые функторы и т. п.». Я прошу прощения за это перечисление здесь, но ведь как впечатляет!

Реплика: — Кстати, в «Знание — сила» было опубликовано несколько очерков «Дети и математика» — об этих удивительных математических способностях детства.

А. Асмолов: — И не только математических. Пиаже подытоживает: к семи годам ребенок осваивает, сам того не подозревая, по сути дела, все основы математики и логики.

Н. Лейтес: — И ведь это Пиаже пишет не о тех, кого можно назвать детьми одаренными, а о детях вообще, так сказать, о детях в норме. Вот почему, когда мы говорим «одаренный ребенок», так или иначе отмечая видимое превосходство его над средним уровнем сверстников вообще, интеллектуально или в частных проявлениях — в музыке, шахматах, математике, ни на минуту, никогда нельзя упускать из вида, что отличие здесь может быть не качественным, а лишь степенью интенсивности развития. И второе. Ход умственного развития в эти сенситивные периоды неравномерен. Бывают периоды убыстрения, замедления, причем и то и другое может идти разными темпами. Эта неравномерность может быть связана как с общебиологическими законами детского развития, так и с индивидуальными особенностями созревания мозга ребенка. Но, повторяю, как правило, с возрастом замедление темпов умственного развития будет происходить у всех. И только у части детей ранние достоинства их интеллекта останутся значимыми и в дальнейшем.

Мне уже приходилось высказывать гипотезу, что проявления такой возрастной одаренности при быстром темпе развития могут как бы суммироваться, то есть свойства, присущие одному периоду, не уходят вместе со «своим» возрастом, а «врастают» в следующий, дополняя его свойства и дополняясь ими. Это еще более выделяет такого ребенка среди его сверстников, но насколько долговременным каждый раз оказывается подобное благоприятное сочетание возрастных свойств?— это проблема, теоретического решения пока не имеющая. Конечно, в любом случае возрастные свойства не проходят бесследно, они в какой-то мере закрепляются, но у разных детей в разной степени и по-разному. И, кстати, в этом один из источников индивидуальных различий.

Реплика: — Иными словами, вы как бы предлагаете видеть две стороны понятия «одаренный ребенок»: одну можно назвать общей одаренностью — то, что в принципе вообще присуще детскому возрасту, и другую, отличающую тех, кто так или иначе выделяется среди сверстников?

Н. Лейтес: — И которую можно называть «возрастной одаренностью». Я считаю это понятие очень важным, принципиально важным.

Если обобщать, понятие «одаренные дети» имеет два значения. Первое — дети, которые более восприимчивы к обучению, быстрее развиваются, проявляют себя в творчестве, то есть превосходят других детей по своим возможностям. Они — одаренные по сравнению с другими детьми их возраста. Второе же — это как бы уже утверждение, что они со временем станут выдающимися деятелями в той или иной области, то есть это такие дети, у которых есть некий не зависящий от возраста дар, дающий им преимущество перед другими. Но если первое — это констатация очевидного, то второе...

Приведу аналогию: если сравнивать детей по росту, верно ли то, что наиболее высокие из них это в будущем наиболее высокие взрослые? Очевидно, что не так, но то же и с детской одаренностью — нельзя считать, что она уже гарантирует и его будущую одаренность. И это очень важно. Проблема, которую нужно изучать,— это как особенности ребенка, его преимущества, возможности проявятся в дальнейшей, взрослой жизни. Тут и возникает проблема перехода от диагноза — констатации того, что есть у ребенка,— к прогнозу, к тому, что может быть. Это и методологически очень непросто — перейти от диагностики ребенка к прогнозу его дальнейших перспектив: слишком мно-

го причин, чтобы ребенок с ярким ранним умственным подъемом вдруг перестал обнаруживать тот потенциал, который естественно ожидать. Это важно и для того, чтобы не ставить на ребенке, в детстве не проявляющем особых способностей, клейма на всю жизнь — «неодаренный» и чтобы не травмировать психику одаренных детей в том возрасте, когда естественно затухает в них «вундеркинд». Вообще не следует слишком обольщаться проявлениями ранней одаренности, об этом говорят многие факты.

Сошлюсь на книгу, написанную еще в начале века,— «Великие люди». В ней обобщаются психологические особенности великих людей, и написана она была по заказу министерства просвещения Японии. В книге есть интересные данные и о детстве будущих ученых. Наиболее одаренные молодые люди больше всего сопротивлялись системе обучения, которую пыталась навязать школа, хотя им легче было приспособиться к ее требованиям, чем их менее одаренным соученикам.

Обобщая психологические особенности выдающихся людей, автор книги Освальд пришел к двум, казалось бы, противоположным суждениям. Первое: рано созревшие юноши обычно впоследствии ничего особенного собой не представляют. Другое: можно с уверенностью сказать, что большинство великих людей были в юности рано созревшими (имеется в виду умственное созревание). Вроде бы противоречивые суждения. Но дело в том, что рано созревших детей много, а выдающихся людей мало, то есть только немногие становятся потом великими. Так что несоответствие есть, но и связь тоже есть: все-таки великие люди «выходят» из категории рано развившихся детей. Вопрос в том, насколько здесь возможны переходы к прогнозу и возможны ли они вообще. Это похоже на то, что в медицине называют «группой риска», то есть группа людей, в которой наиболее вероятно, но не обязательно появление того, что можно ожидать.

Вот почему, по моему глубокому убеждению, педагогика, направленная на сохранение одаренности, должна быть ориентирована не на методы натаскивания тех или иных конкретных навыков, а на создание поля свободы для проявления интеллекта и способностей ребенка.

Е. Ямбург: — Именно поэтому сверхзадачей нашей опытной системы «детский сад — школа — лицей» (мы начинаем обучение с четырех лет) стало: обеспечить каждому ребенку индивидуальную траекторию развития с учетом его психофизиологических способностей. Каждый из них должен иметь право на внимание и развиваться в той зоне ближайшего развития, в которой ему, как говорится, по сердцу и в радость.

Почему обучение с четырех лет? Потому, что самый чувствительный возраст для коррекции детей — от трех до пяти лет, поэтому детский сад входит в подразделение школы.

Мы пытаемся создать гибкие структуры, когда на одной параллели есть класс с очень продвинутыми детьми, есть классы для нормальных, обычных детей (хотя мы не очень хорошо знаем, что такое норма) и есть так называемые «классы поддержки», насчитывающие восемь — девять детей с затруднениями в обучении, причем причины возможны самые разные (там могут быть дети со стертыми формами олигофрении, а могут быть дети, просто не вписывающиеся в нашу систему образования, как, например, Дарвин, который был двоечником).

Идея заключается в том, что это должна быть очень гибкая, дышащая структура. Даже в классах поддержки мы не сокращаем программу, за исключением случаев с больными детьми. Это не классы коррекции, выравнивания, а классы именно поддержки за счет экспресс-методов, интенсивных педагогических технологий за счет того, что классный руководитель — обязательно психолог по образованию и находится с детьми весь учебный день, за счет запутывания их «балльной» системой — у нас есть и двадцатипятибалльная, и даже семидесятибалльная системы, чтобы у ребенка не было страха плохой оценки и т. д. Мы должны поддержать ребенка и, поддержав, перевести в обычный класс. А последние исследования нейропсихологов показали, что ребенка из класса поддержки можно переводить в гимназический класс и он будет там успевать.

Но здесь возникает ряд проблем. Первая — проблема диагностики. Это, вообще, проблема в психологии, ее необходимо решать на уровне разных дисциплин, поэтому с классами работают нейропсихологи, психологи, психоневрологи, врачи. Необходимо иметь карту индивидуального развития ребенка со всеми параметрами: медицинскими, психиатрическими, нейропсихологическими и педагогическими, то есть картину ближайшего развития ребенка. А здесь возникает еще одна проблема: даже психологи и нейропсихологи разговаривают на разных языках, поэтому должна появиться еще одна фигура — методолога, который «склеит» эту целостную картину индивидуальной одаренности, особого интеллектуального потенциала.

...И снова проблема. Так же как существует понятие «медицинская тайна», существует и понятие «педагогическая тайна». Знания о ребенке не должны вредить самому ребенку. А эта опасность подстерегает всегда. Во-первых, знания эти никогда нельзя считать абсолютной истиной, надо всегда помнить об ограниченности наших научно-методологических возможностей, делающих любое знание о человеке заведомо неполным. И, во-вторых, наше знание не должно быть неким демиургом судьбы ребенка. Вот почему я не склонен к форсированию материала в работе с детьми, очень хорошо успевающими. Если ребенок, который должен учиться в шестом классе, учится в восьмом, он не чувствует себя психологически комфортно. Речь должна идти не о формировании темпов продвижения, а о расширении поля — введении дополнительного языка, каких-либо спецкурсов и т. д. Но это гипотеза, ее еще нужно проверять.

Мы стремимся создать и досуговые центры, для того чтобы каждый чувствовал себя в чем-то уверенно, в чем-то первым, чтобы не было «озверения», агрессии. Таким образом решается очень важная двуединая проблема: ликвидируется агрессия менее одаренных по отношению к более одаренным и высокомерие одаренных к сверстникам.

Отбор одаренных проводить нужно, но ни в коем случае нельзя «сортировать» детей. Поэтому отбирать нужно глубоко, всесторонне и очень осторожно, учитывая различные группы детей.

Н. Лейтес: — Проблема прогноза дальнейшего развития одаренного ребенка, а по сути — его жизненной судьбы, кроме чисто методологической,— огромная и нравственная проблема. И вырастает она все из того же очень мало осознаваемого факта, что сам термин «одаренные дети» неоднозначен и эта неоднозначность может порождать трагические для судеб детей последствия. Особенно отчетливо это проявляется у детей с ранними признаками ярких, выдающихся интеллектуальных способностей — вундеркиндов.

Такие дети нередко уже с двух-трех лет обнаруживают необыкновенно высокий умственный уровень. В три-четыре года умеют читать, считать, а то и писать. Эти дети могут на несколько лет опережать сверстников в умственном развитии. При поступлении такого ребенка в школу его могут определить сразу во второй, третий, а то и в четвертый класс. Или же такие дети проходят за год программу двух лет, а кто и больше, потом оканчивают школу в необычайно раннем возрасте, могут очень рано поступить в институт. И это могут быть дети из семей малообразованных родителей, и успехи их нельзя объяснить никаким натаскиванием. От них ждут сверхъестественных, недостижимых для обычных людей свершений. Но широко известно, как часто такие дети не оправдывают возлагавшихся на них надежд. Я в течение десятилетий наблюдал за такими детьми, но могу привести только один бесспорный случай, когда вундеркинд «оправдал ожидания» — стал очень крупным ученым, создал научную школу. В других случаях были успехи более или менее значительные, но не такие, какие можно было бы прогнозировать, исходя из такого необыкновенного старта этих детей.

Это предостерегает от упрощенных подходов к проблеме. Выдающиеся способности, большой талант,— по-видимому, сложное, уникальное социально-психологическое явление, к которому не может быть простых подходов, которое нельзя точно прогнозировать, прямо переходить от диагностики к прогнозу.

«Путь к прогнозу» лежит через выяснение соотношения возрастного и индивидуального. Но у нас этим очень мало занимаются, хотя именно здесь открывается очень важная и перспективная область диагностики — исследование типов развития. И в первую очередь необходимы лонгитюдные исследования. Однако такие многолетние наблюдения, последовательно фиксирующие этапы и фазы развития конкретного ребенка от младенчества до взрослости очень трудоемки, кропотливы... и прямо скажем, внешне неэффективные. Охотников на такую

кропотливую самоотдачу пока немного. Но, к счастью, в отечественной науке есть хорошие традиции — школа Лазурского, школа Теплова.

В. Зинченко: — Борис Михайлович Теплов, мой учитель, был выдающимся ученым, и не только потому, что не чурался кропотливой, незаметной работы. Он умел удивительно сочетать частное и общее, видение конкретного факта и общечеловеческого поля, в котором живет этот факт. Он много размышлял о феномене одаренности. И особенно — о том, что именно, какие душевные силы направляют одаренность человека. После кончины Теплова были опубликованы его дневниковые записи — «Записки психолога при чтении художественной литературы», в которых, в частности, Борис Михайлович размышлял о коллизии Моцарта и Сальери. Теплов видел ее в том, что сочинение музыки было для Моцарта включено в жизнь, являлось своеобразным переживанием жизненных смыслов, тогда как для Сальери никаких смыслов, кроме музыкальных, на свете не было. И музыка, превратившаяся в единственный абсолютный смысл, роковым образом стала бессмысленной... как метание горошин — метание ради метания... И далее Теплов пишет: «Сальери становится рабом злой страсти, зависти. Потому что он, несмотря на глубокий ум, высокий талант, замечательное профессиональное мастерство,— человек с пустой душой. Наличие одного лишь интереса, вбирающего в себя всю направленность личности и не имеющего опоры ни в мировоззрении, ни в подлинной любви к жизни во всем богатстве ее проявлений, неизбежно лишает человека внутренней свободы. И убивает». То есть пушкинский Сальери не только убийца, он — самоубийца.

В. Ротенберг: — Потому что когда-то он убил мир в себе, а потом пришла расплата. Чему завидует Сальери? Музыкальной одаренности Моцарта? Нет, неправда. Сальери завидует его возможности воспринимать мир таким образом, каким ему уже недоступно,— щедро, открыто. Моцарту радостно от своей детской соотнесенности с миром, даже если этот мир предстает в виде слепого уличного скрипача. Именно это невозможно для Сальери. Он никогда не мог бы признать другого равным себе, потому что, обладая незаурядной способностью музыканта, не обладает тем, что мы называем общей одаренностью,— талантом жизни.

Соотнесенность себя с миром — это самый исчерпывающий образ детства. В этом и суть неизбежной — общей — детской одаренности, вернее, то поле возможности ее проявления, которое детство как бы дарит себе. Простите, но здесь сама собой напрашивается аналогия с общественным организмом: наш общественный организм был отключен от соотнесения себя с миром, противопоставлялся ему, воспитывался как метатель.

Ландау как-то сказал: «Я придумал несколько интересных физических теорий, но никто не понимает, что мой самый главный вклад состоит в том, что я придумал, как надо талантливо жить». Он, конечно, не придумал, как надо талантливо жить, он просто талантливо жил в силу этой общей его неспецифической одаренности. Из нее могут выкристаллизовываться и развиваться какие-то отдельные, конкретные способности. Но это не обязательно. И уж совершенно не обязательно, что наличие этих конкретных способностей свидетельствует об общей одаренности. Отсюда возникает очень большое количество проблем. В частности, и та самая, сальериевская,— проблема гения и злодейства.

А. Асмолов: — Проблема, далеко выходящая за рамки конкретно научного анализа.

В своем развитии человеческий род достиг уникального положения в мире. И эта уникальность определяется не только могуществом всей цивилизации, но и возможностью одного человека решить вопрос, «быть или не быть» человечеству в целом. Ни у одного биологического вида судьба не зависит от действий отдельного его представителя. С этой точки зрения проблема ценностных установок одаренной талантом и умением личности становится всечеловеческой. Сейчас одаренный горохометатель уже не горошины может метать...

В. Зинченко: — И ведь не промахнется, он же талантливый метатель.

Я как-то задумался: а откуда брались в нашей культуре гиганты? Какова природа Колмогорова, Флоренского, Вернадского и других? Набоков в восемь лет начал читать «Натуральную историю» — ведь и книги-то еще какие были, может быть, кому-то доводилось видеть дореволюционные издания «Натуральной истории» — в библиотеке отца. А для отца энтомология была хобби. Он же стал писателем и ученым-энтомологом. Флоренский занимался историей в детские годы, пошел на математический факультет, а потом стал великим теологом и философом. Колмогоров в молодые годы интересовался социальным устройством, а стал великим математиком. Николай Вавилов занимался историей религии и историей как таковой, а стал великим биологом. То есть эти детские увлечения — настоящие, они формировали именно дух человеческий, личность. А уже личности как бы превращались в универсальных решателей проблем.

Н. Лейтес: — И еще. К проявлениям одаренности надо подходить не только с точки зрения ее отдаленных последствий. Детство — это не только подготовка к будущему. Нужно, чтобы одаренный ребенок получал радость от полноты и своевременности применения своих сил уже теперь, в школе, не подгоняемый под чуждые его природе нормы, какие-то ожидания. Не будем только требовать от них то будущее, которое мы планируем им заранее, «от достигнутого» в детстве.

В. Зинченко: — По плану вообще можно натаскивать лишь на достижения в области горохометания. Не план нужен, а пространство свободы развития. Никакое совершенствование наших наробразовских «ЗУНов» — знаний, умений, навыков — не заменит этого пространства свободы поиска. Ведь наш организм, телесный и духовный, построен на принципе свободы. Избыточное число степеней свободы кинематических цепей человеческого тела — это есть условие того, что рука способна к тончайшим движениям и действиям. Избыточное число степеней свободы нашего образа мира по сравнению с реальным миром, возможность иллюзий, фантазий и т. д.— вот условие адекватного восприятия этого мира. Между прочим, то же самое и в интеллекте: ведь мы с вами можем позволить себе помыслить любую чушь! Но это есть основание того, что мы иногда, если нам повезет, приходим к нетривиальным результатам. Личность! У нас есть чудаки, которые начали моделировать личность. Я как-то спрашиваю у одного из этих «моделеров»: «А какую вы личность моделируете, ведь в личности есть как минимум первое и второе «я», а если поверить Владимиру Соломоновичу Библеру, то личность вообще «многояйная». То есть личность тоже свободна, хотя там есть соренование разных «я». Нужно не душить эту свободу в раннем детстве, как мы это делаем, не навязывать тип деятельности, а давать возможность самореализации.

А. Асмолов: — Одаренные дети, которым, действительно, «больше всех надо», доставляют немало хлопот учителям. Эти дети то и дело ставят учителей в неловкое положение своими странными — «не по программе» — вопросами. Они жадно ищут дразнящие воображение задачи, и если взрослый мир обрывает эти поиски или насмешливым «не твоего ума дело» или втискиванием в программу «от сих до сих», у них может развиться синдром «интеллектуального саботажа»: наиболее одаренные начинают принципиально сопротивляться школьному обучению.

В. Ротенберг: — У детства вообще неограниченный объем вопросов к миру, оно одарено этими вопросами, и само это — не только знак сопричастности с миром, но и хранилище потенциальных конкретных способностей детства. Это вопросы для собственного решения, они сами по себе — радость жизни. Но, увы, школа заготовила для них огромное число ответов, но не на те вопросы, которые детство задает миру.

А. Асмолов: — Так и начинается «подгонка» растущей личности, «отлучение» будущего взрослого от его гениального детства.

А. Кузякин: — «Нестандартные» дети сложны. В результате непонимания между ними и взрослыми возникают механизмы, блокирующие развитие одаренности, формируются установки избегания, маскировки возможностей, приводящие к депрессии и агрессии, уходу в неформальные группы. Опыт показывает, что одаренность может быть уничтожена самой системой формальных упражнений и требований.

В. Зинченко: — Почему японский ребенок в детском саду, в школе хочет — занят аппликациями, хочет — лепкой, хочет — выпиливает из фанеры, хочет — делает композиции в своем маленьком каменном саду, хочет — берет краски? Он ищет себя в материале. В советской же школе все дети во всех городах и селах на уроках рисования в первом классе должны были срисовывать одного и того же поросенка. А ведь эта проблема, проблема свободы поиска себя, — важнейшая для личности.

И детская одаренность, действительно, особо чувствительна даже к запаху несвободы. Я думаю, позволительна метафора: одаренность — это самый чуткий индикатор общественного климата, как в старину канарейка, которую брали

в шахту, так как она много раньше людей чувствовала метан. И своей смертью предупреждала о смертельной опасности.

И никакие законы, никакие президентские указы, даже если завтра нам дадут указ об охране одаренности, не помогут. Нужен климат и нужна атмосфера свободы. Надеюсь, я показал, что это — не публицистический пассаж, а конкретный научный вывод.

А. Асмолов: — Представления о формировании личности как непрерывном выходе за пределы самого себя (это мысль С. Л. Рубинштейна), об отказе о попытках «поиска человека» под поверхностью кожи человека (этот образ предложил еще А. Н. Леонтьев) были развиты А. В. и В. А. Петровским в концепции «личностных вкладов». С точки зрения исследователей, личность продолжает свое существование «по ту сторону» актуального общения, продолжает инобытием себя в другом и в других, вольно или невольно преобразуя их личность. В этом великий смысл и тонкость взаимосвязи и взаимозависимости вечной системы «учитель — ученик». Я не только о школе, но и о связи поколений, времен и культур. И главное: личностный вклад незаметен, его нельзя пощупать, но он может сыграть роль реализующегося пророчества, стать истоком того незримого самоубийства, о котором говорил Теплов. Сколько таких талантливых и одаренных самоубийц, которые и не подозревают об этом, выпускает школа, нацеленная на лепку «полезного обществу» человека — не достойного мира, а полезного для чего-то...

В. Зинченко: — Когда-то мы с Мерабом Константиновичем Мамардашвили писали о том, что душ меньше, чем людей. Не всем хватает. Тоже проблема дефицита. Здесь я не могу удержаться, чтобы не вспомнить Фазиля Искандера. Не зная об анализе Моцарта и Сальери Тепловым, он тоже взялся за эту проблему. Искандер пишет, что корысть Сальери заставила его убить собственную душу, потому что она мешала этой корысти. В маленькой драме Пушкин провел колоссальную кривую от возникновения идеологии бездуховности до ее практического завершения. Отказ от собственной души приводит человека к автономии от совести. Автономия от совести превращает человека в автомат. Автоматизированный человек выполняет заложенную в него программу. А заложенная в него программа всегда преступна. «Почему всегда?» — спрашивает Искандер. Потому что преступная корысть убивала душу человека для своего самоосуществления, а не для какой-либо другой цели. Непреступная цель не нуждалась бы в убийстве души. Вот вам сходимость — и писатель, и глубочайший и тончайший наш психолог, они говорят об одном и том же: одаренность — это работа души.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я вовсе не против исследований в области генетической предопределенности тех или иных способностей. Можно привести целый ряд исследований, которые заставляют серьезно поставить проблему генетической составляющей одаренности — от работ Владимира Павловича Эфроимсона, собравшего необозримый статистический материал о сходстве биологических особенностей ярких исторических личностей, до недавнего опубликованных данных о связи рождения будущих выдающихся деятелей от солнечной активности...

Реплика: — Кстати, в «Знание — сила» был материал о зависимости одаренности детей от разницы возраста родителей...

В. Зинченко: — Можно и другие примеры вспомнить, подтверждающие необходимость генетических исследований. Но мы находимся на такой фазе общественного развития, когда главной становится проблема души. Хотя бы потому, что нынешняя педагогика вкупе с психологией никак не могут расстаться с крайне примитивным постулатом о детерминизме человеческого поведения и деятельности и с представлением об их двойной детерминации (наследственность и среда или социальное и биологическое и т. п.). По существу, это старая как мир теория двух факторов. Как ни парадоксально, но ее можно и даже нужно сохранить. И не только для утешения (или утишения) ее сторонников. В принципе в ней нет ничего худого, если обозначать ее как теорию именно факторов, пусть важнейших, но не более того. Только не нужно смешивать факторы с движущимися силами и причинами развития. Такое смешение слишком часто оказывается средством научного или, скорее, наукообразного оправдания педагогического бессилия. И подобное оправдание выглядит более внушительно потому, что о подлинных законах физического, психического и духовного развития ребенка, о критериях оценки — уровня этого развития, мы знаем неизмеримо меньше.

И я бы закончил любимыми словами А. Блока, которые не устаю повторять: «Мы ругали «психологию» оттого, что переживали «бесхарактерную» эпоху. Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек... Назад к душе, не только к «человеку», но ко «всему человеку» — с духом, душой и телом, с житейским — трижды так».

А. Асмолов: — На этой высокой ноте можно закончить. Но буквально два слова в заключение. Редакция «Знание — сила» этим «круглым столом» открыла новое направление в своей работе, начинает целую публикационную программу «ДАР», «Диагностика, адаптация, развитие», но одновременно «круглый стол» стал и естественным продолжением всей десятилетней линии развития «Института человека» журнала.

Сегодняшняя тема — детская одаренность — прямо продолжила тему предыдущего «круглого стола» о «поколении, достигшем жизни». Я говорил на том заседании, что хотя и предельно условно, метафорически, но всю мозаику культур, составляющую человеческую историю, можно расположить у двух полюсов — полюса полезности и полюса достоинства. Подданным культуры полезности позволительно быть и находчивыми, и оригинальными, но лишь в рамках предначертанных. Их игра ограничена социальными подмостками и социальной ролью, написанной за них, но для них, а не основана на общечеловеческих ценностях бытия.

Свойства личности не могут подойти к профессиональным требованиям, как ключ к замку. Личность всегда шире своей профессии, это факт очевидный, но эту очевидность мы привыкли привязывать к взрослому миру. Давайте же помнить, что детство всегда шире любых образовательных программ. Это не значит, что не должно быть программ,— умные, добрые, научно выверенные программы именно сейчас становятся необходимыми как никогда. Но умными и добрыми эти программы станут только тогда, когда они будут основаны на понимании этой простой истины: детство всегда умнее любых программ.

Только тогда образование, понимаемое как расширение возможностей развития личности, поможет совершать самый трудный в жизни выбор — выбор быть человеком.

Переход от культуры полезности человека к культуре достоинства личности, который совершает наше общество, длинный и сложный. Он много более труден, чем переход к рынку, свободной экономике и т. д. Вспомним восточную притчу о мудреце, ответившем родителям на просьбу дать совет по воспитанию их новорожденного: вы опоздали на девять месяцев... Мы опоздали в путь на семьдесят лет, и прошедшие через пустыню тоталитаризма должны понимать как свою важнейшую задачу, как высший вклад в грядущее — не опоздать начать создавать пространство достоинства для тех, для кого наше настоящее будет преодоленным прошлым.

Публикацию подготовил В. ЛЕВИН

Живые антифризы

Рыбы, обитатели полярных широт, каким-то образом не замерзают среди льдов, айсбергов и почти заледеневшей воды. В этом им помогают особые вещества — белки, растворенные в крови и во внутриклеточной жидкости. Состав этих белков заметно отличается от всех остальных в организме, что и придает им, вероятно, специфические антифризные свойства. Химический состав таких белков у каждого вида рыб свой собственный, что, однако, не мешает достижению одного и того же положительного результата — рыбы не замерзают во льдах. Молекулы этих веществ сложные, и до конца не ясно, что именно в их химическом строении придает такие свойства. Скажем, раствор обычного белка альбумина замерзает точно при ноле градусов. Поэтому ученым пришлось пойти по пути сравнения антифризных белков у разных видов рыбы. Так однажды в поле зрения исследователей и попала полярная треска, непременный компонент уловов рыбаков.

В подмосковном городе Пущино биофизики применили самую совершенную аппаратуру, с помощью которой пробы крови трески были разделены на целый ряд разных химических веществ и соединений. Многие из них оказались белками, а некоторые — самыми настоящими антифризами. Их обнаружили сразу четыре типа: при добавлении этих не известных пока веществ в дистиллированную воду она замерзала в опытах уже не при ноле, а при некоторой небольшой минусовой температуре. Осталось, следовательно, расшифровать химическую формулу белков, дабы решить, можно ли их синтезировать искусственно. Но попутно выяснилось, что вещества эти очень токсичны, в больших дозах они убивали, например, амеб. Так что не исключено еще, что антифризы в организме играют какую-то роль и против инфекций.

Освоение космоса с помощью динамита

Передача энергии без проводов, скажем с Земли на орбитальную космическую станцию, возможно, станет реальной в недалеком будущем. Для этого предполагается использовать направленные потоки СВЧ-излучения. Вся проблема, однако, заключается в том, что технически очень трудно перевести максимум энергии питания излучателя в максимум энергии лазерного СВЧ-луча. Для этой цели в последнее время пытаются приспособить так называемый взрывомагнитный генератор. Вместо электропитания, подводимого по проводам, в нем просто взрывают небольшой заряд конденсированного взрывчатого вещества. И такая замена выглядит вполне приемлемой.

Как показывают результаты опытов, проведенных в Институте химической физики Российской АН в подмосковном городе Черноголовка, при сгорании в камере шестисот граммов заряда в обмотках генератора возникали электрические импульсы амплитудой до двухсот тысяч вольт. А этого уже вполне хватало для последующей генерации направленного мощного лазерного луча, который легко было вывести в атмосферу. Мощность СВЧ-излучения при этом достигала сста мегаватт.

Взрывомагнитный эффект открывает, таким образом, новые возможности для мирного использования огромных арсеналов военных пиромвтериалов. Накопленные в мире горы пороховых веществ на долгие годы могли бы решить проблему обеспечения энергией работы космонавтов на орбитальных станциях.

«Земля Санникова» — северная Атлантида?

Легенда о том, что где-то среди полярных арктических льдов затерялись теплые и обитаемые благодатные острова, родилась в 1811 году, когда русский промышленник и исследователь Яков Санников первым сообщил о якобы увиденном им теплом зеленом острове к северу от Новосибирских островов. «Землю Санникова» потом долго искали, но так и не нашли...

Вновь вспомнилась эта история, когда на Новосибирских островах провели раскопки сотрудники Арктического и Антарктического НИИ, находящегося в Санкт-Петербурге. Оказывается, восемь — десять тысяч лет назад эти места в отличие от остальной части севера Евразии были свободны ото льда. Мягкий климат создавал благоприятные условия для жизни на островах как животных, так и древнего человека. В раскопках ученые нашли кости мамонта, северного оленя, белого медведя, — видимо, основных объектов охоты туземцев-островитян. От людей осталось множество орудий охоты, здесь были найдены наконечники копий, дротики, ножи, гарпуны. Нашлись в раскопках также кости собаки и обломки нарты — верный признак того, что восемь тысяч лет назад собачьи упряжки были на островах надежным средством передвижения. «Золотой век» в этих местах начался десять тысяч лет назад, а закончился спустя шесть тысяч лет.

Вот и возникает теперь вопрос: а не воспоминания ли о тех временах, передаваемые из уст в уста через десятки поколений жителями близлежащей части материка, и породили эту красивую легенду о тропическом острове изобилия среди суровых полярных вод океана?..

Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков!

Проблема, «как стать неформальным лидером», волнует не только людей. Братьям нашим меньшим тоже приходится решать в своей жизни подобные задачи. И если для человека целью доминирования, как принято думать, служит некое самовыражение или стремление к власти как таковой, то в мире животных оно связано с прямой необходимостью продолжения рода. Неформальный лидер дремлет практически в каждой особи мужского пола — такой вывод можно сделать из опытов ученых. Так, в одной из лабораторий московского Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова Российской АН сделали попытку выявить таких лидеров среди мышей. Условия, куда поместили зверьков, были стрессовые. В отдельные изолированные вольеры посадили вместе по четыре самца и только по две самки. Разумеется, страсти закипели сразу во всех шестидесяти пяти группах подопытных мышей, и очень скоро в каждой выдвинулся собственный вожак. На успех карьеры повлияли многие факторы: сексуальный и социальный опыт, разница в возрасте с конкурентами, «знаки Зодиака», под которыми рождены были претенденты, — весна или осень. Но главным достоинством, решившим успех дела, был все-таки возраст. Чем старше самцы, вступающие в конкурентную борьбу, а значит, чем они крупнее и сильнее, тем больше шансов у них для того, чтобы пробиться к вершинам власти в пределах одной вольеры.

Черное золото — под ногами

Вокруг бензоколонок, гаражей и в особенности около нефтяных скважин земля весьма насыщена нефтепродуктами. Тут и просто нефть, и бензин, и масла, и смолы. Нефтяных загрязнений много, но их количество еще и возрастает каждый день. Вред для природы очевиден, да и сами потери ценных веществ ощутимы. Возникает вопрос: нельзя ли их как-нибудь оттуда извлечь, дабы использовать вторично? Можно, но очень дорого. До сих пор для этого применяли обычную промывку водой: заливали сверху загрязненный грунт, и нефть как более легкая всплывала на поверхность. Всплывала, да, к сожалению, далеко не вся. За восемь суток простого отстаивания от твердых частиц отделяется не более половины всей растворенной нефти, а остальное пропадает. Определенный выход из такого положения находят московские инженеры из Московского нефтегазового НИИ имени А. П. Крылова. Они решили попробовать подвергнуть такой насыщенный нефтью грунт воздействию вибрации. Для этого закрытые баки с водой и загрязненным грунтом установили на вибростенде, включили его и оставили на четверо суток работающим. В результате на поверхность воды в баках всплыло уже до девяноста шести процентов растворенных углеводородных загрязнений. А с поверхности воды их легко было снять обычными способами.

Конечно, применение вибрации заметно удорожает весь процесс извлечения остатков нефти. Но достигаемая при этом цель — почти полное сохранение топлива без потерь плюс защита окружающей среды от нефтяного загрязнения — вполне окупает эти дополнительные расходы.

Берегите мужчин — верных свидетелей экологического здоровья

Целых четырнадцать лет жизни отдали наблюдениям за одной из рек в Нижегородской области ученые из Арзамасского педагогического института. Эта река, называемая Сережа, приток другой реки — Тешн, которая впадает в Оку. С 1975 года исследователи держали под контролем большой участок Сережи, причем, как выяснилось, главным показателем здоровья реки мог вполне послужить всего один водный цветок — стрелолист обыкновенный. Это водное растение обитало и обитает повсеместно в низинах, и, казалось бы, никакие загрязнения среды ему были не страшны. Но это только на первый взгляд. За годы наблюдений параллельно шла борьба за чистоту вод с переменным успехом, экологическая ситуация менялась вначале в худшую, а к 1989 году — в лучшую сторону. Стрелолист же активно реагировал на все превратности судьбы, но самое интересное — как.

В нормальной жизни у растений вообще и этого цветка в частности поддерживается некоторое равновесие между числом мужских и женских особей. Когда же их жизнь становится труднее из-за всевозможных загрязнений, то мужские цветки быстро вымирают, а на воде остаются в основном женские особи. Наоборот, как только в результате принятых природоохранных мер вода, воздух, почва становятся чище, так сразу возрастает и число мужских цветков в массе зарослей. И так вплоть до полного восстановления полового равновесия в популяции.

Арзамасские ученые полагают, что биомониторинг водной среды здесь вообще стоит проводить только на основе подсчета «параметра сексуализации» растений, то есть соотношения количества торчащих из воды мужских и женских цветков стрелолиста.

Мы живем в драматический период, который будущие историки, возможно, назовут революцией здравого смысла. Наше сознание постепенно становится с головы на ноги, освобождаясь от мифов и меняя местами то, что считалось былью, с тем, что считалось сказкой. Основные политические противоречия в нашей стране — не между сторонниками различных стратегий развития общества, как это имеет место в цивилизованных странах, а между сторонниками мифов и «сторонниками объективной реальности». Вопреки распространенному мнению, географическая реальность также имеет свои законы, ничуть не отличаясь от реальности биологической или экономической. Попытаемся рассказать о некоторых из них.

В. Шупер,
доктор географических наук

Август Лёш в тридцатые годы нашего столетия.

Понять пространство

География — наука не только, а может быть, и не столько о природных различиях, хотя они и играют в ней очень важную роль. Человеческая деятельность делает неоднородным даже абсолютно однородное пространство, только в однородном пространстве она создает геометрически правильные формы, в то время как неоднородность всякого реального пространства искажает их иногда до полной неузнаваемости. Но следует ли трактовать само пространство как пустой ящик, в котором сложены различные географические объекты? Такой подход к пространству восходит к XVII веку, когда складывалась наука нового времени. Однако и тогда он не господствовал безраздельно. Наряду с философией Ф. Бэкона, сосредоточивавшей внимание на свойствах вещей при почти полном невнимании к свойствам пространства, существовала философия Р. Декарта, в которой знаменитые картезианские вихри были наиболее фундаментальной структурой мироздания.

Вальтер Кристаллер в шестидесятые годы.

Если на философию Ф. Бэкона опирался И. Ньютон, то на картезианскую (от латинского имени Декарта — Картезиус) философию — Р. Гук. Последнему не удалось создать картезианскую физику, ибо крайне трудно было и остается трудным до сих пор разработать эффективный аппарат, не обособляя части от целого до такой степени, что это целое фактически перестает существовать в наших представлениях. Победа ньютонианской физики над картезианской и ее дальнейшее стремительное развитие привело к физикализации, к тому, что практически все науки усвоили представления о пространстве, сформировавшиеся в классической механике. Не избежала общей участи и география, которой это было особенно противопоказано.

Физика XX века все больше возвращается к картезианским представлениям. Начало возрождения картезианской физики обычно датируют 1905 годом, когда был опубликован первый мемуар А. Эйнштейна по теории относительности. Но, вероятно, его началом следовало бы считать выдвижение принципа Маха (1883 год), утверждавшего, что инерциальные свойства тел обусловлены всем распределением масс во Вселенной. В географии своеобразным аналогом принципа Маха служит принцип позиционности, сформулированный в 1979 году Б. Б. Родоманом. Этот принцип гласит: «Два географических объекта, занимающих различное положение в пространстве, могут быть либо одинаковы по своим функциям, но неодинаковы по своему внутреннему строению, либо наоборот». Постараемся, однако, освободить позиционный принцип от пеленок первоначальной формулировки, ибо это поможет уяснить его подлинный смысл.

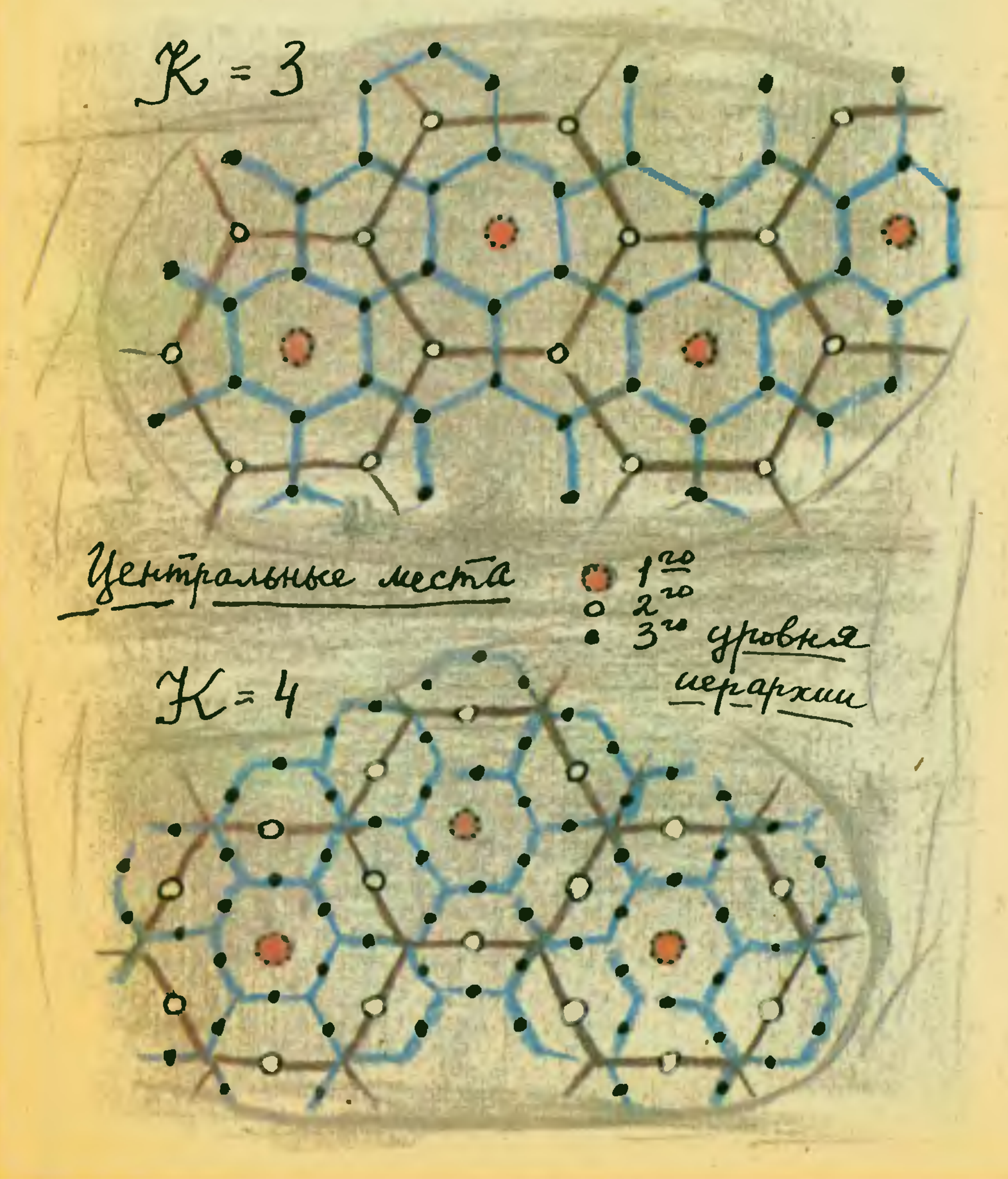
Смысл этот, по сути дела, состоит в том, что у географических объектов отсутствуют имманентные свойства, то есть такие свойства, которые не связаны с «контекстом». Кстати, картезианские идеи сейчас интенсивно разрабатываются не только в физике, но и в гуманитарных науках, например в социологии и лингвистике. Географические объекты вторичны по отношению к географическому пространству, ибо они не существуют вне него, как не существуют кварталы вне города. Если бы они находились в другой точке пространства, они были бы совершенно иными, как человек был бы иным, если бы имел других родителей. Не может быть двух одинаковых заводов, даже если они поставлены одной фирмой и сданы заказчику под ключ. Они станут разными самое позднее, как только начнут работать, ибо на их работе скажется все, начиная с климата и кончая характером рабочей силы. Поэтому позиционный принцип можно считать одним из самых важных географических законов. В науке часто законы формулируются в виде принципа, достаточно вспомнить принцип Ле Шателье.

Истоки законов Кристаллера

Попытаемся показать, как реализуются позиционный принцип и некоторые другие географические законы на конкретном примере — на примере одной из самых стройных географических теорий, теории центральных мест. Кстати, теории тоже могут быть формой научных законов. Вероятно, самая известная из таких теорий — специальная теория относительности. Теория, о которой идет речь, была создана в тридцатых годах нашего века двумя замечательными немецкими учеными — Вальтером Кристаллером и Августом Лёшем, чья классическая монография «Географическое размещение хозяйства» была в 1959 году переведена на русский язык. Эти ученые — во многом антиподы. Кристаллер всю свою долгую и трудную жизнь был убежденным сторонником планового регулирования и рассматривал свою теорию как средство рационализации территориальной организации общества. Первоначально она предназначалась для совершенствования административно-территориального деления Германии. Кристаллеру так никогда и не удалось применить свою теорию в этих целях. Но один из его первых сподвижников, замечательный эстонский географ Эдгар Кант, эмигрировавший в 1943 году в Швецию, подготовил в шестидесятых годах успешно осуществленную реформу, административно-территориального деления этого социалистического королевства. Будучи человеком весьма левых взглядов, Кристаллер после прихода Гитлера к власти в начале 1933 года бежал во Францию, но уже к концу года был вынужден вернуться в Германию, не найдя во Франции средств к существованию. При длительной обработке пропагандой даже недюжинные умы удается иногда побудить к шагам в желаемом направлении: в 1940 году Кристаллер вступает в НСДАП и становится сотрудником ведомства системы СС, разрабатывающего планы территориального переустройства захваченных территорий в Восточной Европе и СССР. В 1945 году он вступает в коммунистическую партию, живя отнюдь не в со-

ветской оккупационной зоне и ничего, кроме неприятностей, от этого не имея. По этой причине ему было отказано во въезде в США, куда он должен был прибыть в 1964 году для получения награды Ассоциации американских географов за выдающиеся научные заслуги. В 1956 году компартия была запрещена, и вскоре Кристаллер вступил в СДПГ,

Такими были бы системы городского расселения в идеальном (абсолютно однородном) пространстве. Вариант с ***К-3*** *обеспечивает обслуживание территории наименьшим возможным числом центральных мест. Вариант с* ***К-4****, более распространенный в реальности, обеспечивает наилучшие условия сообщений между центральными местами, которые связаны по кратчайшим расстояниям.*

также находившуюся тогда в оппозиции,— он вернулся фактически к тем взглядам, которых придерживался в начале тридцатых годов, когда разрабатывал свою теорию, призванную улучшить территориальную организацию общества.

В отличие от Кристаллера А. Лёш, проживший всего 38 лет, был убежденным сторонником либерализма в экономике и плюрализма в политике, чему, вероятно, немало способствовали его длительная работа в Гарварде и контакты с ведущими американскими экономистами. Во время войны он возглавлял группу исследователей в Институте мирового хозяйства в Киле, который был одним из прибежищ либеральной экономической мысли, по крайней мере до тех пор, пока его директор не был арестован гестапо. Несмотря на высочайший авторитет в профессиональных кругах Лёш отказывался принять звание профессора, ибо в этом случае ему пришлось бы принести присягу на верность фюреру. Эту должность он принял только после капитуляции Германии. Но 30 мая 1945 года Лёша не стало: ослабленный лишениями военного времени организм не смог сопротивляться вирусной инфекции. Во втором издании своей книги, подготовленном к печати в 1943 году, Лёш уже рассматривал экономические последствия наводнения Германии дешевыми американскими товарами после окончания войны, но воздерживался от выдвижения новых теорий до получения свежих американских данных.

Несмотря на столь разительные различия в биографиях ученых, перечень которых можно было бы продолжать, имеется и одно очень важное сходство: оба начинали свою научную деятельность как экономисты, но исчерпав возможности использования экономических методов для решения задач территориальной организации, перешли на географические позиции полностью (Кристаллер) или частично (Лёш). Последний писал в своем главном труде: «Прежние изыскания были посвящены отношениям между людьми и экономикой, а эта книга посвящена взаимозависимости между территорией и экономикой».

Так это выглядит в теории

Принципы, на которых основывается теория центральных мест, исключительно просты и изящны. Они представляют собой развитие позиционного принципа применительно к более конкретному случаю — территориальной организации расселения. Сама же территориальная организация и производства, и тем более расселения (его развитие меньше зависит от различных административных решений) отнюдь не случайна. Она определяется объективными законами, и всевозможные неразумные меры могут лишь исказить их проявление, но отнюдь не отменить их действие, как это имеет место и в области экономических отношений. Природа исходит из принципа наименьшего действия. Человечество как часть природы тоже стремится к наименьшей затрате усилий, то есть к оптимальности. Именно принципы оптимальности выражают различные теории размещения, в том числе и теория центральных мест с ее правильными геометрическими формами.

Наиболее компактная геометрическая фигура — круг. Это значит, что круглая форма наиболее предпочтительна для зоны обслуживания города, который потому и называется центральным местом, что обслуживает не только свое население, но и население своей зоны. Зона эта будет тем больше, чем выше уровень иерархии, к которому город принадлежит. Однако круги не допускают плотную упаковку в пространстве, остаются просветы. Ближайшая к кругу фигура, допускающая плотную упаковку,— это шестиугольник. Соответственно, города должны образовывать на территории правильную гексагональную решетку. Но как именно должны располагаться города в этой решетке, которую в честь В. Кристаллера, впервые ее предложившего, принято называть кристаллеровской? Они могут располагаться либо в узлах этой решетки, либо в серединах ее ребер. Следовательно, образуются кристаллеровские решетки двух типов. Каждый из этих двух вариантов имеет свои преимущества. Один обеспечивает обслуживание территории минимальным числом центральных мест. Другой ценен тем, что предполагает наилучшие условия транспортных сообщений между центральными местами.

Чтобы далее не испытывать терпение читателей, никак не припоминающих, когда они видели на карте правильную гексагональную решетку, сразу же заверим их, что они ее никогда и не увидят, как не увидят идеальную жидкость, идеальный газ или другие идеальные объекты научных теорий. Правильная гексагональная решетка может реализоваться только на территории абсолютно однородной во всех отношениях, не осложненной ни рельефом, ни гидрографической сетью с сельским населением,

размазанным, как масло по бутерброду, и одинаково проницаемой в транспортном отношении во всех направлениях. Но даже если бы такая территория существовала, появление одного-единственного города сделало бы ее в соответствии с позиционным принципом неоднородной. Вокруг этого города сразу образовалась бы система концентрических зон разных типов природопользования — от интенсивного сельского хозяйства в непосредственной близости от города до девственной природы на максимальном от него удалении, которую в честь И. Г. фон Тюнена (1783—1850) называют тюненовской зональностью. Возникновение кристаллеровской решетки с множеством городов различной величины создает сложную картину поляризованного ландшафта. Зоны наиболее интенсивного использования территории примыкают к крупным городам и постепенно выклиниваются вдоль путей сообщения, создавая звездообразную структуру, а резерваты нетронутой природы занимают пространства, максимально удаленные от городов, особенно крупных. Так должно быть в идеальном случае. Но жизнь далека от идеала.

Теория центральных мест, как и подобает всякой строгой теории, позволяет чисто дедуктивным методом выводить нетривиальные следствия. Она делает предсказания относительно расстояний между центральными местами и соотношения их размеров. Она может также предсказывать соотношение размеров центральных мест, принадлежащих к смежным уровням иерархии. Для некоторых целостных систем расселения, в том числе и для той, которая сформировалась в Эстонии, отклонения от предсказаний теории по этому показателю составляют лишь немногие проценты. В соответствии с теорией в Эстонии для группы из двенадцати средних городов расстояние до любого из наиболее крупных городов — Таллинн, Тарту, Нарва и Пярну — должно составлять 88 километров. На самом же деле оно составляет 84 километра. Для группы из тридцати четырех маленьких городов среднее расстояние до более крупного города должно быть 44 километра, а в действительности — 41 километр.

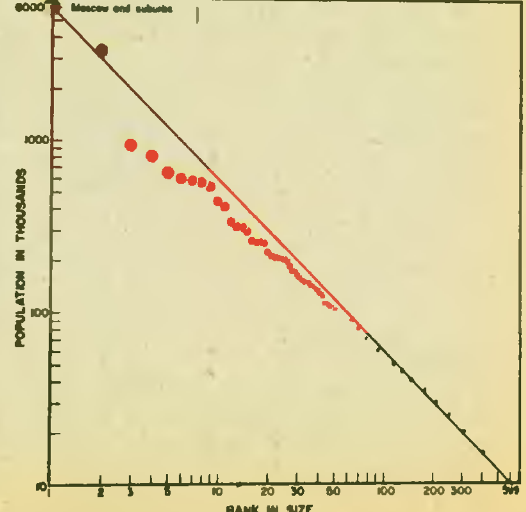
А что в реальности?

Почему же, однако, далеко не все территории обнаруживают столь хорошее соответствие предсказаниям этой, ставшей уже классической теории? Тому есть по крайней мере две причины, и на обеих мы остановимся. Но сначала необходимо сделать одно важное отступление.

В 1913 году немецкий же географ Феликс Ауэрбах опубликовал в весьма престижном географическом журнале статью, в которой на обширном фактическом материале доказывал, что соотношение размеров городов в стране имеет вид еще более простой: население того или иного города равно населению первого по численности города государства или региона, деленному на порядковый номер этого города в списке, составленном в убывающем порядке. На графике «ранг-размер» с осями в логарифмическом масштабе города должны располагаться на прямой, образующей угол в 45 градусов с осями координат.

Статья Ауэрбаха не привлекла внимания географов, а Кристаллер, который был с ней знаком, написал в своем главном труде, что «закон Ауэрбаха» — это не более чем игра с числами», ибо закон этот, очевидно, противоречит теории центральных мест. Закон Ауэрбаха был капитально забыт и переоткрыт через четверть века американским социологом Джорджем Зипфом, который, несмотря на свое немецкое происхождение, ничего о статье Ауэрбаха не знал. Зипф также начинал с городов, но затем обнаружил, что правило «ранг-размер», ставшее благодаря ему правилом Зипфа, характеризует и распределение слов по частоте в целостном произведении, и распределение газет по тиражу в масштабах страны, и многие другие социальные явления. Кстати, за пределами географии принята другая транскрипция фамилии этого ученого мужа, и там широко известен закон Ципфа.

Здесь изображена взаимозависимость численности населения города (ось X) и его ранга — порядкового номера в списке городов страны или региона (ось Y). Обе оси — в логарифмическом масштабе.

Закон этот, по мнению Зипфа, обязан своим существованием принципу наименьших усилий. Можно было бы иметь во всем государстве лишь Один Большой город, как его называл Зипф. Но тогда использование территории этого государства было бы предельно неэкономичным. Следовательно, правило Зипфа, хотя оно и не содержит никаких указаний на пространственное распределение городов, может выполняться только в той системе городского расселения, которая уже сложилась как целостность так, чтобы в ней выполнялся принцип наименьших усилий. Такой системой не может быть страна, недавно сложившаяся из разнородных частей, подобно Польше, или ставшая в недавнем прошлом осколком другого целого, подобно почившей в бозе ГДР.

Исследователями неоднократно отмечалось, что системы городов сначала улучшают соответствие правилу Зипфа, а потом во многих случаях начинают его ухудшать. Время этих процессов измеряется десятилетиями. Объяснение этого явления и есть объяснение видимого противоречия между правилом Зипфа и теорией центральных мест. Сначала система городского расселения складывается как целостность, и при этом улучшается ее соответствие правилу Зипфа. Затем, подобно тому, как вещество с течением времени переходит из аморфного состояния в кристаллическое, в нем формируется кристаллическая решетка, системы городов переходят из скорее аморфного состояния, характеризующегося соответствием правилу Зипфа, в состояние, подобное кристаллическому, характеризующееся соответствием теории центральных мест. При этом в них формируется кристаллеровская решетка. Конечно, она искажена. Но пропорции в соотношениях размеров центральных мест и расстояний между ними могут соблюдаться иногда просто с удивительной точностью. Отнюдь не случайно, что из всех республик теория центральных мест лучше всего работает в Эстонии, обладающей, пожалуй, самой зрелой системой городского расселения, формирование которой практически завершилось еще в двадцатые годы. Процесс перехода систем расселения из квазиаморфного состояния в квазикристаллическое мы предложили называть кристаллеризацией.

Раз мы обнаружили объективный закон развития, это заставляет нас иначе взглянуть на мир, умерив свой преобразовательный пыл и более чутко прислушиваясь к ритму природы. То, что должно созревать десятилетиями и столетиями, не может быть спроектировано на листе ватмана и построено за несколько лет. Но можно «открыть шлюзы» естественному процессу и направить его в наиболее желательное для нас русло. Разве не за то мы любим естественные науки, что они не только открывают красоту и величие природы, но прямо или косвенно позволяют нам вкусить от ее щедрот?

Теперь впору перейти ко второй причине, в силу которой далеко не все системы городов обнаруживают хорошее соответствие теории центральных мест. Причина эта кроется не в недостаточной зрелости систем городов, как в первом случае, а в недостаточной зрелости самой теории, которая в состоянии описывать только системы центральных мест с достаточно регулярным пространственным строением. Но ведь искажения могут быть и очень серьезными. Когда это происходит?

Самый очевидный случай — образование крупных городских агломераций, когда множество больших и средних городов прямо-таки слипаются друг с другом и прежде всего — с городом-гигантом. Достоин самого пристального внимания вопрос о том, почему одни города-гиганты имеют обширные агломерации, а другие их не имеют. Вряд ли тут можно установить какую-либо зависимость от размеров города. Санкт-Петербург уступает по размерам Москве менее чем в два раза, но его агломерация несопоставимо меньше московской. В то же время Екатеринбург, уступающий Санкт-Петербургу в три с половиной раза, имеет вокруг себя весьма крупную агломерацию. Но странным образом не имеет агломерации Минск, превосходящий по размерам Екатеринбург и выполняющий к тому же обширные столичные функции. Таких примеров можно привести много. Напрашивается гипотеза, что образование агломераций вокруг крупнейших городов не связано с какими-то причинами местного характера или со свойствами самого города-гиганта. У агломерации, образно говоря, другие родители — свойства системы расселения крупного региона или не очень крупной страны. Именно неравномерность сети городов на столь обширном простран-

стве и приводит к образованию агломераций вокруг крупнейших городов. Агломерации — не что иное, как самое сильное проявление этой неравномерности. Разумеется, это не относится к горнопромышленным районам, таким, как Донбасс или Верхняя Силезия, где городское расселение в значительной мере подчиняется размещению ископаемых ресурсов.

Другой случай, когда классическая теория центральных мест никак не может быть применена для описания системы расселения, это отсутствие в ней городов, которые должны были бы образовать второй по величине уровень иерархии. В Центральном экономическом районе, который включает в себя Московскую область, все семь сопредельных с ней областей, а также Ивановскую, Костромскую, Орловскую и Брянскую, как показывают расчеты, должны были бы существовать три города с населением полтора — два миллиона жителей каждый, и именно ими был бы представлен второй уровень иерархии центральных мест. Но поскольку их нет, нет и второго уровня. Аналогичным образом нет городов второго уровня иерархии — трех городов с населением по полмиллиона жителей — и в системе расселения Венгрии. Но если вокруг Москвы сформировалась обширная агломерация, то вокруг Будапешта сколько-нибудь значительной агломерации нет. Объясняется это тем, что система городского расселения Венгрии исключительно равномерна, в то время как у нас в Центральном экономическом районе вся эта система крайне неравномерна и характеризуется сильным разрежением в периферийных районах при очень сильном сгущении вокруг Москвы.

Равновесие порядка и хаоса

Один из важнейших принципов, регулирующих прогресс научного знания,— принцип соответствия. Он предполагает, что новая теория не отбрасывает старую, а лишь сужает ее применение. Старая теория становится предельным случаем новой. Так, классическую механику можно рассматривать как предельный случай релятивистской в условиях, когда скорости пренебрежимо малы по отношению к скорости света. Совершенно аналогично и теория центральных мест, создаваемая для описания тех сфер реальности, которые неподвластны классической теории, вовсе не исключает эту, последнюю, а наоборот, включает ее как предельный или, если хотите, идеальный случай.

Что бы ни «творили» города отдельных уровней иерархии, как бы ни сгущались они вблизи главного центра, результат для системы в целом может быть таким же, как и для идеальной кристаллеровской решетки, или близким к нему. Дело в том, что даже очень сильные нарушения пространственного строения могут компенсироваться.

Системы городов стремятся в своем развитии к такому состоянию, при котором различные уровни, чередуясь, уравновешивают друг друга так, что «произведение населения на пространство» остается таким же, как и для случая идеальной кристаллеровской решетки. Именно это имеет место в Центральном экономическом районе, где весьма значительная часть городов четвертого уровня иерархии, таких, как Мытищи, Калининград, Люберцы, Химки, прямо-таки слилась с Москвой. По аналогии с глобальной тектоникой это состояние называется состоянием изостатического равновесия. Кстати, не надо думать, что Москва, например, слишком велика для Центрального экономического района, напротив, она не вобрала в себя даже малой толики населения трех отсутствующих городов второго уровня иерархии. «Соразмерность» столицы создается прежде всего очень сильной концентрацией центральных мест вокруг нее. Не будь этого, Москва была бы даже маловата, но агломерация как бы подпирает столицу и продолжает ее.

Может показаться странным, что Москва, столица всего государства и России, оказалась вполне соразмерной системе расселения Центрального экономического района. Нам уже доводилось писать, что в таких гигантских странах, как наша или США, образование единой системы центральных мест невозможно*. Эффекты масштаба — одно из фундаментальнейших свойств мироздания. Насекомое не может быть больше, чем ему позволяет хитиновый покров, который никак не может стать чем-то вроде панциря гигантской черепахи. Трехметрового человека не выдержит ни кровеносная, ни опорно-двигательная система. Если планета слишком мала, она не может удержать атмосферу. Особенно хорошо эффекты масштаба изучены в физике, где каждое из четырех фундаментальных взаимодействий — сильное, электромагнитное, слабое и гравитационное — определяет структуру мира в характерных для него пространственных интервалах. Характерные размеры систем центральных мест составляют 10^4—10^5 квадратных километров. Таким образом, создать единую систему расселения для всей страны — это вредная утопическая идея. В США никто и не пытался этого сделать, и Вашингтон с самого начала создавался как прибежище политических функций, а не как главный город страны, живущий в условиях широчайшего самоуправления и ориентирующийся на несколько региональных столиц. С еще большей полнотой этот принцип реализован в соседней Канаде. Сверхцентрализация СССР сделала его подобным гигантскому неуклюжему насекомому, хитиновый панцирь которого не выдержал в конце концов пришедшейся на него нагрузки. Сейчас необходимо принять срочные меры, чтобы эту судьбу не разделила и Россия.

Каждая наука имеет свою специфику. Специфика географии состоит, в частности, в том, что ее законы выступают сразу в трех ипостасях. Первая ипостась — это классические научные законы, такие, как закон Бойля — Мариотта или закон цикличности экономической активности. Закон зональности — закон именно этого типа. Однако одно из наиболее перспективных направлений той же физики, ставшей в XX веке общенаучным лидером,— исследования систем, далеких от состояния равновесия, процессов возникновения структур из хаоса. При этом радикально меняется само научное мировоззрение, оно переориентируется с каузальности, то есть причинной обусловленности, на финализм — обусловленность результатом. Траектория процесса определяется не начальными условиями, а конечным состоянием, областью притяжения процесса. Именно в этом революционный характер идей И. Пригожина и его предшественников, а также наших исследователей — академика А. А. Самарского и члена-корреспондента АН С. П. Курдюмова.

В географии классический пример закона этого типа — теория экономического ландшафта А. Лёша. Она описывает не реальное размещение потребления и производства в регионе, а их равновесное состояние. Можно считать экономический ландшафт Лёша такой же идеальной конструкцией, как вечный двигатель, но лишь в том смысле, что развитие реальных двигателей идет в направлении приближения к идеальному, то есть в направлении увеличения коэффициента полезного действия. Но и эта аналогия слишком вольная. На самом деле равновесие означает такую пространственную организацию, при которой спрос удовлетворяется полностью и с минимальными издержками.

Наконец, третья ипостась географических законов это та, в которой они выступают уже не как законы науки, а как теории прикладного характера, являющиеся проектами совершенствования пространственной организации общества. Если бы географическая теория выступала только в этом качестве, она не была бы научной теорией. Поэтому трудно найти чистый пример для этого случая. Пожалуй, с наибольшим основанием им можно считать теорию полюсов роста Франсуа Перру, созданную в начале шестидесятых годов непосредственно в прикладных целях — дать импульс развитию депрессивных районов. Это, если можно так выразиться, географическое иглоукалывание, ибо и тут и там главное — найти точку, активация которой путем введения иглы, или мощной инвестиционной инъекции, позволит оздоровить организм человека или стимулировать развитие района. Теория центральных мест выступает во всех трех ипостасях: она описывает функционирование городских систем, определяет направление их эволюции и может служить практическим руководством при преобразовании систем расселения.

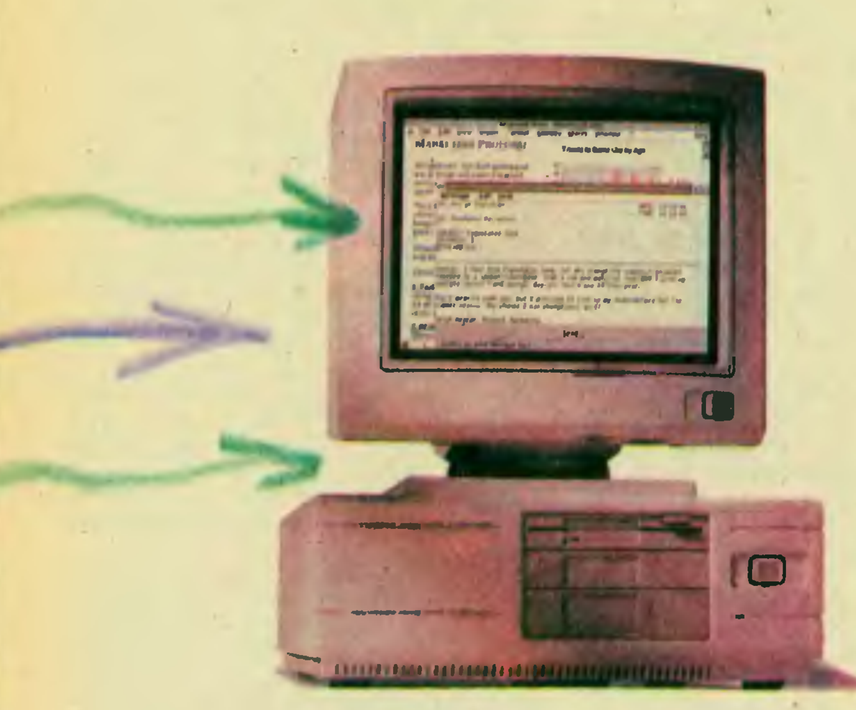
По удачному выражению известного нашего географа Б. Родомана, будущее надо не строить, а выращивать. Выращивая детей, урожай или кристаллы, естественно стремиться узнать как можно больше об объективных законах, определяющих эти процессы. География так же, как психология или социология, помогает выращивать будущее. Игнорируя ее законы, невозможно эффективно организовать городской транспорт или зону отдыха для горожан, выбрать такую стратегию развития крупного города, которая способствовала бы снижению социальной напряженности и улучшению качества жизни, так вкладывать средства в сельскую местность, чтобы не пустить по ветру десятки миллиардов, как это случилось в Нечерноземье, или же просто провести границы таким образом, чтобы свести к минимуму вероятность национальных конфликтов. Однако наука сама не решает социальных проблем. Она подобна компасу и карте для путешественника, а выбор маршрута — это уже его искусство. ●

* Б. Зимин, В. Шупер. «Забытая наука?» «Знание — сила», 1990 год, № 1

Композиция А. Обросковой

С. Сперанский,

доктор биологических наук

Чело века

Давайте посмотрим правде в глаза: дарвинизм — это унижение человека.

Мне больно говорить такое, поскольку к самому Дарвину я чувствую живейшую симпатию. Как к ученому, как к личности, как к писателю. Помню, какое счастье я испытывал, когда давным-давно, еще в студенчестве, читал его работы...

«Автобиография» написана на вершине славы, прокатившейся по всему миру. Над каждой ее страницей застываешь в изумлении: «Как — это он пишет?!» Уж так мы привыкли (в кровь вошло!) — наблюдаем, чтобы прославиться, исследуем, чтобы заявить о себе. Хорошо еще, если не только для этого. Спрятать такое невозможно. Не напишешь прямо — просочится между строк. Как он заявил о себе — громоподобно! А вот этого «чтобы» не было. Он был естествоиспытателем. Точка. Жил для того, чтобы испытывать естество. Полное отсутствие гордыни, нравственная чистота, «свете тихий» исходит от «Автобиографии». И от прочих трудов.

Долг, обязанность ученого — найти объяснение тому, что он видит. Дарвин свято следовал этому долгу. Телега у него не бежала впереди лошади, напротив, тяжко нагруженная, тормозила движение. Двадцать лет прошло от возникновения теории до ее провозглашения — это ли не подвиг научной добросовестности!

Нельзя не восхититься скрупулезной нравственностью Дарвина, который, собрав «монблан фактов» в пользу своей теории, приводит длиннейший список авторов, высказывавших сходные мысли.

Но и решившись наконец на публикацию своей теории, которая восторжествовала (пользуюсь современным лексиконом), Дарвин не прекращает научного поиска. Его мучат сомнения, «кошмары», и он не считает нужным их скрывать. В последнем прижизненном издании «Происхождения видов» — ворох новых сомнений, разрушающих основу, опасных для теории..

Еще раз хочу подчеркнуть, что Дарвин остается для меня образцом ученого: ни единым пятнышком я не хотел бы замарать его белоснежные одежды. Но это — сам Дарвин, а не дарвинизм. Дарвинизму же могут быть предъявлены тягчайшие обвинения.

Тут необходимо сделать одну очень важную оговорку. Я не ставлю своей задачей рассмотрение каких-либо аспектов теории Дарвина в ее подлинном, авторском варианте. Я просто не считаю себя достаточно компетентным для этого — слишком огромен комплекс проблем. Кстати, журнал «Знание — сила» неоднократно к ним обращался. Особо отмечу серию замечательных статей С. Мейена, палеоботаника и философа. А из последних публикаций журнала — очерк Ю. Лексина «Если это действительно так...» («Знание — сила», 1991 год, № 10).

У меня, однако, речь пойдет о принципиально ином предмете, а именно: об отражении теории Дарвина в массовом сознании и об этических следствиях этого отражения.

И снова парадокс: как раз самое популярное «обвинение» дарвинизму представляется мне несостоятельным, более того — анекдотичным. Я имею в виду провозглашенное Дарвином происхождение человека от обезьяны, а точнее — от обезьяноподобного предка.

Нет, унижение человека я вижу совсем не в этом.

Спросите любого гражданина с образованием не ниже среднего или хотя бы неполным средним, что он знает о дарвинизме. В подавляющем большинстве случаев получите триаду: борьба за существование — естественный отбор — выживание самых приспособленных. Иногда еще вспомнят о происхождении человека от обезьяны. Все! Это тот отпечаток, который оставлен дарвинизмом в массовом сознании. С ним и надо разбираться.

Если бы дарвинизм удержался в рамках биологической научной теории, о каких-либо моральных претензиях к нему не могло быть и речи. Если бы...

Но он стал знаменем особой породы людей, к которой сам Дарвин не принадлежал! Породы агрессивной, наглой, самоуверенной, лишенной сострадания. Нацеленной на выживание любой ценой. Цепкой, хваткой, приспособленной. Он стал религией атеизма.

Не учение Дарвина в полном объеме, что было бы слишком сложно и хлопотно. Но упрощенный и опошленный вариант дарвинизма, сведенный к той самой триаде с довеском, о которой я помянал.

Конечно, безнравственные люди существовали всегда. Но теперь они получили мощную поддержку науки, пиетет которой в веке минувшем был чрезвычайно высок. Любовь к ближнему? Что-то не видно ее в триаде... Значит, она — предрассудок, связанный с невежеством. Порядочность? Странное понятие, если закон природы — выживание самых приспособленных. Сочувствие к слабым? Но ведь это нонсенс — слабые должны гибнуть, чтобы происходил отбор. Падающего еще подтолкни...

Предвижу возражение: никто так прямо не говорит. Ну, во-первых, кое-кто говорит (выше я дословно процитировал Ницше). А во-вторых, разве обязательно говорить? Достаточно подразумевать.

Дарвинизм оказал огромное влияние на массовое сознание и подсознание. Это влияние было ужасным. Оно упраздняло высшие достижения человеческого духа, объявляя их ненаучными. Наконец-то я могу оправдать фразу, с которой начал статью: именно эту катастрофу я имею в виду, когда говорю об унижении человека.

На почве, унавоженной дарвинизмом, взросли такие идеологии, как марксистская и национал-социалистическая. Ключевые слова нацизма — «право сильного», а также «отбор» (представителей «высшей расы»); марксизма — «борьба». Прямая связь их с триадой Дарвина несомненна.

Звериный оскал нашего двадцатого «века-волкодава» обернулся для неприспособленных гибелью. Уничтожены многие лучшие представители человеческого рода, и явно заметны потери в генофонде человечества. Но вот этот век подходит к концу.

Что готовит нам грядущее двадцать первое столетие?

Тут важно выявить самые общие тенденции, ибо ясно: чело будущего века определяется уже сейчас. Чело — не морда! Столь высокое слово я употребляю с твердой надеждой, имеющей вполне реальные основания.

Главным знамением грядущей эпохи я считаю повсеместный отход от наукопоклонства, то бишь сциентизма, и признание ценностей иного рода — религиозных, нравственных, духовных — как определяющих поведение человека. (Хотя думаю, что именно науке не в последнюю очередь суждено освободить человека от тех предрассудков, которые ею же созданы.) Сегодня эта общая тенденция в развитии человечества проступает довольно отчетливо. И связана она не только с социальными факторами, но и с биологическими изменениями, которые имеют, по-видимому, провиденциальный смысл. Об этом свидетельствуют опыты А. Орловского и наши собственные, согласно которым у белых мышей наблюдается ослабление, если не исчезновение, левополушарного доминирования. Если это отражает универсальную закономерность, во что нам, естественно, хотелось бы верить, значит, обнаружена функциональная основа для тех преобразований сознания, которые готовит нам век грядущий. Ибо левое полушарие у человека ответственно (упрощенно) за логическое мышление, правое же — за художественное и косвенным образом за этику, эстетику, религиозные представления.

Вывод, конечно, небесспорный. Разумеется, нужны дальнейшие исследования, проверки, подтверждения. Но «с ходу» отвергать идею тоже, видимо, не стоит.

А теперь приведу другое и ценнейшее, на мой взгляд, свидетельство против «всеобъясняющей» триады Дарвина. Ахматова, стихотворение «Творчество»:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы, и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один все победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные
звоночки,—
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

Понимая, что мой подход может возмутить многих любителей поэзии, попробую все-таки поставить вопрос: какого рода научная информация содержится в стихах?

По сути, мы узнаем, что акт творчества происходит лишь при подключении к некоему источнику, находящемуся вне индивидуального сознания (в тетрадь ложатся продиктованные строчки). Наличие такого источника как раз и служит тем важнейшим фактором, который никоим образом «не вписывается» не только в пресловутую триаду, но и во все так называемые «материалистические» представления. Важна тут также последовательность событий. Сначала воспринимается поток информации, потом возникает его понимание (невербальное), и, наконец, оно оформляется в виде диктуемых (или как бы диктуемых) слов.

Не будем заниматься скучными рассуждениями о том, что такое материализм на самом деле. При желании его понимание можно расширить настолько, что сюда окажется включено все, считавшееся ранее идеализмом. Примем рабочее определение: материализм — это то, чему нас учили.

Сведениям об источниках познания, находящихся за пределом нашего чувственного восприятия, нас не учили.

Тем не менее они, по всей видимости, существуют и в громадной мере определяют наше бытие. А будут определять его еще в большей степени.

Академик В. Казначеев выдвинул гипотезу, которая коренным образом переворачивает представления о векторах развития человечества. Я не могу объявить себя абсолютным сторонником его взглядов, но считаю, что они заслуживают пристального рассмотрения.

В чем их суть? Казначеев принимает дарвинистское представление о происхождении человека от обезьяноподобного предка (протогоминида). Однако механизм превращения этого предка в человека он видит в высшей степени своеобразно.

Сравнение мозга с компьютером в настоящее время вряд ли кого-либо удивит. Но при этом, как правило, имеется в виду проводниковый компьютер, то есть система физического соединения нейронов друг с другом. Согласно Казначееву, наряду с этой «компьютерной» системой, каждый мозг представляет собой еще и полевой компьютер, то есть систему дистанционного взаимодействия нейронов между собой.

К такому выводу подводят исследования А. Гурвича и самого В. Казначеева с соавторами, доказывающие реальность влияния одних клеточных элементов на другие при отсутствии непосредственного контакта.

Кроме того, о том же говорят очень давние, но никем по сию пору не «отмененные» данные П. Лазарева (1916 год), который установил, что минимальный суммарный вес нервных волокон, необходимый для соединения всех нейронов между собой, составил бы у человека около шести килограммов, тогда как в действительности он почти в три раза меньше. Следовательно, одно из двух: либо в мозгу имеется до двух третей «безработных» нейронов, либо наряду с контактным взаимодействием между нейронами существует дистанционная, «полевая» связь. Казначеев принимает второе.

За этим утверждением, которое еще можно принять относительно спокойно, следует самая фантастическая часть гипотезы. Она относится к тем незапамятным временам, когда возникло человечество. «Очевидно (!),— пишет Казначеев,— что проводниковый компьютер перескочил на режим полевого компьютера. 12 миллиардов нейронов, а поля уже были в каждом нейроне, взрывоподобно объединились в один большой полевой компьютер».

Оставим на совести автора слишком большую категоричность, а равно и те доводы, которые сам он считает решающими[1]. Казначеев не занимается детальным их рассмотрением, чем, на мой взгляд, существенно ослабляет свои позиции.

Ну а без них имеет ли гипотеза право на существование? Осмелюсь утверждать, что да. Она как бы стягивает в один узел идеи Вернадского, Циолковского, Чижевского, Тейяра де Шардена, Бауэра, Флоренского, Федорова — авторов, которых Казначеев широко и охотно цитирует и которые, несомненно, определяют «состав его крови». В контексте их образа мышления (в отличие от более ортодоксальной науки) гипотеза совсем не выглядит инородным телом. Хотя новизна ее, даже при учете всех «влияний», воистину ошеломляет.

Остро критическое отношение у слушателей Казначеева (обсуждения в прессе я не встречал) вызывает его представление о взрывообразном характере объединения «полевых компьютеров». В такой критике, по-видимому, сказываются традиции эволюционизма, заложенные Дарвином, которым гипотеза Казначеева решительно противостоит.

Но вот другой автор, тоже вызывающий ожесточенные нападки ортодоксов. Лев Гумилев со своей теорией этногенеза. Он также отстаивает (и демонстрирует на огромном историческом материале) взрывообразные процессы, охватывающие обширные территории и в кратчайший срок изменяющие психологию целых народов. Вспышки пассионарности... Почему вдруг (тут важно именно это слово!) отсталое скотоводческое племя монголов менее чем за век подчиняет себе половину евразийского материка? А в другое время нечто подобное происходит с крошечной Македонией? Таких примеров в истории множество.

И вот что особенно интересно. Гумилев осмысляет эти процессы не только с исторических, но и с географических позиций. Тогда отдельные очаги пассионарности объединяются в полосы, «как будто кто-то невидимый хлещет по земному шару кнутом». Не правда ли, мощный образ? И столь же мощная, хотя и косвенная, поддержка космобиологической концепции Казначеева. Ибо если неизвестный космический фактор способен в принципе влиять на огромные массы людей, то почему бы ему в какой-то момент не объединить «индивидуальные полевые компьютеры» в один сверхкомпьютер, обладающий гигантской познавательной способностью?[2]

Предвижу возражения: ну можно ли быть столь категоричным, опираясь в основном на гипотезы, пусть и убедительные? Есть ли им какие-то подтверждения в природе? Существуют ли, например, в реальности подобные «сверхкомпьютеры»? Или же это — плод выдумки Казначеева? Ответ однозначен: существуют. Французский биолог Реми Шовен в итоге своих исследований, кстати, широко признанных мировой наукой, пришел к выводу, что единицей интеллекта коллективных насекомых считается не отдельная особь (пчела или муравей), а улей и муравейник. Нечто подобное, хотя в меньшей степени, характерно для стадных животных и птичьих стай.

В чем еще я вижу серьезную поддержку гипотезы? В том хотя бы, что установлено существование «моды на мутации» (этот феномен был предметом докторской диссертации М. Голубовского). Оказывается, мутационный процесс в природе вовсе не является неопределенным, как считалось ранее. В отдельные моменты на обширных территориях резко, подчас в тысячи раз, возрастает частота мутаций определенного типа, а спустя какое-то время идет на убыль. Такого рода «мода» вполне могла стать генетической основой для «взрыва», приведшего к объединению «индивидуальных компьютеров».

Конечно, здесь трудно привести все доводы в пользу обсуждаемой гипотезы. Хотелось бы только подчеркнуть, что — при внешней необычности — она хорошо вписывается в новейшие представления науки. Да и не только новейшие. Теория катастроф Кювье по своему духу тоже близка к концепции Казначеева.

Продолжим, однако, изложение вытекающих из гипотезы следствий.

По Казначееву, момент объединения компьютеров был одновременно и началом, и высочайшей вершиной в развитии человечества. Сверхкомпьютеру было доступно сверхзнание, интуитивное, не вербализованное проникновение в глубочайшие тайны бытия[3]. Отсюда берут начало все мировые религии.

Но удержаться на вершине человечество не смогло.

Трудные условия жизни, необходимость борьбы за существование привели к тому, что сверхкомпьютер снова стал рассыпаться на индивидуальные компьютеры. Чтобы хоть как-то компенсировать потерю прямой связи между индивидуумами, люди создали язык. Таким образом, по Казначееву, уже вербализация была не высшим достижением человечества, а знаком регресса.

Согласиться с этим трудно, да и не хочется. Я не вижу оснований отнести «начало мировых религий» к моменту «взрыва», имевшему место, по мнению Казначеева, миллионы лет назад, тогда как о возрасте «мировых религий» можно сколько-то аргументированно говорить лишь в масштабе тысячелетий. И возникли они на базе вербализации. Поэтому более вероятной мне представляется иная трактовка. Для общей тенденции прогрессивного развития вербализация стала своеобразным средством наращивания сложности и мощи «индивидуальных компьютеров», чтобы на новом витке, к которому мы подходим, опять осуществить синтез, но уже на более высоком уровне. С этих же позиций, по-видимому, следует рассматривать и техногенную стадию в истории нашей цивилизации.

Человечеству важно было развить логическое, вербализованное, «левополушарное» мышление, отодвинув на время иные формы познания и иные способы коммуникации. Чтобы вернуться к ним.

Всю область паранормальных явлений (включая сюда НЛО, с чем я решительно не согласен) Казначеев считает атавистическим проявлением связи с некогда доступным каждому сверхкомпьютером, а людей, в полной мере эту связь сохранивших, таких, как Блаватская и Е. Рерих, относит к категории «уникальных шунтов».

Что же, в общем и целом подобная позиция мне импонирует. Только связь со сверхкомпьютером я вижу скорее не исчезавшей, а отдыхавшей и незаметно набиравшей силы. То, что сейчас происходит в мире,— взрыв (опять взрыв!) общественного интереса к этническим и религиозным ценностям, к «тонкому миру», существование которого длительное время игнорировалось,— представляется мне знаками близкого окончания отдыха. Кстати, и гипотезу Казначеева я считаю одним из таких знаков.

Поставлю неожиданный вопрос: а плодотворным ли оказался отдых?

Страшные последствия «религии атеизма» у всех на виду, у нас — тем более, ибо мы находились в их эпицентре. Но ведь было не только это.

Каждый, кто побывал за границей в какой-либо стране «развитого капитализма» — Англии, Франции, Швеции, Дании,— возвращается оттуда с таким главным впечатлением: как часто там улыбаются! Какое замечательное обслуживание! Да не только обслуживание.

---

[1] Это — прежде всего «новые факты необычайного звучания», полученные профессором Ю. Мочановым, который обнаружил в Якутии пласт каменных орудий (чоперов), представляющих «почти точные копии» олдувайского каньона в Африке, раскопанного ранее Л. Лики. Возраст находок Лики определяется в 1,2—1,5 миллиона лет, Мочанова — в 1,8—2,2 миллионв. Что же, это довод, хотя и недостаточный для утверждения очевидности «взрыва», который произошел еще за один-два миллиона лет до изготовления орудий на месте древнейшей из находок. Кроме того, настораживает словечко «почти», в котором может быть заложена мина. Ведь простое сходство орудий мало о чем говорит. Оно легко объясняется естественным применением подобного для аналогичных целей. Только если степень подобия выходит за рамки возможности случайного совпадения, можно говорить о едином «компьютере», приведшем в удаленных и разобщенных точках земного шара к одинаковому итогу деятельности.

[2] Оговоримся еще раз, что концепция Гумилева, хотя и завоевывает все большую популярность, все же далека до всеобщего признания. Разные ее элементы в различной степени спорны. Если сам факт «вспышек пассионарности» уже почти не вызывает сомнений, то объяснение его действием космических факторов, а тем более объединение «зон пассионарности» в полосы. имеют значительно меньшее число сторонников. Однако чего бы стоили наши попытки осмысления действительности, если бы они включали в свою орбиту только общепризнанные положения...

[3] Это соответствует первой и второй фазам творчества у Ахматовой.

Как добры и внимательны друг к другу люди. Как интересно там жить...

Предвижу, что разговор об улыбках при обсуждении судеб человечества может быть воспринят как легковесный. И все же настаиваю: это — не пустяк, а один из показателей качества жизни, причем более высокого, чем в обществах, где отвыкли улыбаться.

Говоря о «зверином оскале» двадцатого века, я имел в виду прежде всего ту часть человечества, к которой мы сами принадлежим. Однако век был многолик, и несправедливо отрицать достижения западной — технократической — цивилизации.

А что же Восток? Например, Индия, страна с традиционно высочайшей духовной культурой. Ее великий учитель Махатма Ганди был убит. Индира Ганди, дочь Дж. Неру, глава правительства,— тоже. Недавно мы стали свидетелями третьего убийства — сына И. Ганди, который пытался реализовать идеи М. Ганди и Неру. В Индии льется кровь, страну раздирают этнические и религиозные противоречия.

Или мусульманский Ближний Восток. Истовая его религиозность прекрасно уживается с жесточайшими авторитарными режимами. Он породил Саддама Хусейна — самое мерзкое чудовище современности. И уж там кровь течет потоками, а конца не видно.

Думаю, эти факты указывают на провиденциальный смысл технократической цивилизации. Человечеству был дан урок, задание: показать, на что оно способно своими силами, не прибегая к внешним источникам или, по крайней мере, не ставя их в центр своей деятельности. Оно успешно справилось с поручением и достигло многого в странах, где этот принцип торжествовал. А именно — существенно улучшило качество жизни.

От однотипной по своему характеру деятельности устает не только человек. Устают целые этносы, суперэтносы, цивилизации. Восток устал от напряженного духовного поиска, который не сочетался гармонично с социальным прогрессом. Спросите у рядового японца, что такое дзэн. Он посмотрит на вас удивленно (тут я опираюсь на свидетельство человека, который производил подобный опыт). Между тем дзэн-буддизм, духовное учение, вторая родина которого Япония, приобретает сейчас на Западе все большую популярность.

Йеше Римпоче, глава тибетского монастыря в Непале, умер в 1984 году. Тибетских лам не выбирают. Согласно древнему учению, их души перевоплощаются в новорожденных. Такого младенца нужно отыскать и потом воспитывать для предназначенной роли нового ламы. До недавнего времени подходящие кандидатуры обнаруживались лишь в пределах Тибета. Однако в случае Римпоче младенец был идентифицирован в испанской семье. Факт многозначительный, даже независимо от того, верить или не верить в реальность перевоплощения.

Восток «заражается» Западом, Запад — Востоком. Думаю, факт этот благодетелен для обеих сторон.

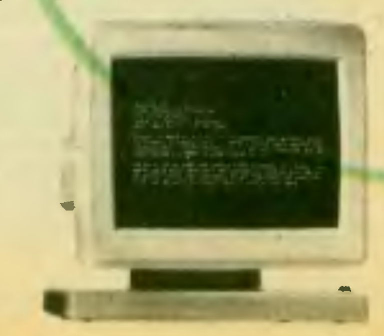
Западная цивилизация при всех своих очевидных достижениях остро ощущает тупиковость, исчерпанность пути, по которому она шла до сих пор. Хотя духовный поиск там никогда не прекращался, о чем свидетельствуют, в частности, высокие достижения гуманистической психологии. Однако в центре внимания общества был не он, а все новые успехи в социальной сфере и сфере услуг, ускорение и облегчение передвижения, развитие средств массовой коммуникации, компьютерной техники и т. п. Этот период подходит к концу. Порожденная им угроза экологического кризиса овладевает массовым сознанием. На первый план выступают действия, направленные не на достижение еще большего комфорта, а на воссоединение с теми глобальными источниками силы и мудрости, которые были на время отодвинуты. Неважно, как их называть — «полевым сверхкомпьютером» или Высшим Разумом, или как-нибудь еще.

Этот праздник воссоединения — на пороге. Оно, воссоединение, и определит чело будущего века.

И вот тут-то как раз чрезвычайно важно наше промежуточное положение между Востоком и Западом. Промежуточное не только географически, но и психологически. Только что мы пережили жесточайшую тиранию азиатского типа и еще не вполне опомнились от нее. Между тем наша страна внесла огромный вклад в золотой фонд западной культуры, достаточно назвать имена Толстого, Достоевского, Чехова, доказав тем самым свою органичную принадлежность к ней. И сейчас, когда западные ориентиры развития, западные достижения выглядят для нас столь соблазнительно, можно не сомневаться, что они будут естественно восприняты обществом, освобожденным от навязанной ему идеологии.

В то же время человеку западному никогда не было свойственно такое напряженное внимание к сущностным проблемам бытия, которое составляет характерную особенность русской интеллигенции, да и всего нашего этноса в целом. А ведь это — восточная черта! И если новую вершину в развитии человечества видеть в слиянии восточного и западного начал, то наилучшие условия для такого слияния существуют здесь и сейчас. Ибо у нас нет ни восточной усталости от духовного поиска — он был перекрыт на семь десятилетий, ни западной — от погони за материальными благами, которая тоже требует немалого напряжения.

Мы «отдохнули» лучше и дольше всех. Это хорошая предпосылка для того, чтобы проснуться полными сил и бодрости. Миновать бы только опасное переходное («просоночное») состояние и дожить до пробуждения. Хотя бы тем, кто помоложе... ●

О. Севастьянов

Искушение языком, *или* *Приключения "третьего мира"*

Ученые пытаются устранить свои ошибочные теории, они подвергают их испытанию, чтобы позволить этим теориям умереть вместо себя. Правоверный же сторонник своих убеждений, будь это животное или человек, погибает вместе со своими ошибочными убеждениями.

Карл Поппер

Историю эту можно было бы начать в другое время и в другом месте, но, как говорится, каноны жанра обязывают. Представьте себе, дорогой читатель, что в тот вечер в поисках книжных новинок вы забрели в один из лондонских магазинов и ваш блуждающий взгляд остановился на... Впрочем, вначале название книги вам не запомнилось. Вы лишь наугад раскрыли ее и углубились в чтение. «Специализация... это повышение эффективности приспособления к определенному образу жизни... Специализация... всегда связана с необходимостью пожертвовать некоторыми органами или функциями для того, чтобы другие стали более эффективными». Из дальнейшего изложения вы узнали, что вытекающие из специализации ограничения, выгодные для данных условий, одновременно отсекают биологическому виду возможность заиметь другие приспособления, которые потом могли бы очень даже понадобиться. Предыдущая специализация как бы заявляет: извините, джентльмены, но ваш поезд уже ушел, я направляю отбор по накатанному пути. Этот накатанный эволюционный путь стимулирует неповторимость в живой природе — закономерность, присущую всем организмам,— тем загоняя их в тупики специализации, и (при резкой смене условий среды!) ставит перед фактом вымирания.

Однако возможен и иной сценарий, путь неизменного прогресса — происходящие изменения не ограничивают перспективы для будущих широких возможностей. Здесь нам не страшен никакой тупик. И вот что важно, сценарий этот уникален: «Лишь по одной-единственной линии прогресс продолжается и остается возможным в дальнейшем — по линии человека»,— уверяет автор.

— Сэр, мы закрываемся.

Только сейчас, оторвавшись от чтения, вы замечаете, что к вам обращается служащий опустевшего магазина. Перед тем как положить книгу на место, вы еще раз бросаете взгляд на обложку: Джулиан Хаксли, «Эволюция. Новый синтез». Надо спешить, и вы выходите на улицу. Вечереет, и первая мысль, которая приходит к вам,— о том, что сегодня, даст бог, люфтваффе Геринга обойдется без глупостей и вам предстоит ночь без бомбежки. Все-таки на дворе уже 1942 год, и вермахт прочно увяз в России. Уже спускаясь в подземку, вы вспоминаете содержание прочитанного: «Лишь по одной-единственной линии прогресс продолжается и остается возможным в дальнейшем...» Один из основных признаков прогрессивной эволюции — контроль над средой, который осуществляет организм, добиваясь тем самым автономности от нее. Все верно, но почему же я не могу контролировать эти проклятые налеты?..

О таинстве духа и самовоспроизводящихся идеалистах

Если попросить профессионального лингвиста дать определение человеческому языку, то в большинстве случаев мы услышим примерно следующее. Язык есть средство коммуникации, обеспечивающее передачу информации от одного субъекта другому посредством общепринятых знаков — жестов, слов, предложений и текстов. Поэтому у нас наверняка вызовет удивление такое определение: язык есть прежде всего особое мировидение, прослойка между внешним миром и человеком, конструирующая ориентированную на потребности общественного индивида «реальность». Между тем такое определение, хотя оно и не ставит во главу угла признак коммуникации, действительно существует и имеет свои исторические корни.

Корни эти — в учении великого немецкого языковеда XIX века Вильгельма фон Гумбольдта. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия,— писал Гумбольдт,— а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа...»

Прежде чем скептически хмыкнуть при упоминании «духа», попробуем разобраться в том, что понимает под языком Гумбольдт (надо сказать, что им язык воспринимается шире, нежели современными лингвистами). Основной пафос гумбольдтовского определения языка заключается в двух взаимосвязанных моментах.

Во-первых, «...язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». То есть человек имеет дело не непосредственно с предметным миром, а с миром, данным в понятиях, порожденных нашим языком. Действительно, нет никакого сомнения в том, что во внешнем мире отсутствуют такие чувственно воспринимаемые объекты, как «белизна», «нежность» или «животное». Мы осознаем существование этих объектов в мире только потому, что смотрим на него сквозь сетку наших языковых категорий, сплетенную усилиями предшествующих поколений. Мы настолько привыкли к этой сетке и не замечаем ее, что нам кажется: не будь ее — воспринимаемый нами мир не изменился бы ни на йоту. Он и был бы такой же, каков он есть в нашем языковом сознании.

Отсюда, из представления о языке как о промежуточном мире, вытекает вторая особенность гумбольдтовской трактовки языка. Если для большинства современных филологов язык — лишь инструмент, используемый мышлением, знаковая оболочка, прикрепляемая к созревшей мысли в момент общения, то сам Гумбольдт не разграничивал языка и заключенного в нем знания, ибо для него язык был системой хранения и передачи знания. «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Включая знание в язык, Гумбольдт тем самым включал в понятие языка («духа» народа) и научные знания, и культуру в качестве специализированных ветвей общего информационного багажа нации. Но очевидно, что и вопрос о том, чье определение языка — гумбольдтовское или современное — лучше, теряет всякий смысл. Ибо у них разные задачи.

Зачем же нам возрождать гумбольдтовское понимание языка? Дело в том, что оно проливает свет на природу языковой культуры и эволюцию этого промежуточного мира, мира духа.

В каком-то смысле человечество склонно забывать то, что ему когда-то изрекали, и внемлет лишь новым пророкам. Плохо понятый Гумбольдт прошлого уступает в наших умах место Карлу Попперу, который в своей теории «третьего мира» невольно повторяет и даже продолжает путь, проделанный Гумбольдтом. Согласно Попперу, «третий мир» — это мир объективного содержания мышления, относительно независимый от мира состояний сознания («второго мира») и мира физических объектов («первого мира»).

Исследуя результаты деятельности человека, мы можем многое узнать о его психологии и поведении. То же самое справедливо и в отношении поведения животных. Поппер считает, что мы можем узнать больше о поведении животных, «изучая произведенные ими продукты сами по себе, чем мы можем узнать о продуктах путем изучения поведения животных во время производства этих продуктов».

К числу таких продуктов, помимо гнезд и жилищ, следует отнести и навыки в поведении, устойчивые традиции, передаваемые из поколения в поколение. И здесь мы обнаруживаем преемственность между гумбольдтовским «духом» и попперовским «третьим миром», ибо в обоих случаях по существу речь идет о системе хранения и передачи знаний. По крайней мере, сам Поппер чувствует эту связь: «Каким образом возникают в джунглях тропы животных? Некоторые животные прорываются через мелколесье, чтобы достичь водопоя. Другие животные находят, что легче всего использовать тот же самый путь. Таким образом, посредством использования последний может быть расширен и улучшен. Он не планируется, а является непреднамеренным следствием потребности в легком и быстром передвижении. Именно так первоначально создается какая-нибудь тропа. Возможно, так же и людьми. И именно так могут возникать язык и любые другие институты, оказывающиеся полезными...»

Не преждевременно ли признавать эволюционную связь между «третьим миром» и языком? Нет, здесь у нас складывается довольно логичная картина. Идея особого промежуточного мира, прослойки между внешней средой и организмом настойчиво всплывала в учениях философов, социологов и биологов. Так, американский философ Джордж Герберт Мид признавал: «Результат всякого приспособления и адаптации тот, что приспосабливающийся организм обнаруживает: благодаря своему приспособлению он создает среду». В том числе и особую среду конструируемых им «социальных объектов». Немецкий биолог Якоб фон Икскюль обозначил термином «окружающий мир» (перевод приблизителен) некую оболочку, сквозь призму которой каждый биологический вид по-своему воспринимает окружающее.

По этой логике наш язык — частный случай «третьего мира», элемента созданной эволюцией «прокладки» между организмами и миром, в котором они обитают. Чем информативнее «прокладка», чем выше ее способность контролировать среду, тем больше эволюционный выигрыш для данного вида. Отсюда и бросающийся в глаза отбор на информативность «прокладки» в рамках прогрессивной эволюции. Чем больше автономность отдельного организма от внешней среды, тем выше его зависимость от творимого самим видом «третьего мира», его псевдосамостоятельность. Такова оборотная сторона прогрессивного роста автономности биологического вида. И вот здесь-то возникает крамольный вопрос: а не подвержены ли информационные «прокладки», эти «третьи миры», специализации в такой же мере, в какой ей подвержены морфологические структуры организма животного? (По сути дела, оба эти процесса взаимосвязаны.)

Способна ли такая специализация завести вид в эволюционный тупик, поставить его под угрозу исчезновения? Если посмотрим на привычную процедуру вымирания вида с этой необычной, ранее нами не практиковавшейся «неморфологической» точки зрения, то с удивлением обнаружим: так оно и есть. Ведь тропы животных, их пищевые предпочтения и традиции тесно привязаны к определенной экологической нише. И когда, скажем, технологическая экспансия человека покушается на экологическую нишу данного вида, спастись этот вид может лишь при одном условии — подчиниться какому-то наитию, команде «изнутри» или «сверху»: «Уходи, зверь. Здесь теперь опасно». Однако в большинстве случаев «третий мир» в виде привычек и популяционных традиций цепко держит зверя, привязывая его к гибельному месту. Так что чудеса случаются редко...

У человека основной «прокладкой» с внешним миром служит языковая культура. И судьба хомо сапиенса оказывается в зависимости от эволюции языка.

Время разбрасывать камни и время собирать их. XVIII век разбросал семена просвещения, из которых проросли теории, ниспровергающие обскурантизм религии и прославляющие прогресс разума, языка и культуры. XX век подвел итог прогрессистским прогнозам века Просвещения, лишний раз подтвердив, что просто так эволюция никому ничего не дарует и что приобретение должно быть дорого оплачено. Желаете увидеть, как признак специализации, скрывавшийся до того в языке, неожиданно материализуется перед нашим взором, заставляя играть новыми оттенками восхваляемый всеми продукт «прогрессивной» эволюции?

Давайте попробуем организовать «телемост» XVIII и XX столетий. Команду XVIII века возглавляет известный мыслитель Иоганн Готфрид Гердер, за двадцатое столетие выступает яркий публицист и философ Артур Кестлер, знакомый нашему читателю как автор романа «Слепящая тьма».

Кестлер против Гердера

«Хелло, Иоганн. Слышите нас?.. Как договорились, в порядке старшинства... Начинайте!»

«Бесконечно прекрасно подниматься по ступенькам, следуя за природой, начавшей с немой рыбы, с червя, с насекомого и постепенно научившей живые существа извлекать звуки и пользоваться голосом... Лишь язык превратил человека в человека, чудовищный поток аффектов язык сдержал дамбами и поставил им разумные памятники в словах. Не лира Амфиона воздвигла города, не волшебная палочка превратила пустыни в сады — все это сделал язык, сблизивший людей. Благодаря языку люди объединились в союзы; приветствуя друг друга, они заключили союз любви. Язык утверждал законы, связывал роды. Лишь благодаря языку стала возможной история человечества с передаваемыми по наследству представлениями сердца и души. И теперь встают перед моим взором герои Гомера, я слышу жалобы Оссиана, хотя тень певца и тени героев давно уже исчезли с лица земли. Но сотрясаемый устами воздух обессмертил их и являет образы их моему взору. Голос давно умерших людей звучит в моих ушах, я слышу давно отзвучавшие слова их. Все, что думали мудрецы давних времен, что когда-либо измыслил дух человеческий, доносит до меня язык. Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душою первого, а может быть, и последнего человека на Земле. Короче говоря, язык — это печать нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколения в поколение».

Разумеется, Гердер видит и присущие природе языка недостатки. «Правильно ли понимает меня другой человек? То ли представление связал он со словом, что и я, или он не связал с ним никакого представления?.. А он тем временем пользуется этим словом, считает с помощью его и, пожалуй, передает другим в виде пустой скорлупки. Так всегда было с философскими школами и религиями. У основателя школы или религии были, по крайней мере, ясные представления, хотя они еще и не становились истинными; но ученики и последователи понимали его по-своему, то есть в слова его вкладывали свое содержание, и вот наконец вокруг людей зазвенели одни пустые звуки. Сплошные несовершенства! Сплошные несовершенства заключены в единственно доступном нам средстве передавать мысли, и все же все наше развитие, вся наша культура привязаны к этой цепи, и мы не можем избегнуть ее».

Несмотря на все недостатки языка, Гердер считает, что его позитивные стороны явно перевешивают: «Итак, воздадим хвалу благому Провидению, благодаря нему люди в душе своей гораздо более схожи друг с другом, чем на поверхности, внешне, и причиной тому — несовершенное, но всеобщее средство — язык».

О'кей. А сейчас слово предоставляется Артуру Кестлеру.

Задумывались ли вы над тем, что привычные нам язык и культура, заменяя поведение животных, отрицают то, что является нормальным с точки зрения этих поведенческих канонов? Вам кажется, что критерии нормальности нашего языка «выше», ведь недаром же эволюция выбрала нас? Смотря в чем «выше»..

Чрезвычайно длительное — даже в сравнении с остальными приматами — детство, период беспомощности младенца и его сверхзависимости от социальной группы ставит пробуждение сознания и формирование личности в подчинение впитываемым символам и заключенной в них мировоззренческой системе. Своеобразный символический импринтинг оказывается тесно связанным с особенностями нашей биологии. Поэтому «промывание мозгов», вводящее младенца в мир сконструированных коллективным языковым разумом реалий, начинается с колыбели. Восприимчивость к усвоению символов и лозунгов во время беспомощности ребенка есть одновременно и источник его силы (ибо человек силен не когтями, а культурой) и его слабости (ибо ею же он и слаб).

Получается, что эмпатия, сопереживание принятым в группе установкам — будь то вера в робеспьеровское высшее существо или в технократический идеал — обязательно сопутствует процессу интериоризации заключенных в языке культурных ценностей. Человек — животное общественное, и отождествление с господствующими символами осуществляется через язык зачастую вопреки соображениям рассудка, экономического интереса и даже инстинкта самосохранения. «Отождествление с группой всегда предполагает принесение в жертву критических наклонностей индивида и увеличение эмоционального потенциала неким групповым резонансом»,— говорит Кестлер. Поэтому, по его мнению, проблема нашего вида не в чрезмерности самоутверждающейся агрессивности, а в избытке беззаветной преданности символам. (Этим, кстати, Кестлер радикально отличается от тех интерпретаторов этологии, которые в свое время разрабатывали концепцию «зверино»-эволюционных корней агрессивности человека.)

Войны ведутся ради символов, и слова в этих войнах — самое страшное оружие. «Слова Адольфа Гитлера были более эффективным средством разрушения, чем термоядерные бомбы. Задолго до того, как были изобретены печатный станок и другие средства массовой информации, пламенные призывы пророка Мохаммеда вызвали эмоциональную цепную реакцию, потрясшую мир от Центральной Азии до побережья Атлантики. Язык — основной источник нашего превосходства над животными собратьями и ввиду его взрывоопасного потенциала — главный источник угрозы нашему существованию».

Согласно Гердеру, язык объединяет людей. По Кестлеру, язык существенно способствует тому, что для нашего вида центробежные силы всегда были сильнее, нежели центростремительные. «...Язык, вместо того чтобы смягчить внутривидовые конфликты и братоубийственные тенденции, лишь усугубляет их остроту»,— констатирует он. Почему же в своем поведении человек демонстрирует гораздо большее разнообразие, чем другие биологические виды?

Попытаемся увидеть в оценках Кестлера нечто более серьезное, нежели простое желание эпатировать обывателя. Вспомним гумбольдтовское определение языка как системы хранения и передачи знаний. Развитие этой системы, выступающей в оболочке национальных языков, тесно связано с развитием технологии и экономики общества. Язык стимулирует это развитие науки и техники и, в свою очередь, сам стимулируется этим развитием. Вот почему неравномерность научного и экономического прогресса сопровождается взаимообособлением и неравномерным прогрессом языков. Самостоятельное развитие языков, как это ни парадоксально,— условие экономического отрыва передовых стран от отстающих. Совершенствование науки и технологии требует от языка, от его внутренней формы создания новых понятий, новых языковых объектов. Так в сетке, через которую мы наблюдаем мир, появляются новые ячейки. И всякая новая ячейка вносит изменения в структуру языкового мировидения, удаляя его от мировидения традиционного общества.

Понятно, что благодать культурно-экономической дифференциации, допустившей отрыв профессора из Гарварда от шамана традиционного общества, не могла не сопровождаться вавилонским столпотворением не только различных национальных языков, но и различных подъязыков науки, существующих в рамках каждого национального языка. Условие экономического развития — профессионализм и специализация. Так, в Гарварде американец-физик не понимает языка американца-нейропсихолога, а последний — языка американца-биохимика, хотя все они говорят на английском языке. Но при всей взаимной непереводимости их специализированных языков, этих отростков общей системы языка, совокупный научно-экономический потенциал, создаваемый этими учеными, отличается от потенциала племени бушменов. Через свои специализированные отростки английский язык «видит» в окружающем «нейтрино» и «афазию», а вот язык бушменов,— нет.

Итак, проблема научного «многоязычия», сосуществования различных и часто друг другу противоречащих языков описания объекта, вавилонское столпотворение таких языков — не самое страшное. Все было бы хорошо, если бы внутренняя форма языка сплетала в своем развитии только такие ячейки-понятия, как «нейтрино» или «афазия». Но ведь она создает и такие реалии, как «еретик», «неверный», «красный», «буржуй», «ревизионист». Конструируя с помощью языка особую реальность, человек находит и врагов внутри своего вида. Еще одно столпотворение, на этот раз идеологическое.

Невольно задумаешься: так ли уж он объединяет, этот язык? И здесь мы возвращаемся к нашему исходному вопросу: так чьи же критерии нормальности «выше», наши или звериные? Волки разных географических популяций, будучи животными одного биологического вида, всегда столкуются друг с другом при помощи общей системы невербальной коммуникации, поз подчинения и доминирования. А мы, с нашим языком? У человека тоже есть своя система внеязыковой коммуникации, но бал правит уже не она. Человек идентифицирует себя с какой-то социальной группой и формирует у себя какое-то мировидение, запечатляя комплекс символов, заменяющих реальность. В психологическом плане такой комплекс и называют языком, даже «языковым органом», отграничивая его от средств неязыкового общения.

Орган — это метафора, ибо локализовать его физиологически довольно трудно.

В итоге неспециализированность вида «человек разумный», которая — помните книжку в лондонском магазине? — открыла нам путь к эволюционному прогрессу, обернулась для человека в конечном счете специализацией к языку! А за всякую специализацию, как вы понимаете, приходится платить. «...Пожертвовать некоторыми органами или функциями для того, чтобы другие стали более эффективными». Вспомнили? То, что язык возник у приматов, а не у волков,— закономерно. Компенсация за отсутствие зубов, когтей и шипов внушающих размеров. И то, что человек, ослепленный символом, убивает другого человека, тоже закономерно. Это плата за прогресс, в конечном счете — за язык. Софистика? Ничуть. Дело в том, что естественный отбор, оснащая хищников специализированными орудиями охоты — когтями и клыками, дал в придачу и врожденный механизм запрета на внутривидовой геноцид. В схватке между двумя волками проигравший подставляет свое самое уязвимое место — шею, и убийства не происходит. Сработала система внутривидовой невербальной коммуникации.

Лишив наших предков и клыков, и сильных врожденных механизмов, запрещающих внутривидовой геноцид, эволюция явно «недооценила» опасности, вытекающие из языково-технологического прогресса, прогресса систем вооружения и «промывания мозгов». Так эволюция культуры обманула биологическую: если инстинкт провести довольно трудно, то язык требует обучения, воспитания; обучить же можно чему угодно. Думаю, после всего сказанного становится ясно, что при слабости природно-биологических механизмов запрета, «эволюционной морали», символические пугала, создающие кланового, религиозного или классового врага, оказываются ящиком Пандоры.

Приятно, конечно, считать, что матушка-эволюция делает исключения для своих любимчиков, хомо сапиенсов, безвозмездно одаривая их игрушками — языком и культурой, открывающими неограниченные возможности для прогрессивной эволюции, тогда как нелюбезных своему сердцу созданий — динозавров и мамонтов — направляет в бесперспективные тупики специализации. Каково же обнаружить, что эволюция никогда не была «матушкой»! Как же случилось, что мы долгое время не замечали тикающего механизма, встроенного в наш чистенький, рационально-разумный и прогрессивный мир? Дело в том, что былые технологии уничтожения и «промывания мозгов», примитивные по сравнению с сегодняшними, позволяли нам смотреть сквозь пальцы на «теневые» стороны языка и сваливать все грехи на «биологическую» агрессивность и прочие рудименты нашего «звериного» прошлого.

Что же делать?

Парадокс ситуации заключается в том, что избирательная фильтрация утешительной полуправды — условие психического здоровья нашего вида. В рамках нашей культуры миф о языке человека как «подарке» эволюции, этого благосклонного спонсора, есть плацебо не менее действенное, нежели стакан с водой, поставленный перед телевизором. Но идеологическая психотерапия — одно, а трезвый научный анализ — совсем другое. Ибо за крах вытекающих из мифов иллюзий — а он рано или поздно наступает!— приходится дорого платить. Сотворенное «промыванием мозгов» мировоззрение склонно бросаться из одной крайности в другую, от идеологии авгуров, предрекающих в ближайшем будущем общество всеобщего благоденствия, к прозрениям кассандр, предсказывающих скорее наступление апокалипсиса.

Как же найти золотую середину между радостной и безрадостной полуправдами, поочередно захлестывающими авансцену истории человеческой мысли в момент кризиса старой и зарождения новой веры? Почему-то люди склонны забывать — от лени, что ли? — источником силы может служить не только вера, идеология, но и знание. Да, знание может выступать не только как практически преобразующая сила, но и как сила психотерапевтическая, как фактор, избавляющий от шатаний. Только вот для того, чтобы обрести эту силу знания, совсем недостаточно тех умственных усилий, которых, как правило, хватает, чтобы прилепиться к какой-нибудь идеологии. Нужно нечто большее. Ведь недаром еще Демокрит заметил: «Глубокая вода полезна для многих целей, но она же приносит беду — есть опасность утонуть. Но здесь найден выход: учить плавать». ●

ПРИМЕЧАНИЕ: Редакция приносит извинение за вкравшиеся по ее вине досадные опечатки в текст статьи О. Севастьянова «Невидимые колеи», напечатанной в № 1 за 1992 год,— во втором абзаце второго столбца на странице 41 «процесс сокрытия овуляции» заменен по небрежности на «процесс открытия овуляции», из-за чего фраза лишилась смысла. А на странице 45 несколько раз вместо креольских упоминаются несуществующие «крестьянские» языки.

И. Касавин, доктор философских наук
В. Степин, член-корреспондент РАН

О магии, астрологии и... науке

2

В преддверии новых миров

*И увидел я новое небо
и новую Землю, ибо прежнее небо
и прежняя Земля миновали.*

«Апокалипсис»

И. Касавин: — В нашем первом разговоре вы убедительно рассказали, как научный анализ аномальных явлений раскачивает собственно научную ментальность и в значительной степени может ее обогатить. Мне представляется, что тот самый анализ человеческой психики, о котором мы говорили, привлек внимание к тому, каким образом связана человеческая психика с космосом как целым. Экстрасенсы нередко говорят, что они подпитываются от каких-то космических излучений. Мы здесь выходим на проблематику, которая традиционно исследовалась такой древней оккультной наукой, как астрология. Заостряя постановку вопроса, я бы хотел узнать ваше мнение о том, можно ли однозначно приписать астрологии как своеобразному способу исследования определенный предмет, скажем, небо или человека?

В. Степин: — Я бы так поставил этот вопрос: можно ли во всех этих феноменах найти нечто такое, что может быть объяснено в терминах современной научной картины мира? Или это вообще необъяснимые явления? Можно ли здесь найти какие-то моменты, которые в принципе могли бы, с точки зрения традиции научной рациональности, как-то быть освоены? Начнем с того, что все развитие современной науки свидетельствует: человек — естественный продукт космической эволюции. Вполне возможно, что и на формирование жизни, и на человека огромное воздействие имеют различные типы излучений, идущие из космоса. Я думаю, что в основном — электромагнитные. Когда-то я слышал, что жизнь — это вариации на электромагнитные темы. Все основные процессы живого основаны на ионном и электронном обмене.

Если человеческий организм, как и все организмы на Земле, формировался в условиях определенных, в том числе и космических излучений, то мысль о том, что эти излучения могут каким-то образом влиять на человека, на его психический мир, на состояние его здоровья, что здесь есть корреляция и связь, мне вовсе не кажется дикой. Она мне представляется вполне разумной научной гипотезой, которую я пока не знаю, как проверить. Но я убежден в том, что в этой области можно серьезно работать. Открытия, происходящие сейчас в биоэнергетике, показывают, что есть определенные частоты электромагнитного излучения, особо активно действующие на клетки и органы; есть

* Продолжение. Начало — в номере 5—7.

синергетическое воздействие этих излучений на организмы и популяции.

Я читал сообщения в специальных журналах об экспериментах, проведенных в Киеве группой профессора С. П. Ситько; они показали, что воздействие электромагнитными излучениями низкой интенсивности на определенных частотах в точках акупунктуры (точки иглоукалывания) оказывает терапевтический эффект — излечивает язву желудка и двенадцатиперстной кишки, ряд костных болезней и т. д.

Так что гипотеза о воздействии на организм излучений, идущих из космоса в какие-то моменты положения Земли относительно Солнца и звезд, вполне может иметь рациональный смысл. Возможно, что некоторые люди в большей степени, чем другие, реагируют на эти излучения. Во всяком случае, все это надо проверять. Эта гипотеза не выходит за рамки научных предположений.

И. Касавин: — Я как раз хотел предложить вам немного поговорить об инструментальном аспекте астрологии. Дает ли она нам практическое знание?

В. Степин: — Предположим, что материал, накопленный астрологией, те зависимости, те регулярности, о которых она говорит, имеют рациональное содержание.

Предположим также, что они не сводятся только к культурному, символическому опыту, который действительно может регулировать отношения людей примерно так же, как и любое верование регулирует человеческое поведение. У некоторых племен есть такое поверье: когда человек спешит в деревню, солнце уже заходит, силы у него на исходе, а с наступлением темноты — он верит в это! — появляются злые духи, тогда надо сломать ветку и сотворить заклинание. Сломанная веточка, поставленная в определенном положении, означает, что солнце должно садиться медленнее. У бегущего появляются новые силы, открывается второе дыхание, а он думает, что остановил заход солнца.

Можно, конечно, и так относиться к астрологии, усматривая в ней нечто аналогичное действиям и вере дикаря. Но можно подойти к ней и с других позиций, предположив, что в этом огромном, накопленном человечеством опыте есть рациональные моменты: что-то угадывали в регулярностях окружающей нас природной среды, ухватывали какие-то детерминации, которые можно попытаться осмыслить и в терминах современной науки.

Я пытаюсь выдвинуть несколько гипотез, не настаивая, разумеется, что все они верны, но полагая, что их важно сформулировать для обсуждения. Прежде всего я бы обратил внимание на существование двух основных типов гороскопов: по длительным циклам (Год змеи, Год лошади и т. д.) и годичных, по знакам Зодиака (ты родился в созвездии Льва, Девы, Скорпиона и т. д.). Они часто накладываются друг на друга. За этими гороскопами — опыт предсказания человеческого поведения, накопленный со времен египетских и вавилонских жрецов.

Я считаю, что гороскопы можно рассматривать не как жестко детерминистские предсказания, но как вероятностные. Допустим, гороскоп говорит мне, человеку, родившемуся в созвездии Льва в Год собаки, что в некоторые годы и месяцы мне не следует предпринимать серьезные изменения в моей жизни. А в другие годы он мне советует: рискуй, у тебя есть шанс выиграть, такой год и день встречаются не часто. Я могу расценить эти предписания как некие вероятностные советы. А нет ли в этих советах чего-то, связывающего меня с тем, что детерминирует состояние моей психики, мои реакции на мир, мою физическую и умственную активность?

Так, например, годичный гороскоп совпадает с малым циклом солнечной активности. Восточный гороскоп совпадает с большим циклом солнечной активности (примерно двенадцать лет). И тогда я выдвигаю следующую гипотезу: в гороскопе каким-то образом угадывается то, как будет влиять активность Солнца на мои поступки, на мою жизнь. И я спрашиваю: а есть ли какая-то связь между активностью Солнца и событиями моей жизни, моими поступками? Конечно же, есть. Солнечная активность — это состояние магнитосферы Земли. А жизнь, как мы уже говорили, есть вариации на электромагнитные темы. Состояние магнитосферы Земли влияет на жизненные процессы. Есть исследования, показывающие, что у некоторых людей, особенно склонных к психическим заболеваниям, магнитные бури могут вызвать резкое состояние депрессии, и велика опасность, что они будут стремиться к самоубийству. Пики солнечной активности, магнитных бурь совпадали с пиками самоубийств.

Солнечная активность влияет на магнитосферу Земли и тем самым влияет на наши психические реакции. Конечно, у разных людей по-разному. Многое зависит от генетической предрасположенности.

И. Касавин: — Между прочим, и сама генетика может быть соотнесена с этой точкой зрения.

В. Степин: — Это дополнительная гипотеза. Может быть. Если я родился в Год собаки 19 августа в созвездии Льва, то с этого момента начинается отсчет моих биологических циклов, которые имеют фазы спада и подъема физиологической и умственной активности, и на эти циклы накладываются состояния магнитосферы. Солнце проявляет свою активность с определенной периодичностью. В этом смысле вековой опыт наблюдения за поведением людей может уловить эту вероятностную регулярность, подсказать, что в определенное время жизни у некоторых людей будет спад. А если он еще выпадает и на магнитную бурю, тогда очень велика вероятность, что в это время у них будет рассеянное внимание, вялые реакции. Конечно, в этих состояниях лучше не затевать жизненно важных дел, которые требуют мобилизации внутренних сил, повышенной реактивности. Человек будет расслаблен, он будет не в форме. Это первая корреляция между состоянием организма и положением планет и звезд, фиксирующим время тех или иных состояний солнечной активности. Здесь много гипотетического, однако это уже область серьезного обсуждения.

Бальдассаре Перуцци. Гороскоп Агостино Киджи. Гороскоп банкира Агостино Киджи, написанный на своде купола зала Галатеи в вилле Фарнезина,— это самый точный астрологический документ, осуществленный в эпоху Возрождения. В 1934 году вся декоративная структура была дешифрована Сакслом как карта неба, на которой изображены астральные элементы, необходимые для вычисления гороскопа, — планеты, знаки Зодиака, созвездия. Саксл вычислил, что позиции планет обозначают дату рождения Агостино (примерно 1 декабря 1466 года под созвездием Стрельца), Солнце как раз изображено в этом знаке. Недавно был обнаружен акт крещения будущего банкира, в котором его отец объявляет о рождении сына 30 ноября 1466 года в 21 час 30 минут. Это позволило еще более точно прочитать гороскоп. Определяющий знак, оказывающий влияние на новорожденного,— воздействие Девы, как раз это и показано в живописном гороскопе Агостино.

Триумф Солнца и Луны со знаками Льва и Рака.

Бенедетто Антелами. Сентябрь, XII — XIII век.

Второй момент, который я хотел бы отметить по поводу отношения к астрологическим предсказаниям. Состояние магнитосферы влияет и на внутриутробное развитие, особенно на стадиях, когда начинается формирование нервной системы. Поэтому так важна дата зачатия. Ведь внутриутробное развитие также находится в зависимости от влияний магнитосферы, от положения и планет, и Солнца в период зачатия и во время рождения.

После рождения для индивида начинается отсчет психологических и физиологических циклов. И мы с вами договорились, что здесь возможна корреляция между состояниями солнечной активности и характером этих циклов. Здесь уже можно набирать статистику, вести исследования, наблюдать за разными группами людей, и это вполне научная область исследования.

А вот вопрос более тонкий. Когда зародыш развивается, внешняя среда через организм матери воздействует на развитие плода. Но тогда в среду надо включать и магнитосферу Земли, излучения, под воздействием которых постоянно находится человеческий организм. Я думаю, что здесь могут быть определенные корреляции и их можно изучать. Это вторая область, где можно установить зависимость между предрасположенностью организма к каким-то его реакциям на внешний мир и теми состояниями солнечной активности, которые обозначаются положениями звезд на небе в момент моего рождения.

И наконец, третий момент, который также весьма важен. То, как я буду реагировать на мир, какой у меня темперамент, каковы мои реакции, зависит от моих генетических предрасположенностей, от того, что у меня заложено в наследственности. И уж это-то вроде никак не коррелируется с солнечной активностью. Более того, наследственность людей все время перемешивается. В нас течет много самых разных кровей — немецкой, арабской, семитской, славянской, тюркской и т. д. Очень невелика вероятность того, что, изучив одного человека, можно предсказать поведение другого, исходя из корреляций между датой рождения человека и характером солнечной активности. Но...

И. Касавин: — И все-таки ответьте попросту, могут ли гороскопы предсказывать судьбу?

В. Степин: — Я отвечу так: есть много способов составления гороскопов, но все они испытывают на себе влияние вавилонских и египетских предсказаний, которые накапливались десятки тысяч лет. Но за кем наблюдали астрологи? Прежде всего за царскими домами. А там возникал устойчивый генетический фонд, поскольку браки заключались только между членами царских домов. В биологии это называется чистой популяцией. Можно сказать, что обществом был поставлен эксперимент, где были выделены генетически чистые линии. И за ними десятки тысяч лет велось наблюдение, делались предсказания; что-то сбывалось, что-то нет. В общем, накапливались наблюдения, в которых неявно содержалась информация о том, как влияет солнечная активность на жизнедеятельность данной популяции. Накопленный опыт служил затем базисом для различных предсказаний.

Для того чтобы в науке предсказать какое-нибудь сложное поведение, нужен идеализированный случай. На нем разыгрывают закон, а потом этот закон может быть применен в более сложных случаях. Здесь я фиксирую ту же самую ситуацию. Социальным опытом был выделен биологически чистый случай, который на протяжении десятков и сотен лет описывался, за ним наблюдали жрецы, сопоставлявшие положение звезд в момент рождения и судьбы правителей. Накапливалась статистика, которая, по существу, могла зафиксировать совпадение или несовпадение каких-то жизненных ситуаций с пиками биологической активности в зависимости от солнечной. Если использовать эти гороскопы как функции не жесткого, а вероятностного предсказания судьбы, то я могу допустить, что может существовать некоторое знание о том, как будет вести себя человек в некоторых абстрактных ситуациях.

Кстати, гороскопы, как и любые пророчества, составляются чрезвычайно абстрактно. У каждого человека есть периоды подъемов и спадов физиологической и умственной активности, и если, например, на спад накладывается магнитная буря, то вполне вероятно, что в такие периоды лучше не предпринимать серьезных жизненных решений, требующих мобилизации сил.

Для таких случаев весьма общие рекомендации — воздержаться от активных действий и т. д.— могут оказаться полезным предостережением.

Конечно, речь может идти лишь о конкретных людях с их индивидуальными циклами биологической активности. Безнадежно искать рациональный смысл в гороскопах для стран, городов и событий (например, гороскоп Октябрьской революции, гороскоп Москвы и России, как это делают сегодня многочисленные телевизионные прорицатели).

В принципе карты индивидуальных биоциклов и их сопоставление с картой магнитных бурь могли бы указать благоприятные и неблагоприятные дни для каждого индивида и тем самым ориентировать его в выборе тех или иных начинаний.

Так что к гороскопам я отношусь несерьезно, но вполне могу допустить, что какие-то вероятностные корреляции между состояниями организма и влиянием на организм солнечной активности они могут угадывать.

И. Касавин: — Я бы хотел продолжить вашу мысль о чистых генетических линиях как основе астрологических предсказаний.

В средние века европейские царские дома, династии крупных вельмож также образовывали почти чистую генетиче-

Дж. Вазари. Козимо I. Палаццо Веккио, 1555—1565 годы.
Козимо Медичи, человек высокой культуры, коллекционер антиквариата, блестящий знаток алхимии и астрологии, избрал своим зодиакальным знаком-символом Козерог, который был знаком его предка Лоренцо Великолепного, императоров Августа и Карла V, поэтому этот знак постоянно появляется в декорациях Палаццо Веккио.
Астрологические циклы в декорациях палаццо появляются в XIV веке и связаны с обычаем заказчиков консультироваться с астрологами перед какими-то дипломатическими акциями или военными действиями. В то же время итальянские правители втайне надеялись в рамках космологической системы использовать астрологию, которая могла бы как-то повлиять на судьбу. То есть астрологическая декорация, таким образом, стала комментарием и дополнением к изображениям, иллюстрировавшим события, связанные с жизнью заказчика и его семьи.

Пьетро Бонаккорси и Джованни Рекамадор, 1520 год. По заказу папы Льва X Медичи художники в Зале Понтефичи представили Римских пап рядом с изображениями созвездий. Личный астролог Льва X Агостино Нифо получил привилегию добавлять к своему имени фамилию Медичи. Интерес некоторых римских пап к астрологии вызвал появление серии декораций на астрологические сюжеты, написанных в различных пространствах ватиканских дворцов, начиная с Юлия II и Льва X до Григория XIII (конец XVI века).

«Знание — сила». Август 1992

скую линию, поскольку состояли в довольно близком родстве. Астрологи, жившие, как правило, при дворе, занимались преимущественно составлением их гороскопов и несли за них ответственность (в отличие от астролога, обслуживавшего «простецов» — ремесленников и торговцев). И астрологические прогнозы, имевшие своим предметом судьбу именитых людей, удивительно часто оправдывались.

В ваших гипотезах учитывается возможное влияние, так сказать, «ближнего космоса». А можно ли что-либо сказать о влиянии «дальнего космоса» на человеческую жизнь?

В. Степин: — Я думаю, что и такого рода гипотезу можно сформулировать, не входя в явное противоречие с современной научной картиной мира. Правда, у меня нет материала, чтобы ее подтвердить или опровергнуть, в принципе она может быть и верифицирована, и фальсифицирована.

Возможно, на организм воздействуют самые различные, в том числе и слабые космические излучения, и не только вызванные солнечной активностью. Мы начинаем узнавать, что даже слабые излучения могут весьма активно влиять на биологические процессы. Можно вспомнить опыты, о которых писал журнал «Знание — сила» (1989 год, № 8). Китайский ученый Цзян Каньчжен, бежавший из КНР во время «культурной революции», организовал в Хабаровске лабораторию по исследованию влияния излучений на развитие зародыша. Он экспериментировал с куриным зародышем и вывел волосатого цыпленка, а также цыпленка, который имел перепонки, как у утки. Излучение тела утки он по проводам передавал на клеммы, а между ними были яйца в инкубаторе. Яйца в инкубаторе, таким образом, находились не только под воздействием тепла инкубатора, но и под воздействием излучения, которое шло от утки. И оказалось, что происходят мутации!

Есть протокол заседания семинара, проведенного под руководством академика В. П. Казначеева. В нем участвовало около ста тридцати ученых различных специальностей и была проведена экспертиза работ Цзяна. Этот протокол подтверждает достоверность описанных фактов. Есть даже фотографии цыпленка, покрытого волосами, когда «донором» излучения был сам экспериментатор.

Мы еще мало знаем, как влияет слабое излучение определенной частоты на развитие живого. Это пока совершенно открытая область, но ее тоже надо изучать. Поэтому за всеми утверждениями людей о том, что они могут подключаться к космическому излучению, подпитываться от него, могут стоять как слепая вера, так и реальные феномены. Вполне возможно, что такие излучения, даже очень слабые, могут действительно оказывать влияние на жизненные процессы.

И. Касавин: — Я хотел бы обратить внимание, что статистический характер астрологических предсказаний в наше время имеет не столько космологический, сколько психологический смысл.

Для классической астрологии Египта или средневековой Европы основным был онтологический тезис о зависимости человека от положения звезд и планет. Современной астрологии свойственно подчеркивать зависимость человека от самого астрологического прогноза. Космологическая сердцевина астрологии уступает место психологии. Такова, например, гуманистическая астрология. В ней ставка делается на ту реакцию человека, которая производна от прогноза (сам прогноз может не иметь при этом какого-то объективного основания): суггестивная личность «подчиняется» предсказанию, а для контрсуггестивного типа — это препятствие, которое следует преодолеть за счет мобилизации внутренних ресурсов. То есть в астрологии пересматривается образ человека: он не просто игрушка в руках божьего промысла, но свободная личность, которая, правда, нуждается в рефлексивном контроле над своими действиями. Новая историческая форма астрологии, впрочем, также основана на вере во всезнание астролога.

В. Степин: — Вы выделили новый аспект проблемы: насколько сама вера в астрологические предсказания влияет на тот или иной тип поведенческих реакций. Известно, что в любой системе верований и убеждений мысленная модель действия регулирует само действие. С этой точки зрения вера в астрологические предсказания может сформировать особую психологическую настройку индивида, которая будет стимулировать его действия. Здесь может возникать эффект, аналогичный второму дыханию дикаря, верящего в то, что за счет магических действий можно замедлить заход солнца.

Нелишним будет учесть, что при психологической установке память удерживает прежде всего события, соответствующие установке. По-видимому, эффекты астрологических предсказаний рождаются в сложном переплетении всех этих психологических и «космобиологических» факторов, которые, в свою очередь, накладываются на факторы социальные. И если мы ставим задачу разобраться в современном возрастающем интересе к астрологии, то все эти факторы целесообразно дифференцировать и подвергать анализу.

И. Касавин: — Позвольте мне несколько перевести разговор из плоскости биокосмологической и психологической в плоскость экзистенциальную. Если я не ошибаюсь, в «Известиях» регулярно указываются дни, которые, к примеру, неблагоприятны для активных действий и т. д. Люди, как правило, не обращают внимание на список этих дней. И вместе с тем все эти люди — я опросил множество своих знакомых — с большим интересом относятся к чисто астрологическим рекомендациям. Возникает вопрос: можно ли из этой целостности, назовем ее «астральная фактура», изъять мистические элементы, то есть сделать то, что пытаетесь сделать вы? Не лишит ли человека подобная элиминация экзистенциальной уверенности в результатах этих предсказаний и заставит ли она действительно слушаться их?

В. Степин: — Может быть, да, а может быть, и нет. Все будет зависеть от того, как настроен человек. Человек сциентистского склада ума будет, я думаю, больше верить в попытки научного объяснения. У человека иного склада, склонного к художественному, мифологическому мышлению, это не вызовет доверия. Но в вашем вопросе есть другой смысл, который мне кажется очень важным. Известно, что вспышки веры в пророчества и предсказания часто возникают в переломные и кризисные эпохи. Вячеслав Всеволодович Иванов не раз отмечал, что у вавилонян, предчувствовавших гибель своей цивилизации, были чрезвычайно развиты гада-

Братья Лимбург. Миниатюра XV века. Изображение человеческого тела в виде астрологической карты; каждой части тела соответствует определенный знак Зодиака. Астрологическая медицина разработала целую систему предрасположенности человека к тому или иному заболеванию в зависимости от времени его рождения.

ния и пророчества. В каждом культурном доме имелись какие-то приспособления для гадания, для составления предсказаний. И это было знаком распада вавилонской цивилизации.

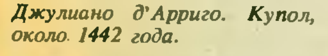
Не исключаю, что интерес к оккультизму — это предвестник тяжелых жизненных испытаний, которые ожидают и наше общество в период его кризиса и выхода в какое-то иное состояние. Более того, есть много оснований полагать, что вся мировая цивилизация стоит на пороге великих перемен. Человечество выходит на какой-то новый виток своего развития — к постиндустриальному обществу, которое призвано справиться с нарастающими глобальными проблемами.

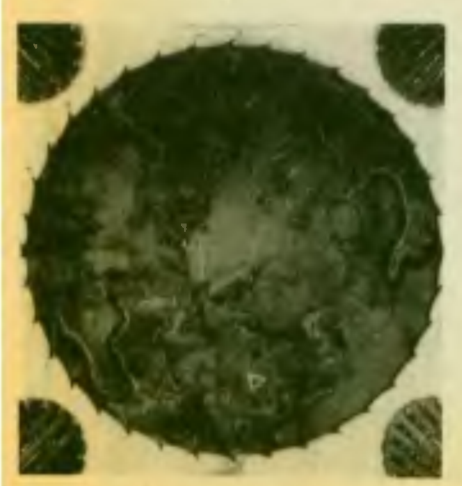
Сегодня уже намечаются контуры совершенно нового мира с новыми возможностями техники и технологии, средств коммуникации, с усилившейся интеграцией мира, взаимопроникновением разных культур.

Мы должны понимать, что сейчас рождается новый мир и идет закладка, поиск нового мировоззрения, нового понимания человека и его отношения к природе. Старые структуры европейской культурной традиции, как они сложились и как они развивались в техногенной цивилизации, уже недостаточны для этого мира. Отсюда эта неуютность для нас, людей, которые вынуждены покидать обитель старых и устойчивых ценностных ориентаций. Мы должны будем отыскать новую духовность. Тут корни интереса ко всем этим таинственным (и не укладывающимся в наши старые способы объяснения мира) явлениям, к магии, к мистике, которые, может быть, были организующим центром традиционной культуры. Все это надо видеть, если мы хотим дать социальную оценку вненаучным формам ориентации человека в мире.

И. Касавин: — В этой связи возникает более широкий вопрос: возможно ли применение всех этих необычных форм сознания как некоторых культурных альтернатив, как интеллектуальных основ для построения какой-то альтернативной цивилизации, для изменения человеческой телесности, духовности, форм творчества?

В. Степин: — Я уже говорил, что современная цивилизация находится на переломе. Я считаю, что именно сквозь

Джулиано д'Арриго. Купол, около 1442 года.

Атлант Фарнезе, II век новой эры, Неаполь.

призму этого перелома мы должны смотреть на все подобные явления. Интерес к ним, попытка сопоставить их с традицией, которая уже утвердилась в западной культуре XIX столетия, когда техногенная цивилизация вступала в стадию индустриального развития, попытка критически осмыслить эту традицию имеет за собой очень серьезное основание — социальную потребность в выработке новой картины мира.

В этой картине всегда сцеплены предметно-вещные категориальные смыслы — пространство, время, вещь, случайность, необходимость и т. д.— с экзистенциальными смыслами: я, другие, общество, истина, правда, красота, милосердие, добро, свобода, добродетель и т. п. Категории, фиксирующие эти смыслы, теснейшим образом связаны между собой. Если речь идет о мировоззрении, то человек видит мир, его объекты и процессы сквозь призму представлений о добре, зле, добродетели, правде, красоте. И наоборот — о человеческих состояниях он мыслит сквозь призму того, что такое природа, пространство, время.

Тот способ корреляции смыслов, который был основой развития европейской техногенной цивилизации, с доминантой предметно-вещных категорий, по-видимому, себя исчерпал. Нужны иные доминанты. Я, например, отстаиваю ту точку зрения, что наши разговоры о гуманизации науки, научно-технического прогресса — это первые и поверхностные наметки той глубокой перестройки, которая должна произойти. Это отказ от видения мира преимущественно как материала для преобразования. От того, что утверждалось, начиная с эпохи Возрождения, затем транслировалось в европейской культуре через XVII век и к XX веку уже реализовалось в полной мере. От следующей мировоззренческой установки: я — человек, я — активное существо, призванное преобразовывать предметный мир; мир, природа — это поле, на котором я действую, тот материал, который я должен преобразовывать. Но не только. Общество и человек — тоже материал для преобразующей деятельности.

Все сложности развития нашей цивилизации заложены в этой ментальности, в понимании человека как деятельного существа, активность которого направлена вовне, на изменение объектов.

И. Касавин: — Преобразовывать всех, кроме себя.

В. Степин: — Да, но тогда возникает некий другой преобразователь, который и меня рассматривает подобным же образом. В этой парадигме мы все выступаем не только как субъекты, но и как объекты...

Так вот, в восточных культурах деятельность понималась иначе: активность человека должна быть направлена внутрь, она должна вести к самоконтролю и самосовершенствованию индивида. Если иметь в виду традиционные восточные культуры, это тоже не следует идеализировать. И вот почему. Ведь за этим стоит жесткая регламентация внешней активности человека и его личного бытия. Человеку трудно в условиях такой регламентации реализовать себя как творчески активное существо. Он не может выйти из рамок принятых и веками апробированных традиций — традиция его сковывает, опутывает и регламентирует. Самосовершенствование, самонаблюдение, самоконтроль служат для того, чтобы сузить поле деятельности, чтобы не нарушить закон предков. Они — способ включения в традицию, адаптации к сложившейся социальной среде, растворения личности в коллективной жизни.

Самовоспитание для нас привлекательно, потому что оно неявно и подсознательно соединяется у нас с идеалом совершенствования свободной личности. А этот идеал как раз и есть продукт новоевропейской культуры. Он не свойствен Востоку, который, по выражению Герцена, не знал свободной, суверенной личности и постоянно склонялся к крайностям — либо деспот, либо в прахе валяющийся раб. Массовые войны и геноциды, отметившие западную цивилизацию, не менее характерны и для восточной. Но те практики, те техники саморегуляции, самоорганизации, которые родились в недрах этих культур, и были связаны с восточными единоборствами, с буддийскими монастырями, йогой,— весь этот опыт недаром начинает осваиваться европейской культурой. Люди хотят в нем найти выход из суеты, из постоянных стрессов.

Вектор вовне и вектор внутрь должны быть скоррелированы. Можно обойтись без отказа от науки и техники, но достичь какого-то нового уровня технико-технологического развития с иным представлением о природе. С отношением к этому миру не как к миру железок и простых предметов, из которых я могу монтировать простенькие механизмы, а как к живому, находить линии развития, которые могут вместе со мной, человеком, развиваться. Но для того

чтобы их найти, говорит китайская мудрость, я должен сам пройти путь нравственного совершенствования.

Есть такие циклы, когда развитие природы и развитие человека идут как бы в резонансе, и если что-то из этого резонанса выпадает, наступают бедствия, катастрофы, засухи и неурожаи. Человечество выживает, если способно выработать новое мировоззрение. Известно высказывание Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток. И вместе им не сойтись...» Но на этом-то мысль ие обрывается. Дальше сказано: настанет время, и они повернутся лицом друг к другу и друг друга поймут. Киплинг не исключал взаимодействия и диалога культур Востока и Запада, о их синтезе мечтали русские философы.

Во взаимодействии различных культур должна сыграть важную роль и российская культурная традиция. Не следует рабски копировать чужой опыт. Может оказаться, что какие-то фрагменты этого опыта уже устарели и передовые страны в будущем откроют для себя новые формы организации человеческой жизнедеятельности. Конечно, надо дать народу благоустроенную жизнь, но это само по себе еще не гарантирует духовного здоровья. Кстати, мы уже не достигнем, наверное, того уровня потребления, который существует сейчас в США, поскольку мы не сделаем это в ближайшие пять — десять лет, а через двадцать лет это станет уже бессмысленным, ибо ресурсы на исходе. В планетарном масштабе вся цивилизация будет переключаться на другие ценности.

За интересом к иным культурам, к неординарным явлениям лежит поиск иного мировоззрения. А это уже философский вопрос. Вместе с тем это инновации, порождающие новые смыслы человеческой жизнедеятельности.

И. Касавин: — Символично, что от оккультизма и аномальных явлений мы почти неизбежно приходим к вопросу о возможности нового мировоззрения. Нелишне вспомнить, что есть по крайней мере три равноправных источника, питающих глобальные мировоззренческие сдвиги. Первый — это принципиальные научные открытия и концепции типа механики Ньютона, дарвиновской теории эволюции, психоанализа Фрейда. Второй — богатейшие культурные ресурсы прошлого. Сегодня среди них — идея органичности ремесленного труда (противопоставляемая безличной механичности промышленного производства), идея внутреннего саморазвития (почерпнутая из восточных учений), мысль о космической причастности человека (обязанная древнегреческому образу мира и человека), экологические ценности, очевидным образом связанные с буддизмом.

И третий источник — это древняя традиция «раскачивания» или «расширения» сознания: искусство, мистические и магические ритуалы, а также разнообразные галлюциногенные практики. Человеку никогда не удавалось удовлетвориться рациональными способами познания мира. Неисчерпаемость мира требовала самого фантастического набора образов и аналогий, никак не выводимых из самого мира, как он дан в опыте. Человек поэтому всегда жаждет опыта, выходящего за пределы данного мира. Театр заставляет его плакать и смеяться выдумкам драматурга, живопись поражает его с помощью красок и перспективы, он окунается в музыку небесных сфер, равно внимая кифаре и электронному синтезатору.

Шаманы и мистики знакомили человека с таинствами скрытых от непосвященных миров, в которых действуют иные законы и персонажи. И параллельно с этим курился в кальянах гашиш, пенилась пальмовая брага и кривились губы от дурманящей горечи мексиканского кактуса нейота.

Расширяя свой опыт, человек ищет альтернативу сознанию, слишком сильно привязанному ко всему, что его окружает.

Итак, есть разные пути к новому мировоззрению, разные способы расширения сознания, раскачивания ментальности — химические средства, непосредственно влияющие на психику, и социокультурные — от искусства и религии до философии и магии. Между этими двумя путями различие принципиальное. Культура — нечто легко уничтожимое и трудно обретаемое. А высушить, скажем, мухомор и принять щепотку для наркотического опьянения, для путешествия души в мир предков — проще. И каждый человек сделает выбор, определяемый уровнем его культуры.

В. Степин: — Я бы не стал галлюциногенные практики и применение наркотических средств столь непосредственно связывать с поисками нового мировоззрения и тем более помещать это в один ряд с искусством. Наркотики как средство «расшатывания сознания» чаще всего приводят не к новым идеям и озарениям мировоззренческого плана, а к деградации личности. У мировоззрения в том смысле, о котором мы вели речь, есть одна особенность. Оно имеет несколько пластов, и система жизненных смыслов и ценностей, укорененных в культуре исторически определенного общества, конкретизируется в индивидуальных чертах и особенностях мировоззренческих ориентаций личности.

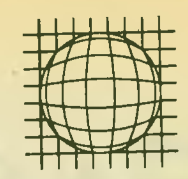
Очевидно, что никакие изменения мировоззренческих смыслов и ценностей культуры не возможны вне личностного творчества, сопровождающегося расширением поля сознания индивида. Но все дело в том, что само по себе «расширение сознания» необходимо, но недостаточно, чтобы стать культурным феноменом. Нужен еще особый перевод состояний личностного сознания в социокультурные коды, закрепляющие социальный опыт. Необходимо принятие культурой нового опыта личности, который должен при всех ломках старого сохранять нечто в традиции, но и не быть идентичным уже известному, включенному в культуру (второе изобретение велосипеда может быть актом творчества для индивида, но не культурной инновацией).

Превращение личностных озарений и фантазий в культурные феномены, новые мировоззренческие смыслы всегда требует выражения состояний индивидуального сознания в исторически меняющемся и специфическом языке науки, искусства, религии и т. п. Процесс же такого выражения — это всегда муки творчества. У С. Лема в книге «Сумма технологий» есть такой сюжет: человек, надышавшись веселящего газа, обрел некоторый личностный опыт, возможно, пережил эйфорию, и все это переживание оформилось у него в фразу «Мазуки в скипидаре присевают». Сколько бы он эту фразу ни повторял, он не передаст никому своего внутреннего состояния, и даже если это «расширение сознания» приведет к изменению его взглядов на мир, в культуре «мазуки в скипидаре» не оставят никакого следа.

Новые смысложизненные и мировоззренческие ориентации возникают из сложного переплетения и столкновения различных форм культурного творчества. Насколько древний опыт мистики и «расширения сознания» может оказать влияние на современные культурные процессы, это — открытая тема. ●

Подборка иллюстраций и подписи к ним В. Хан-Магомедовой

ВО ВСЕМ МИРЕ

Журавли и космос

«Возникла острая необходимость установить слежение с космических спутников за маршрутами перелетов сибирских журавлей, чтобы уберечь индо-«советские» стаи этих птиц от исчезновения»,— сказал Стивен И. Ландфрид, учитель из американского штата Висконсин, который, можно сказать, в одиночку ведет настоящую кампанию по спасению журавлей.

Он страстно увлекся этими птицами, когда работал в Международном фонде спасения журавлей. Ландфрид настаивает на том, чтобы правительства Индии, Пакистана и СНГ провели испытания приборов, которые могли бы передавать сигналы от меченых птиц на спутник, находящийся на орбите. Этот метод может помочь ученым проследить миграционные маршруты и добиться успеха в защите мест обитания журавлей.

Рисунок Ю. Сарафанова

По его оценкам, сейчас во всем мире осталось примерно две тысячи сибирских журавлей. Большинство из них зимует в Китае. Иранская популяция практически исчезла, а индо-«советская» стая, за которой он намерен наблюдать с помощью спутника, сократилась, как сообщают, до двадцати двух птиц.

Л. Бадалян

Рыночный вызов и человек социализма

Можно ли в нашей стране внедрить рыночные отношения безболезненно? Попробуем ответить на этот вопрос, поставив его несколько иначе: непременно ли изменяется общественное сознание вслед за устройством хозяйственным, то есть достаточно ли изменить экономику, чтобы автоматически получить новый социум? Далее. Влияет ли указанное общественное сознание на экономическое устройство своей страны? Возможно ли экономическое развитие, не подкрепленное соответствующим общественным сознанием? И наконец, возможно ли управлять общественным сознанием, формировать его, манипулировать им?

Общие ответы на эти вопросы даны мировой практикой. И это принципиально, потому что доказывает их практическую разрешимость. Однако недостаточно, так как не дает конкретных ответов для конкретной, нашей страны.

На первый вопрос ответила послевоенная Япония: да, изменяется, но не автоматически, а при серьезном воздействии извне. На второй — страны так называемой западной цивилизации, с которой связывается протестантская этика и вполне определенный психологический портрет. На третий ответил Иран революцией, свергшей шаха, решившего модернизировать отсталую и, главное, приверженную старым ценностям страну. Отчасти об этом говорит и революционный опыт самой России, стремительно развивавшейся перед 1917 годом. И однозначный, хотя одиозный ответ на последний вопрос дала геббельсовская пропаганда. Этически значительно более приемлем подобный же опыт масс-медиа западной культуры, той, что ранее мы презрительно называли оглупляющей, массовой.

В конечном итоге речь идет о вопросе, поднятом еще М. Вебером. Каковы должны быть установки общественного сознания, чтобы способствовать экономическому развитию общества? Протестантская этика во многом определила скорость и, если можно сказать, качество капитализма на Западе. Великая американская машина делания денег, очевидно, тоже базируется на достаточно специфическом спектре установок. В нашем же случае, очевидно, правильнее спросить о тех установках, которые блокируют экономическое развитие, направляют его на внерыночные рельсы.

Каково же в Америке и у нас общественное сознание? В чем разница и сходство? Нас интересуют, естественно, моменты определяющие, сущностные, а не сиюминутные. Эти сущностные моменты подметил еще Платон. В диалогах Сократа с Калликлом справедливость, наиболее существенная категория человеческого поведения и человеческой психики, разделялась и рассматривалась им как справедливость по природе и справедливость по обычаю. Справедливость по природе связана с равенством всех перед случаем, и тогда основное — свобода, чтобы сделать так, как ты считаешь нужным, ибо каждый делает для себя, Господь — для всех. Общественное благо в такой ситуации — производное от личного. Основной идеал — благо личное и личная свобода.

Справедливость по обычаю, наоборот, связывается с равенством всех перед социумом. Люди делают не для себя, а для социума, для его блага. И тогда основное — равенство. И идеал — общество, где всем одинаково хорошо.

В первом случае предпочтение отдается исключительно личному благополучию, противоположная тенденция предполагает ориентацию на равенство благ и ничего больше. На мой взгляд, такие понятия, как **алчность** и **зависть**, наилучшим образом обозначают эти два состояния человеческого сознания.

Другими словами, речь идет о том, почему, по каким причинам человек совершает те или иные поступки и склонен находить удовлетворение в той или иной деятельности? Почему одни с неугасающей активностью гоняются за деньгами, не удовлетворяясь достигнутым, другие, напротив, довольствуются малым, но «не трожь их», не беспокой по пустякам? Почему одни совершают революции, другие же преспокойно идут на компромисс? Почему миллионы людей в одной стране вдруг начинают вести себя похожим образом, а в другой тоже действуют хором, но «мелодия», исполняемая ими, совсем иная? Разгадку социологи видят в одном — в отношении людей к богатству и бедности. Они считают, что великая американская машина делания денег основана на структуре ценностей и установок самих американцев, а не наоборот. Американцы хотят разбогатеть — таков их вывод. Не правда ли, он не слишком оригинален? Я бы многое дала за знакомство с социумом, члены которого этого не желают.

Вот как обстоят дела у американцев. В их общественном мнении образ богача — фигура достаточно характерная. Этот человек, как правило, более образован (90 процентов респондентов). И именно это — базовая отличительная черта, в этом сошлись почти все. Он более умен (76 процентов), физически более привлекателен (61 процент). 37 процентов опрошенных американцев считают, правда, что богач может быть лентяем. Но этот привлекательный внешне и интеллектуально выше среднего человек совсем не идеален. 74 процента уверены, что богачам вовсе не интересны нужды бедных и неудачливых, 78 процентов причисляют их к снобам, 66 процентов считают, что они менее честны, 55 процентов обвиняют их в расизме. В богаче концентрируются преимущества и недостатки. Он берет умом, ведет здоровый образ жизни, ибо, чтобы выдержать конкуренцию, необходимо быть здоровее прочих. В то же время он эгоист, сноб, часто — расист. И это понятно. Не исключено, что, не будь он самоуверен и эгоистичен и не считай, будто имеет исключительное право на богатство, он проиграл бы гонку, еще по существу не начав ее. Но вот что важно, человек, стремящийся к богатству,— основная

Надеюсь, статья позволяет выделить базовые, с точки зрения поставленной задачи, отличия в ценностных, поведенческих установках в Америке и у нас. А теперь давайте посмотрим, как конкретно они «работают». Зададим себе несколько вопросов и попробуем ответить на них.

Может ли герой иметь недостатки? Как идет борьба с недостатками и пороками в обществе? Они клеймятся или ищется другой подход, чтобы их преодолеть?

Отношение к врагам непримиримое, бескомпромиссное или, наоборот,— умение разглядеть во враге человека со своими интересами или слабостями, искать возможность компромисса или даже дружбы.

В американских «мультиках» показывается, например, сотрудничество людей с «зелеными» и «трехносыми». Вначале — непонимание их, иногда вражда. Дальше — заинтересованность. Какая разница, три носа у тебя или вовсе ни одного, зеленый ты или синий, если ты на самом деле отличный, «свой» парень.

Существует ли разрыв между героем и «простым» человеком?

Согласитесь, одно дело — когда в качестве идеала существует Павка Корчагин, и чтобы сравняться с ним, нужно отдать свою единственную жизнь. Другое — когда герой «средний человек», и многие американцы уверены в лично своих способностях на данном поприще (более пятидесяти процентов опрошенных восемнадцати - тридцатилетних американцев).

Далее. Насколько общество благодарно рядовому своему члену за его повседневную деятельность? Для нас важно, одобряются ли обществом его обыденные, каждодневные социальные обязанности, гарантирует ли их выполнение общественное уважение, помогает ли социум исполнять их. Достаточно ли быть хорошей женой, матерью, хорошим мужем, отцом, членом соседского кружка, родитель-

фигура американского общества. Именно этот человек — его создатель. С ним, естественно, и связана основная структура мотивации, касающейся всех. Его отрицательные черты, пренебрежение социальных интересов в угоду личных — все это осуждается. Тем не менее богач — реальная фигура и принимается таким, каков он есть.

А как у нас? Многие исследования подтверждают, что советские люди тоже хотели бы разбогатеть. Судя по опросам, например школьииков, ясио, что дети единогласно выбирают «денежные» или «властные» профессии, которые дают возможность «хорошо» жить. Раньше это был секретарь райкома, ниже его — продавец, мясник, сейчас резко повышается рейтинг проститутки, на самом конце лестницы — инженер. И вот уже вырисовывается вполне определеиный образ советского богача в общественном сознании...

Способ делания денег или достижения той самой «роскошной» жизни немедленно создает и образ человека, достигшего своей цели. Богачи плохи, ио каковы же мы? Каков социум, таковы и пути к богатству, таковы и богачи. Именно так, а не наоборот.

Образ богача в скрытом виде запечатлевает единственный — возможный и общественно приемлемый, хоть и осуждаемый — путь, которым в данном обществе, увы, достижимо богатство.

У нас богачи — это люди, не утруждающие себя, как правило, трудом, но имеющие либо отношение к власти, либо к распределению благ, либо к торговле, где известно что — воровство.

И богатство у нас — атрибут не человека, а должности. Севший на общее добро и распределяющий его, следуя собственным пристрастиям и узкокорыстным интересам, старый знакомец по дореволюционным еще временам — мироед. А значит, и отношение к нему однозначное. Не зря у нас так популярен термин «сладкая жизнь». И люди из этой «сладкой жизни» вовсе не притягательны и не популярны в народе.

Но рынок требует инициативы, а инициатива должна быть обусловлена внутренними побудительными причииами, заставляющими «лезть из кожи вон». Каковы же причины эти у нас, бывших советских людей? По мнеиию социологов, еще совсем недавно это было «стремление к справедливости, страстное желаиие увидеть расцвет советской экономики на новой хозяйствениой основе, внести свой вклад в осуществление самоуправления иарода, повышеиия его жизненного уровня». Одним словом, наш герой — идеалист, хорошо усвоивший кодекс строителя коммунизма.

Идеалист — человек, строящий свое поведение в соответствии с теми или иными идеальными представлениями о том, что должно.

Но ведь идеал, может быть, и ни при чем.. И пусть ие возникнет подозрение, что автор имеет что-то против лучших человеческих качеств — бескорыстия и самопожертвования. Что касается социологов, исследующих американский менталитет, они считают, что именно уверенность американцев в равенстве всех перед случаем и порождает все те качества богачей, в результате которых Америка имеет ужасающую нищету в самом сердце потрясающей роскоши. И это — один из самых грязных фактов американской действительиости. Предпочтение личного предполагает ущерб общественного. Америка именно потому остается Америкой, что в ней каждый стремится к благосостоянию для себя, для своей семьи. (Заметим в скобках: но не для своего класса. Именно в этом видят социологи иммунитет против классовой идеологии, гарант грядущего мирного развития без значительных классовых потрясений.)

Но ведь вся история человечества — утопии, отражающие массовые устремления к справедливому устройству,— свидетельствует об изначальном стремлении к справедливости. Напомним, что идеология, «запустившая» великую американскую машину делания денег, также основана на понятии «справедливость» — честная игра. Значит, справедливость — базовая сущиость, без иее иельзя никак. А тут явиое попирание справедливости. Правда, справедливости в иашем понимаиии, не в их. И возникают подозреиия, что отнюдь не мораль, нравственность, честь и совесть, хотя это и очень нужные вещи,— побудительные стимулы, а экономика.

На деле алчность и зависть правят бал. В американском обществе алчность — побудительная причина действия, зависть — социальный регулятор. Будь, скажем, в обществе одна доминанта — алчность, мы имели бы ранне-индустриальиое общество до побед тредъюнионов, где немногие удачливые хищники разбрасывались огромиыми суммами среди массы полуголодных с завистливо горящими глазами. Неизбежные в такой ситуации социальные катаклизмы дали бы о себе знать. И хвала кейнсианству, рузвельтовской политике, да и объективным причинам, делающим невозможным само существование такого уродливого общества,— оно почило в бозе. Алчность стала уравновешиваться завистью.

Возникли средние слои как устойчивый феномен, а не временный буфер между крайними слоями. Более того, сейчас в разиых странах — в Европе и даже Америке — стало неприличным выставлять свое богатство. Иметь счет за деловой ланч больше десяти долларов на обедающего становится неприлично, вызывает подозрения в мотовстве или скрытой взятке приглашенному. Мультимиллиардер Трамп в бракоразводном процессе, добиваясь сочувствия суда присяжных, апеллирует к социальному эффекту своих предприятий. Алчность в этом обществе, как видим, уравновешивается завистью.

Общество, руководствующееся одной лишь алчностью, нежизнеспособно, а потому и невозможно. Зависть более сильное чувство, завидующих попросту больше. И либо алчность уравновесится завистью, либо будет отметена вообще.

Но возможно ли общество, где царствует одна лишь зависть? Увы, возможно. Именно у нас победила одна зависть, вытеснив алчность всецело как нечто общественно порицаемое. В таком социуме ие поощряется никакая инициатива, осиовиой принцип его — «ие высовывайся». Единственный по-настоящему действенный механизм управления всеми — принуждение, так как мораль-

ского комитета, рабочего коллектива, чтобы снискать всеобщее уважение? Необходимы ли специальные, выдающиеся способности, для того чтобы снискать уважение общества? Иными словами, есть ли разделение на оракулов, которым все внимают, и козлищ, бедных недоумков, которым нечего поведать миру, нечем удивить, кроме разве что необыкновенных безобразий?

И последнее — отношение к миру. Какое оно — либо активно-созидательное, когда уверен в своих возможностях, либо пассивное и активно-разрушительное.

И вот, если мы ответим на эти вопросы, то увидим весьма печальный для нас факт. Американское себялюбивое капиталистическое *общество* значительно более здорово в моральном плане. Дистанция между идеалом и рядовым Биллом Смитом там значительно менее ощутима. Если все, что герой делает для себя и своей семьи, принимается обществом с пониманием и благодарностью, ему значительно легче и приятнее это делать. Человек — общественное животное, *он* стремится заслужить внимание окружающих его людей.

У нас же идеал и реальный человек разорваны, ни о каком массовом соответствии между ними и речи быть не может. Человеку остается либо осознавать свое полное бессилие, извиваясь в корчах комплекса неполноценности, заливая себя вином, или же находить удовольствие в своей асоциальности. Часто находят выход в создании специального, антисоциального социума, где герой, то есть антигерой и любая начинающая «шестерка», имеют шансы стать «паханом». В крайнем варианте возможно вытеснение мира социума антимиром антисоциальных сообществ разного рода: внизу «воры в законе» и проститутки, вверху коррумпированные дельцы, наживающиеся на идеале.

Итак, печальный для нас факт состоит, на мой взгляд, в том, что общество поражено комплексом неполноценности. Однако выдающимися психологами показано, что комплекс неполноценности — хоть и тяжелая болезнь, ио поддается лечению. В данном случае программа лечения может иметь успех, лишь будучи проведениой в общенациональном, общесоциальном масштабе.

Во-первых, идеал должен быть значительно снижен, он должен стать доступным рядовому человеку, пусть без особых способностей, но с достаточным усердием. Для того должны появиться новые общественно значимые критерии успеха. Очевидно, полезным было бы постепенное замещение идеала-подвига общественно поощряемым семейным благосостоянием.

Во-вторых, каждый должен убедиться в том, что лично он может добиться успеха. Ну, конечно, прежде всего реально, в силу объективных условий. Его не будут «сажать» за лишний заработанный червонец, отнимать уже ухоженное поле, выстроенный дом... Но, кроме того, каждый *должен* мочь и субъективно верить, что может. И святой долг общества — помочь в этом каждому человеку. Профессиональное в масштабах всего общества обсуждение возникающих проблем должно стать обычным, обыденным делом. Например, как вести себя в «инстанциях», в суде, при имущественном споре, как проще всего приготовить пиршественный стол, одеться, учитывая объективную ситуацию, и т. д.

Но самое главное — необходимо снизить не только идеал, но и ценности, спустить их с заоблачных высот общественного блага на устойчивый фундамент личного, семейного благополучия.

А теперь рассмотрим подробнее образ нашего героя, представленного нашей прессой. И их героя.

Отношение к работе у нас не выражено явно. Но профессионализм героя, как правило, не подчеркивается. Основная его характеристи-

ных норм для управления всеми явно недостает и они сами в несвойственной им роли подвергаются коррозии. Принуждение же работает до тех пор, пока сложность социума не превышает некий предел. Пока от работника не зависит ничего, его можно заставить работать, но если именно его творческая активность решает успех дела, то тут уж — увы. Творчески работать не заставишь, во всяком случае в массовом масштабе. Таким образом, общество, построенное на одной лишь зависти, тоже нежизнеспособно. И самое страшное — использование в нем морального императива в несвойственной роли приводит к коррозии собственно морального императива. Общество, основанное на морали, становится аморальным. Растущий распад нравственных устоев в советском социуме с тревогой отмечается всеми наблюдателями.

Жизнеспособно лишь общество, побуждающее своих членов к активности их же собственной жадностью и при этом регулирующее их рваческие инстинкты завистью прочих. Лишь наличие обоих компонентов, их взаимное уравновешивание дает шанс на выживание социума в целом и шанс, как ни покажется это странным, на его здоровье.

Душа и ум не хотят примириться с такой необходимостью. Неужели и в самом деле невозможно общество, основанное на более благородных, чистых сторонах человеческой натуры? Ведь как алчность, так и зависть — это пена, поднятая со дна человеческой души. И детей родители учат не жадничать, не завидовать, потому что это — плохо...

Ну давайте задумаемся и попробуем представить себе общество, основанное на благородных антиподах алчности и зависти.

Алчность. Антипод ее,— естественно, бескорыстие. Зависть. Антипод ее — альтруизм. Всегда ли хочется, чтобы по отношению к вам проявляли альтруизм? Увы, существуют общие психологические законы, которые пока никто не отменял. Альтруизм по отношению к индивиду может безнаказанно проявлять лишь существо, безусловно, стоящее на более высокой, желательно недостижимой социальной ступени. Это — мать для ребенка, и то многие дети мстят, став взрослыми. Это царь, это святой, в конце концов... Проявление альтруизма воспринимается облагодетельствованной особой в обществе как демонстрация более высокого социального статуса. Равные по статусу люди непременно стремятся возместить за воздаяиные им блага. И тогда получается юмористическое соревнование, почти как из анекдота... Некто, подсчитывая количество коньяка к празднику, уменьшает его на емкость, которую собирается подарить приятелю, на что жена его резонно возражает: «Ведь он тоже принесет такую же».

Альтруистическое же соревнование не «понарошку», а «взаправду» превращается в насильственный альтруизм и приводит порой уже не к юмористическим, а к трагическим, в лучшем случае — трагикомическим результатам, каковые показаны, например, А. Платоновым. Его «Чевенгур» имеет значительно большее отношение к действительности, более реалистичен, чем может показаться современному человеку.

Итак, увы, светлое чувство альтруизма вызывает к жизни черных демонов конкуренции. Все соревнуются в альтруизме за свой личный вариант общественного блага. Победивший диктатор и становится насильственным альтруистом. Исторический факт, что классические диктаторы — Гитлер, Сталин, Мао Цзедун — собственности не имели. И тогда основной ценностью становится власть. И борьба альтруистов оборачивается борьбой за власть, припорошенной флером общественного блага.

А как обстоит дело с бескорыстием? Боюсь, не лучше... В том, что бескорыстные люди разваливают экономику, у нас уже нет сомнения. Бескорыстие и экономика явно несовместимы. Экономика — слово одного корня со словом «экономить», а как может экономить человек, которому ничего не надо, а следовательно, ничего не жалко? Бескорыстие не срабатывает как стимул в экономическом поведении. Но похоже, что оно не будет срабатывать и в социальном плане, а это уж совсем плохо. И в самом деле, легко представить одного бескорыстного в мире корыстных. В лучшем случае он заслужит имя святого, в худшем — дурачка. Но целый мир бескорыстных лишится привычного социального регулятора, заставляющего каждого ограничивать свою корысть в связи с наличием прочих таких же корыстных. Результатом этого в крайней ситуации станет социальный коллапс — полная асоциальность, отсутствие интересов и как результат — распад общества. Каждый уединится в социальном вакууме, продолжая существование как отдельный атом. Не это ли нирвана, к которой стремились древние, полное бесстрастие, отрицание всех страстей? Похоже. Но тогда бескорыстие тоже с грешком, ибо пробуждает оно черных демонов равнодушия, асоциальности в нашем понимании этого слова.

Но если все наилучшее вызывает к жизни столько черного, то, может быть, возможна ситуация, когда чувства алчности и зависти, будучи уравновешенными, пробуждают светлые инстинкты? Похоже, что такие предположения небеспочвенны. Но лишь в специальных условиях.

Мораль, превращенная в категорический императив, исключая все прочие возможные стимулы, становится разрушительной в своем исступленном самосовершенствовании. И даже неважно, действительно ли мораль — единственный побудительный императив (как было с нами раньше) или ее навязали идеологи, а все прочие стимулы уничтожены (как, похоже, с нами сейчас),— и то и другое плохо. Когда же быть неморальным просто невыгодно, вот тогда это оказывается куда как более действенным конструктивным и созидательным стимулом. Но не надо путать Суллу с Суламифью, мораль — с экономическими стимулами, а прибыль — с религией. Пусть каждая делает свое дело, и, может быть, жизнь станет лучше.

Пожив некоторое время в Штатах, прихожу к выводу, что их герой, как это ни странно звучит для мира капиталистических джунглей,— простой человек. Вся реклама ориентирована иа него: «Сэкономь, зачем платить больше?» — заманивают зазывалы. Реклама трубит:

ка — энтузиазм, умение броситься в незнакомое дело, как в омут. У нас в масс-медиа часто изображаются и антиподы героя. Это мелкие, алчные люди, действующие в личных интересах, идущие на измену своим принципам.

Чем руководствуется герой — личным или общественным? У нас — чаще всего — не личными интересами, а общественными. Приоритет общественного над личным, как и у традиционного героя русских сказок, так и в нашем сегодняшнем дне, очевиден.

Каковы средства достижения успеха? Будничный труд, ежедневное зарабатывание себе на жизнь или энтузиазм во имя общества? У нас очень популярно зажечь своим энтузиазмом, поднять весь коллектиа на большое дело, поскольку личных усилий совершенно недостаточно и только коллектив может решить дело.

Форма успеха, приветствуемая социумом. У нас и в нынешние, предрыночные времена мерило успеха — общественный резонанс, не богатство, не личный успех. Наш герой стремится к счастью для своего коллектива, своего класса, своей нации, своей страны — не для себя и своей семьи. В этом, как уже говорилось, основной водораздел в психологии отечественного и американского образца.

Личные качества — гибкость, умение приспосабливаться или твердость, бескомпромиссность. У нас ценится твердость, верность жизненным принципам и устоям, неспособность изменить им, неспособность к компромиссу. Главный герой, безусловно, честен, порой наивен, как правило, предчувствует грядущее фиаско или трудности, но идет на все как на бой. Военные термины вообще часты в нашей лексике, связанной с героем. Герой у нас — фигура скорее трагическая, поскольку безусловные победы добра редки.

Какова ориентация? На семью или на социум? Наш герой, как правило, ориентирован на весь социум, о семейных привязанностях говорить у нас не принято.

Разница вырисовывается совершенно явственно. И водораздел очевиден: отношение к личному и общественному. Если американец и общественен, то преследуя свои, личные цели. Наш же человек общественен потому, что общественен прежде всего.

И кажется, рекомендации напрашиваются сами собой. Но закрадывается подозрение, что незачем. Переводить внимание от общественного к личному? Но ведь нет предмета! Что есть у советского человека личного? Ничего! Разве что его костюм, а все остальное — государственное, общественное. Поэтому, чтобы была возможность для направленного формирования общественного сознания, приемлющего рынок, надо создать основу для устремлений, направленных на личность. Прежде всего — дать людям собственность. Не рыночные отношения сами по себе — краеугольный камень, а собственность.

Не выступать против коллективизма, не провозглашать приоритеты конкуренции — кто съел, тот и прав,— так сильно противоречащие национальному общинному сознанию. Это не только трудно, но и бесполезно, победить вековые тенденции невозможно, да и незачем. В единстве с традициями, в преемственности, а не в борьбе с ними корень успеха. Возродить коллективизм, общинность на основе понятия общественно значимого личного успеха — вот что могло бы стать лекарством. Не помешал же японцам их коллективизм так быстро добиться успеха!

Люди должны поверить в себя, научиться быть хозяевами, собственниками пусть для начала чего-то малого, собственной квартиры например, научиться нести все тяготы и радости ее обладания и обслуживания. Может, и извечный наш комплекс неполноценности тогда излечится.

чтобы быть здоровым, не обязательно быть богатым; ешь нашу дешевую и здоровую пищу; или — зачем платить арендную плату за квартиру? Плати те же деньги, через тридцать или пятнадцать лет станешь домовладельцем. Ты не хуже,— зазывают со всех сторон,— только купи у нас, приди работать к нам (есть и такие объявления).

Каждый может, каждый способен — жми, жми, старайся! Ни дефект, ни даже порок — не препятствие. Все преодолимо, все исправимо. Общество всеми силами стимулирует активность индивида, ведь это так социализирует! Анонимные алкоголики активно помогают избавиться от алкоголизма и наркомании товарищам по несчастью. Китти Дукакис публично признается в своей наркомании, заслуживая не презрение, нет,— деятельное сочувствие. А бедность? Не знаю, как бедность, но вот низкие доходы... Ну пусть я не Вандербильд, имею низкий доход, но зато я примерный гражданин, у меня нормальная семья, я хожу в церковь, и дети мои прекрасно учатся в самой лучшей школе в нашем районе.

Как ни странно в этом убедиться, похоже, что общество, основанное на приоритете личного над общественным, именно в общественном, прежде всего в своей семье, и нашло свой идеал, своего героя. И основные, общественно одобряемые качества этого человека понятны прежде всего в контексте социализации. Среди них — его жизнеиная способность, витальность, он не должен пасть духом от величайших трудностей и несчастий. Способности требуются разнообразные, прежде всего — преодолеть себя, свою часто не очень здоровую от рождения или по воле случая, а также ленивую плоть, воспринимать все оптимистически, видеть во всем светлую сторону, иначе очень просто отчаяться; жить и радоваться наперекор всему. И подчеркну: эти в общем-то достаточно непростые качества должны быть массовыми. Успехи политики такого рода в воспитании простых американцев налицо.

Но позвольте, не противоречим ли мы себе? То стремление к богатству — основная установка американцев, то вдруг — «не в деньгах счастье». Нет, противоречия здесь нет. В стремлении к богатству проявляется стремление американцев к личному успеху. Но если бы личный успех замыкался в богатстве, то Америку ожидало бы фиаско. ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Спасти древние леса

Недавно в Конгресс США был представлен законопроект, объявляющий древние леса северо-западных районов тихоокеанского побережья национальным достоянием и намечающий создание системы заповедников, чтобы защитить эти леса, расположенные на государственных землях. Законопроект помогала разрабатывать Национальная федерация по охране живой природы, а представлен он был группой спонсоров.

Этот документ предусматривает запрет вырубки леса, постройки дорог в заповедниках и создание системы «вспомогательных лесов» в виде буферных зон вокруг охраняемых законом территорий. Кроме того, вспомогательные леса будут связывать между собой отдельные участки древнего леса, что позволит обеспечить скрытую миграцию животных. Федерация потребовала закончить проведение лесозаготовок в древних лесах до того, как будет принят законопроект или другие меры, рекомендованные по защите древних лесов.

Рисунок О. Степанова

Старая практика

Во многих странах стеклянные отходы собирают для повторного употребления. А откуда пошла эта практика? Недавно в заливе Триест было поднято со дна римское торговое судно, утонувшее во втором веке новой эры. На его борту найден груз, состоящий из осколков стекла. По сохранившимся документам установлено, что стекло предназначалось для переплавки.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

Насколько наше общество больно тоталитаризмом? Вправду ли вся страна была и остается сплошным ГУЛАГом? Эти вопросы возникают постоянно, и ответы на них даются разные.

В прошлом году в номере 6 мы публиковали анализ рассказов В. Шаламова «Вне всего человеческого», сделанный Юрием Лексиным. Автор, основываясь на свидетельствах Шаламова, пришел к определенным — очень пессимистическим — выводам относительно нашего общества. Ныне мы публикуем полемический ответ на исследование Ю. Лексина. Притом редакция считает необходимым сделать одно уточнение. Дискутируя с Ю. Лексиным, А. Буровский ставит знак равенства между взглядами рецензента и воззрениями писателя В. Шаламова. Но хотелось бы пафос А. Буровского адресовать прежде всего автору нашего журнала, а не самому В. Шаламову, писателю, на наш взгляд, с гораздо более сложной системой взглядов, чем можно было бы заключить из развернувшейся полемики.

И снова о гулаге

Об экзистенциальном опыте лагеря

Было бы странно, не пытайся народ, два поколения подряд носивший в себе «опухоль ГУЛАГа», осмыслить доставшийся ему уникальный опыт. В благополучной, сытой России конца XIX века, в культурных, привыкших к порядку и законности странах Европы тюрьма и ссылка вызывали к себе пристальное, порой болезненное внимание. Опыт экстремальной ситуации войны, тюрьмы, стихийного бедствия нуждался в понимании и оценке. А тут огромная часть всего взрослого населения — за колючей проволокой!

Если проанализировать целый ряд публикаций, получится, что основной данный нам опыт ГУЛАГа — это возможность легкого и в общем-то быстрого нравственного уничтожения человека. Оказавшись «вне всего человеческого» (название характерной статьи Ю. Лексина в «Знание — сила» за 1991 год, № 6), личность быстро утрачивает гордость, честь, интерес ко всему, что нельзя запихнуть в рот или что не имеет отношения к безопасности. Словом, все высшие потребности человека — и духовные, и интеллектуальные, и нравственные, и религиозные. Все это было хорошо в мире хотя бы относительной сытости, хотя бы относительной защищенности.

Остаться человеком нельзя в принципе. Если кто-то остался,— значит, просто мало били. Нет сохранившихся, уверяет Ю. Лексин,— есть «недоработки палачей». По-видимому, этот вариант анализа гулаговского опыта можно обозначить как «гибель культуры». Ведь все культуры и всегда задавали человеку определенную систему ценностей. Сами ценности могли быть крайне, порой диаметрально различимы. Но следование жестким поведенческим императивам, основанным на этих ценностях, было совершенно обязательным. Некоторые из них вполне реально, не в теории, требовали предпочесть увечья, болезнь, даже смерть нарушению нормы. И человек совершенно добровольно рисковал собой, а то и просто оказывался в ситуации, из которой заведомо не мог выйти живым. Не думаю, что надо приводить примеры — их будет очень, очень много.

И чем из более элитной для данной культуры среды происходил человек, чем лучшее образование и воспитание он получал, тем более однозначно он должен был предпочитать высшие потребности низшим. Джентльмен без риска быть изгнанным из приличного общества не мог совершить поступок, простительный его слуге; дворянин в России прошлого века просто не мог поступиться определенными принципами; самураю в ряде ситуаций даже мысль о себе, о самосохранении воспрещалась как безнравственная. Причем люди всех культур прекрасно понимали, что следование высшим установкам в ущерб жизненно необходимому трудно для человека, порой почти невозможно. И культура давала человеку средства для осознания как своего несовершенства, так и для его преодоления.

В христианской культурной традиции есть представление о человеке как о существе одновременно тварном и боговдохновенном, а о душе — как арене борьбы низкого, плотского начала и божественного замысла. Это было, если хотите, локальное проявление общего для культуры, тот способ дать человеку силы для самоуправления и самопреодоления, даже когда очень хочется быть слабым.

Соблюдающего заповеди не только манил рай, возможность в жизни вечной уйти от ада, но и общественный престиж — моральная поддержка, понимание, сочувствие. И чувство общности с другими людьми. Ведь не соблюдающий культурных норм становился «не своим» в разной степени, в зависимости от того, что именно не соблюдал. И самоуважение. Предпочитая низшее высшему, человек терял представление о самом себе и не мог относиться к себе по-прежнему. Для этого не нужен ГУЛАГ. Вспомним Френсиса Макомбера, с ужасом обнаружившего, что он — трус.

Разумеется, в самые благополучные времена и в самых, казалось бы, благополучных странах есть примеры диких нарушений культурных установок, однозначного и даже циничного, напоказ, предпочтения низших потребностей высшим. Люди растлевают и предают, пытают и убивают, насилуют и едят человечину. Но нарушающий всегда знал, что он нарушает, а остальные знали, кто он та-

кой и как надо с ним поступить. Отказ от представления, что высшее должно предпочитаться низшему, означал бы действительно гибель культуры, признание ее не только условности (это и так очевидно), а просто ненужности.

Если ГУЛАГ доказал, что стоит взять человека в оборот — и он выпадет из культуры, тогда придется или вообще признать культуру лишним, ненужным аппаратом, или оговорить, что ее установки, включая десять заповедей Моисея, существуют только для сытых и только в обстановке личной безопасности. А это ведь такие условные, неопределенные границы, и так легко доказать, что именно ты и в данный момент не был обязан следовать высоким установкам...

Состоялась ли гибель культуры?

Давайте вернемся к опыту свидетелей. Ведь мы, не испытавшие ГУЛАГа, можем судить о нем только по свидетельствам очевидцев. Ю. Лексин не зря опирался на книги одного только В. Шаламова — «гибели культуры» не происходит ни у Солженицына, ни у Волкова, ни у Разгона, ни у Жигулина, ни у Гинзбург, ни у Керсновской. Называю тех, кого читал. Есть свидетельства многих людей, прошедших ГУЛАГ, а после этого нашедших в себе силы и для многих лет творческой работы, и для новых семей, и для горней жизни духа. «Никто не вернулся в прежнюю душу»,— свидетельствует Шаламов. Значит — вернуться нельзя? А Жигулин свидетельствует, что можно. А Солженицын свидетельствует о том, что можно не вернуться, но со словами «спасибо, тюрьма» переплавить свои боль и страх в боль за свой народ и в страх за его судьбу. Оказывается, можно и так. И у Разгона, и у Волкова нашлось в воспоминаниях о лагере место и для красоты природы, и красоты душ окружающих людей (было и это, оказывается?), и для любви к женщине. Можно, конечно, возразить, что этих били менее жестоко. Не стану сравнивать ни силы, ни количество ударов. По-моему, это просто неприлично. Но если мы хотим понять истину, а не просто подтвердить словами известного человека свое собственное мироощущение, почему мы отбрасываем опыт одних, строя свои суждения только на опыте других? Что, есть лагерники «первой и второй свежести»?

Кроме того, есть множество свидетельств того, что человек уходил из жизни или сам, или просто перестав бороться. Их слов мы уже никогда не услышим, по крайней мере в этом мире. Но они были. И если Шаламов «точно знал», что любой ценой будет бороться за жизнь,— это не потому, что человек так устроен, не потому, что он «сильнее других животных» и тем возвысился, а потому, что таков лично его, Варлама Шаламова, выбор.

Я не сужу о «качестве» выбора — не стоит мне это приписывать. Но получается, что выбор-то был? Можно было сохранять душу, пока это возможно, и уйти, когда стало нельзя. Небогатый выбор? Наверное. Но разве у нас, в нашей далеко не гулаговской жизни, есть какой-нибудь другой? Самое главное — имею я право видеть, что есть выбор в любой ситуации, включая колымские лагеря? А признание такого выбора сразу и принципиально меняет дело.

Убежден, что какая-то часть читателей уже сильно недовольна автором, чего наверняка не было при чтении статьи Ю. Лексина. «Как же!— говорит сердитый читатель мысленно или вслух.— Трепаться все мы мастера! Тебя бы, сволочь, да на нары в Норильлаг! В камеру пыток! Сам бы тарелки вылизывал, уголовным бы романы тискал! В столовой бы шакалил!» А я не спорю. Вполне может быть, что и так. Просто много о себе человек действительно не знает, пока живет по эту сторону от «колючки». ГУЛАГ ясно доказал, что опыт ада земного существует для всех, и нет человека, от него свободного.

Но откуда это стремление во что бы то ни стало доказать, что прав Шаламов, а не Жигулин и не Солженицын? Откуда желание не увидеть самого существования какого бы то ни было выбора? Это желание есть и у Ю. Лексина, построившего свою статью на совершенно определенном материале, и у «сердитого» читателя. Почему многим людям в нашем обществе так сильно хочется, чтобы человек в сущности своей был скотом и чтобы выявить это, достаточно двинуть его сапогом по голове? Попробуем разобраться.

Культура антикультуры

В мире существуют две очень специфичные субкультуры, в которых низшие потребности предпочитаются высшим, и все нормы строятся именно так. Это — уголовная субкультура и тоталитарная. И та и другая формируются из люмпенизированных элементов, не способных вести нормальную человеческую жизнь, отторгнутых обществом. Не зря же носители этих субкультур симпатизируют друг другу, испытывают явный взаимный интерес. Для уголовника человек — смрадная, отвратительная скотина, способная только на злобу, ненависть, зависть, достойная только презрения. Невозможно жить за счет людей, отнимать или красть их имущество, насиловать и убивать — и при этом считать их венцом творения, реализацией божьего замысла, высшим валетом эволюции. Нечеловеческое отношение к человеку требует соответствующего выражения в представлениях, поведении, словах. В этом смысле экзистенциальный опыт Ваньки Каина смыкается с опытом деятелей ВЧК—НКБД—КГБ и ничем не отличается от опыта торговцев неграми, мерявших рабов на «штуки черного дерева», от римских граждан, знавших орудия молчащие, мычащие и говорящие.

Нетрудно убедиться, что тоталитарная культура, навязывавшаяся населению нашей страны, аморальна, чудовищно неуважительна по отношению к человеку и по многим параметрам прямо смыкается с культурой «воров в законе». Видение мира в культуре — особо упорядоченный космос, где всему, и человеку тоже, отведено свое место. Видение мира в антикультуре — хаос, где одновременно все можно и все нельзя и где ни для чего не существует твердого правила или закона. Привести все в порядок, установить хоть какие-то правила общежития — значит уничтожить хаос. Хаос сопротивляется.

Так что для меня, честно говоря, не очень убедительно некое «знание» палачей о человеке. Ни то, о котором у Шаламова и Лексина, ни чуть ли не восторженная оценка В. Новодворской «холодных и пессимистичных» высших чинов КГБ, ни презрительное человековедение оруэлловского О'Брайена. Джек Потрошитель тоже вот знал, как кричит вскрываемая женщина, а мы, бедные, не знаем, лишены драгоценного опыта.

Остается порадоваться, что большинство населения страны такого опыта, и правда, лишено. Но тоталитарная мораль проникла в нас, начиная с дедов-прадедов, она рассекла души, угнездилась в подкорке. Современный россиянин живет одновременно в двух мирах — нормальном, человеческом, хотя и страшно обедненном, и в тоталитарном зазеркалье. Родовая мета тоталитарной логики — и в упорных поисках врагов, которые «мешают жить» (евреев, членов партии, агентов ЦРУ, инопланетян и т. д. и т. п.), и в применяемом по делу и без дела словоупотреблении «мы» или «наше», и в крайнем недоверии вообще ко всему, выходящему за пределы сугубо жвачных потребностей. А уж тем более к способности предпочесть высшее низшему, поступиться хотя бы малостью для того, что считаешь правильным, или для удовлетворения культурных запросов. Такой человек непонятен — он посягает на привычное положение вещей, и его нужно во что бы то ни стало развенчать, доказать и себе и всем окружающим, что вовсе он не «другой», отличие его кажущееся и можно жить так, как привыкли.

Ну вот и добрались до корней — и до озверения палачей от непокорности жертв, и до сильного желания многих в общем-то неплохих и неглупых людей, чтобы не было не сломавшихся; чтобы не было, скажем, того же Буковского и можно было бы с чистой совестью врать, что все, ну все как один, молчали, отводя глаза, и никто, ну совсем никто, не смел пойти против Системы. Тот же тип мировоззрения заставляет однозначно, в духе статьи Лексина истолковывать опыт ГУЛАГа. Он же толкает того, кто слушает высказывания, подобные моим, думать или бормотать: «Вот тебя бы...»

Перед лицом неизбежного

А ведь всем нам рано или поздно суждено оказаться в том же положении, в котором находится приговоренный к смерти. Все живущее приговорено к смерти. Правы Шаламов и Лексин — перед ее лицом не на кого опереться. Прав Г. Фаллада — «каждый умирает в одиночку». Если опора в душе и только в душе, сразу и выявляется ее содержимое. Можно ведь и уйти, благодаря Провидение за то, что было, не позволяя страданию и страху смять свое «Я». У большинства людей для этого есть чувство сопричастности с другими — хорошо, если с оплакивающими тебя детьми и внуками, в которых продолжает жить частица твоей жизни. А у человека, хоть маломальски образованного, остается созданное им и ощущение связи с теми, кто тоже жил в культуре до тебя и кого тоже больше нет.

Обратите внимание: тоталитарный человек очень негативно относится к мужеству, проявленному перед лицом Неизбежного, очень не хочет, чтобы чья-то душа была не пустой, а наполнена другими людьми или жизнью высокого духа.

Ну а можно и выть, лобызать руки врачей, умоляя сохранить и продлить, ибо впереди — черная пустота. А если есть Бог, то тем хуже, потому что нечего ответить на Его суде. И такая же черная пустота — в душе.

Получается, все дело, и правда,— в душе, в мироощущении, не в мировоззрении даже. Один мой знакомый юноша, мой ученик, совсем не титан духа, о своей едва не окончившейся трагически службе в славной нашей Советской армии сказал: «Главное — чувствовать себя кому-то нужным и для чего-то предназначенным. Тогда вернешься». Большинство вернувшихся из ГУЛАГа знали, наверное, зачем и для кого жить. Выжить помогала и вера в Бога. Но это не единственно возможный путь. Можно и принять законы лагеря. Почему бы и нет? Если ГУЛАГ — только продолжение остального мира, так ведь не всякого. Это — продолжение тоталитарного мира, который кто-то принял, впустил себя в душу, а кто-то — и нет. А можно пойти вперед и вверх, переплавляя свое страдание в страдание за свой народ, свой страх — в страх за его судьбу. На этом пути можно сломаться (конечно, можно!), можно не дойти, просто физически не дожить или уйти самому, чтобы не превратиться в животное. Но это все же путь наверх.

Как воспользоваться опытом?

Опыт ГУЛАГа не в том, что впервые в истории человечества произошло убиение человеческих душ. Это бывало и раньше. И не убийство культуры здесь внове. Новое, прежде всего, в том, что «свои» уничтожали «своих».

В 1903 году Марк Твен писал о войне США на Филиппинах в святой уверенности, что ничего подобного не могло бы произойти во время войн среди европейских народов. Среди стран, где «это невозможно»,

была названа и Россия. Оказалось, что культура может породить чудовищ, способных ее сожрать. Такого, и правда, не знали. Теперь приходится внимательнее наблюдать друг за другом и ибо знаем, что это возможно.

Во-вторых, стало очевидно, что люди нашей культуры, биологически ничем не отличные от нас с вами, могут ломаться, опускаться, и низменные потребности в них сжирают высшие. Под влиянием чудовищного давления извне с человеческой личностью происходит то же самое, что со всей культурой в случае тоталитарного переворота.

Важнейший экзистенциальный вопрос: суть ли человека такова, что всегда можно убить его душу, сделав сгусток мыслящего вещества сгустком вещества живого? Или все-таки люди различаются по этому важнейшему параметру? На этот вопрос Шаламов и Лексин дают один ответ, автор этой статьи попытался обосновать другой. Но истины в естественнонаучном смысле этого слова — истины объективной, отделенной от личности человека, мы здесь не найдем и ничего друг другу не докажем. В отличие от научных истин философские и мировоззренческие не имеют единого ответа и тесно связаны с личностью ответчика. Когда герой Шаламова кричит, что он понял — смысла жизни нет, подразумевается вовсе не ответ на философский вопрос. Можно по-разному отвечать на вопрос, существует ли целеполагание в судьбе человека и в истории, с равным успехом видеть во всем промысел Божий или считать, что смысл жизни задаем мы себе сами (индивидуально или через культуру), или вообще не хотеть никакого смысла. Но сохранять при этом веру в себя, в человека и в жизнь, то есть, говоря скучным языком науки, позитивное миропонимание. Крик героя Шаламова означает прорыв в совсем другое мироощущение. В ГУЛАГе он понял вдруг, вернее — осознал, ничтожность мира, в котором живет, ценностей, которых можно в нем достичь, бессмысленность того, чтобы родиться, вырасти, иметь детей...

Это открытие не только и не столько интеллектуальное, ибо ведь не логические построения заставляют человека считать окружающий мир, грубо говоря, «хорошим». Мы тоже строим отношение к опыту ГУЛАГа в соответствии с мироощущением. Не одной логикой определяется отношение ко всему, что в нем происходило. Это первое, что следует понять всем, постигающим экзистенциальный опыт ГУЛАГа. Попытайтесь сами оценить; исходя из норм культуры или антикультуры, делаете вы оценки. Думаю, многие дрогнут, увидев в себе невольных носителей гулаговской системы ценностей. Но если так, отношение к происходящему первично по отношению к фактам? Именно. Если важно, чтобы «культура умерла», найдутся и факты. Если нужно обосновать, до какой степени правы были палачи в духе О'Врайена,— и для этого найдутся факты. Главное — даже не интерпретация имеющихся свидетельств, а подсознательное, часто вообще не выражаемое словами отношение к действительности.

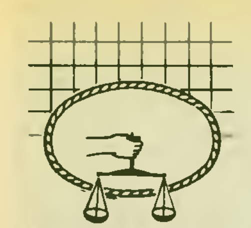
Жить «после» «всех Вутырок и Тремблинок» так, словно их не было, так, как жили «до», все равно не удастся. Важио, как мы поймем происшедшее я что захотим сделать со своим вианием. Но тогда получается, что главный опыт, который дало нам прошлое,— в иеобходимости быть верными культуре. Если ее можно убить в каждом человеке и если нельзя убить. Если ГУЛАГ — место неизбежного и последовательного искоренения в человеке человеческого и если ГУЛАГ — арена борьбы культуры и антикультуры и у каждой есть возможиость победить. Даже если человеком принят самый трагичный и безнадежный вывод — «все равно сломают», надо держаться до последнего, потому что выбора нет. Пусть впереди только гибель, ее ведь все равно не избежать; даже если о твоем конце никто и никогда не узнает правды; даже если после смерти тебя оболгут.

Если даже не все, если не большинство, но только многие будут жить в культуре однозначно и до конца, пока в состоянии держаться, будут отстаивать высшие ценности в любых условиях, ГУЛАГ не выполнит своего назначения, а скорее всего — будет просто невозможен. Значит, необходимо крепить культуру, воспитывать, учить, просвещать с куда большей интенсивностью, с куда большей нетерпимостью не только к антикультуре, но и к бескультурью, чем до ГУЛАГа. Именно потому, что теперь у нас есть опыт.

И еще один элемент борьбы. Для большинства людей старшего поколения то Ленин, то Сталин были громадными, поистине космическими фигурами. Не для всех, конечно, но для многих. Пусть демоническими, преступными, но фигурами. Но стоит вглядеться повнимательнее в души палачей, почитать ими написанное, проанализировать сочинения «классиков и гениев», «отцов-основателей»... Когда-то женщины кричали римлянам, указывая на грязных, полуголых, подыхающих от голода готтов, входящих в капитулировавший Рим: «Кому вы сдавались?!» Люди должны твердо знать, что культура в принципе непобедима — экзистенциально непобедима в человеке. И что деятели Системы настолько ничтожны, противны, мелки, отвратительны, что сдаваться им до крайности стыдно. «Не мню, что я Лаокоон, во змей упершийся руками, но скромно зрю, что осажден лишь дождевыми червяками»,— сказал Алексей Константинович Толстой о предтечах коммунистов — нигилистах. Если осознание этого факта проникнет в толщу людей, силы Зла проиграют Армагеддон. Наверное, это очень огорчит и «сердитых» читателей, и высших чинов КГБ. Но если говорить откровенно, меня мало волнует их огорчение.

А. Буровский

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Индейцы Амазонии просят о помощи

Живущие в бассейне Амазонки индейцы обратились к специалистам по охране окружающей среды с просьбой помочь им защитить их образ жизни во влажных южноамериканских лесах, которые находятся под угрозой уничтожения.

Представители индейцев встретились с руководством Национальной федерации по охране живой природы США. Как лидеры организации, объединяющей индейцев Амазонии (СОКА), делегаты представляли полутрамиллионное туземное население Боливии, Бразилии, Колумбии, Эквадора и Перу.

«Сберечь индейские территории — это одна из самых верных гарантий сохранения этих земель,— сказал руководству федерации Эваристо Нугкуаг из Перу.— До сих пор туземное население совсем не участвовало в разработке документации, относящейся к этому решению».

Огромные массивы амазонских тропических влажных лесов усиленно истребляются в связи с быстрым развитием сельского хозяйства, заготовками древесины и добычей полезных ископаемых. Поддерживаемые правительством проекты строительства гидроэлектростанций вытесняют туземные племена с мест их обитания и уничтожают природные богатства.

Президент Национальной федерации по охране живой природы США Джей Хар заверил делегацию: «Мы верим, вы сами знаете, что лучше всего для вашего народа и для тех мест, в которых вы живете. Национальная федерация действует очень успешно в США потому, что мы имеем сильную поддержку со стороны народа во всех странах. Мы знаем, что от народа исходит мудрость и сила, которыми не всегда обладает правительство».

Хитиновая защита

В Канаде создано новое защитное покрытие, сохраняющее свежесть плодов и овощей. Активный его компонент получают при переработке хитина — вещества, содержащегося в панцире ракообразных и насекомых. Жидкий состав наносят на поверхность плода, и образуется проницаемая пленка, регулирующая газообмен с окружающей средой. От замедления дыхания получается эффект «усыпления», и, например, яблоки с хитиновой оболочкой выдерживают в холодильнике девять месяцев, а необработанные — менее шести.

О чем рассказали отпечатки пальцев

Американский антрополог Уоррен Барбер из университета в Буффало исследовал отпечатки пальцев на античной глиняной посуде и терракотовых статуэтках. По ним определен пол древних ремесленников и получено представление об организации общества тех далеких времен. Барбер изучил главным образом статуэтки из древнего мексиканского города Теотиуакана, одного из крупнейших доколумбовых поселений в Новом Свете.

По одному-единственному отпечатку пальца определить пол человека невозможно. Но при наличии большого количества отпечатков, оставленных различными людьми, вполне возможно открыть специфичные различия в папиллярных линиях. У женщин эти линии уже и равномернее, нежели у мужчин.

Барбер собрал несколько десятков отпечатков; это, по его мнению, статистически точные выкладки, позволяющие разграничить мастеров по половому признаку. На основе своих исследований антрополог пришел к выводу, что в ранней истории Теотиуаканы терракотовые фигурки изготовлялись именно женщинами. Когда город разросся, мужчины приняли на себя все обязанности по разработке предметов искусства, а в последние годы жизни города, разрушенного в 750 году до новой эры, женщины снова занялись изготовлением статуэток. Барбер предполагает, что в годы упадка город часто вел войны. Мужчинам приходилось покидать дома и мастерские и браться за оружие, а женщины снова превращались в мастериц.

На снимке — отпечаток человеческой ладони, обнаруженной на статуэтке, изготовленной 1200 лет назад вблизи города Мехико.

Рисунки Ю. Серафанова

ПРОЗРАЧНОЕ ОКНО В МИР

И гений, и правитель, и изгой начинаются... с кожи. Разумеется, у каждого она разная — по чувствительности, толщине, цвету. У одних лоснится, у других нет. Но у всех без исключения шелушится...

В Научно-исследовательском институте морфологии человека хранится диковинный экспонат. В запаянном стеклянном кубике — заспиртованный плоский квадратик.

И надпись: «Кожа папуаса». Пройти мимо было невозможно, я попытался это сфотографировать. Кожа папуаса оказалась чернее квадрата Малевича, а потому на фотопленке ничего не зафиксировалось. Тогда в голову пришла неожиданная идея — сделать реконструкцию экспоната, попытаться показать момент выделения капельки пота через поры кожи при сильном увеличении.

Специалисты фотографию похвалили, заметив, что получилось не только правдоподобно, но и красиво. А попутно рассказали много интересного про кожу вообще и папуаса в частности.

Больше всего поразило, что кожа любого из нас, оказывается,— самый большой орган тела. Что она, как птица Феникс, каждый день умирает и рождается вновь. Что вся поверхность нашего естества в любой ее части состоит из отмерших частичек бывшей живой плоти. Но каждый божий день кожа методично наращивается. И если бы не слущивание, мы, как деревья, покрылись бы сплошь годовыми кольцами.

А еще кожа негра и белого человека в принципе абсолютно прозрачна, и цвет ей придают пигменты — черные и темно-коричневые красящие вещества — меланины. У негра меланина в миллионы раз больше, чем у белого человека. А если его нет совсем, то перед нами — альбинос. И на первых стадиях развития эмбрионы белого человека, негра или индуса абсолютно неразличимы, но как только в эмбрионе начинается синтез меланина, разница не только на лице, но и на всем теле очевидна. Но самое удивительное в оболочке живых существ открывают для себя изобретатели. Для наглядности приведу пример с акулой. В царской России промысел по заготовке и продаже кожи черноморской акулы приносил казне солидный доход. Все краснодеревщики Европы полировали свои изделия исключительно шкурой этой «рыбки». Она обладает какими-то особенными шероховатостью, эластичностью и прочностью. А секрет прост — достаточно взглянуть на шкуру в микроскоп. Она вся насквозь пронизана мелкими конусами острием наружу. Состоят конусы из прочнейшего материала — дентина (зубная кость). Отсюда и столь замечательные свойства. Но позже выяснилась еще одна деталь. Оказалось, что милая краснодеревщикам шероховатость не мешает той же коже быть идеально гладкой в воде. Помните про конусы? Вода их обтекает идеально — без завихрений, практически без трения. Обнаружив это, авиаконструкторы покрыли поверхность самолета такими же микроконусами, то есть сделали ее шероховатой. В результате летные качества улучшились на порядок, и наши боевые машины стали самыми быстроходными в мире.

В. Брель

Борис и Глеб. Середина XIV века.

Среди множества загадок российской истории есть такие, о которых вспоминать не любят. Одна из них связана с именем Святополка, сына киевского князя Владимира Святославича. В памяти потомков его имя слилось с прозвищем Окаянный. Трудно найти другого исторического деятеля, чья характеристика на протяжении столетий была столь краткой, исчерпывающей и безжалостной. Кажется, никаких надежд на прощение потомков у Святополка нет и быть не может. Но так ли это? История Святополка Окаянного — детективная история. Именно поэтому мы и предлагаем ее читателю под рубрикой «Исторический детектив», где до сих пор печатали об убийствах в Доме Романовых.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

И. Данилевский

Святополк Окаянный

Братья

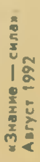
У князя киевского Святослава Игоревича было три сына: Ярополк, Олег и Владимир. Младший, Владимир,— сводный брат Ярополка и Олега. Его матерью была рабыня княгини Ольги, ключница Малуша. Основную заботу о воспитании мальчика взял на себя его дядя, брат Малуши Добрыня. Кто не знает былинных богатыря Добрыню Никитича и князя Владимира Красное Солнышко? Их прообразами и были Владимир Святославич и его дядя.

В 972 году, после подписания под Доростолом мирного договора с Византией, Святослав был вынужден вернуться на Русь за подкреплением. Но до Киева он добраться не успел. Подстрекаемые греками, на его отряд у днепровских порогов напали печенеги. В неравном бою сложил голову великий русский воин. Сыновья, оставленные им в качестве князей-наместников — Ярополк в Киеве, Олег в Древлянской земле, а Владимир в Новгороде, стали теперь полновластными правителями. И тут же между ними началась распря.

Во время одной из стычек между старшими братьями, под рухнувшим мостом погиб Олег. После этого Владимир убивает ненавистного ему Ярополка. Наконец-то младшему Святославичу удалось сесть на киевский престол! Мало того, Владимир, вообще неравнодушный к прекрасному полу, забрал себе и вдову Ярополка, красавицу гречанку. Родившийся вскоре сын считался Владимировичем, хотя на самом деле был ребенком Ярополка, его назвали Святополк.

Летописец не счел нужным уточнять, когда именно родился мальчик, поскольку рождение ребенка — явление вполне заурядное, нормальное — не рассматривалось как событие. Попытаемся это сделать за него. Имя Святополка в перечнях сыновей Владимира Святославича стоит рядом с именем Ярослава (которого в конце XIX века историки назовут Мудрым). В одних списках первым упоминается Ярослав, в других — Святополк. Возможно, они были одногодками? Если да, то убийство Ярополка Святославича, вокняжение в Киеве Владимира, рождение Святополка и Ярослава должны приблизительно совпадать во времени. Из разных источников известно, что Владимир сел на киевский престол на восьмой год после смерти Святослава, за десять лет до крещения Руси и, прокняжив 37 лет, умер в 1015 году. Из этого следует, что интересующие нас события свершились приблизительно в 978—979 годах.

Когда Святополку было около десяти лет, в жизни страны произошло чрезвычайно важное событие — Русь была крещена. Видимо, тогда же, в 988 или 989 году был крещен и Святополк. Источники не сообщают, какое крестильное имя было ему дано. Известный историк и нумизмат В. Л. Янин считает, что крестильное имя Святополка было Петр. Однако

известны монеты и печати, на которых имя Святополка соседствует с именем Михаила.

В рассказ о крещении Руси и о сыновьях Владимира Святославича, после того как все они были названы поименно, летописец записал: «И посадил (Владимир) Вышеслава в Новгороде, а Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове». Видимо, к моменту первого распределения княжений только эти братья Владимировичи достигли совершеннолетия, «возраста», как писал летописец.

Сразу вслед за этим летопись продолжает: «Когда же умер самый старший из них Вышеслав, посадил (Владимир) в Новгороде Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани». Начиная с этого сообщения, имя Святополка исчезает со страниц летописи на добрые четверть века. И лишь после внезапной кончины Владимира 15 июля 1015 года туровский князь «всплывает» из летописного небытия. И как!

Погребение князя Глеба «межи двема под насадом». Миниатюра «Жития Бориса и Глеба». XIV век.

Борьба за власть

В 1014 году, прокняжив в Новгороде, судя по всему, всего год, Ярослав внезапно отказался платить ежегодную дань в Киев. Киевский князь Владимир Святославич приказывает немедленно готовиться к войне с непокорным сыном. Ярослав же, не теряя времени, нанимает за морем варягов. Казалось, вот-вот начнется кровопролитие. Но... Как написал летописец, «бог не вдасть дьяволу радости». 15 июля 1015 года в Киеве скоропостижно скончался князь Владимир, и дальнейшие события, если верить летописи, разворачивались так.

В момент смерти отца любимый сын его Борис находился недалеко от Киева. Перед самой своей кончиной Владимир послал его во главе киевской дружины против печенегов. Не встретив врага, Борис уже повернул назад, когда из столицы до него дошли вести о тревожных событиях.

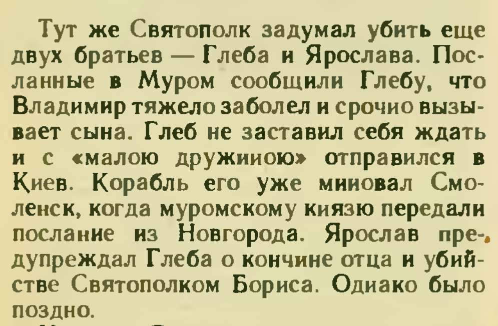
Смерть великого князя была почему-то скрыта от киевлян. Власть в Киеве захватил неизвестно как оказавшийся там Святополк, князь туровский. Киевские дружинники стали уговаривать Бориса напасть на узурпатора и захватить отцовский престол. Тот, однако, отказался, ссылаясь на старшинство Святополка и, следовательно, на его право занять место покойного отца. Дружине такой ответ пришелся не по нраву, и она покинула Бориса.

В ту же ночь, 24 июля 1015 года, в опустевший лагерь пробрались убийцы, посланные Святополком. Они ворвались в шатер и пронзили Бориса копьями. Был убит и оруженосец князя, юноша Георгий по прозвищу Угрин (то есть венгр). Убийцы отрубили Георгию голову, чтобы снять золотую гривну. Труп опознан не был...

Тело же Бориса повезли в Киев. Но по дороге неожиданно оказалось, что князь еще дышит. Тогда Святополк, бог весть как узнавший об этом, послал из Киева двух варягов. Один из них, увидев, что князь жив, пронзил сердце несчастного мечом. Похоронен Борис был тайно в Вышгороде, у церкви св. Василия. Киевляне почему-то принять его тело не пожелали.

Глеб (Давид). Иконка 1067—1068 годов. Государственный Исторический музей.

Тут же Святополк задумал убить еще двух братьев — Глеба и Ярослава. Посланные в Муром сообщили Глебу, что Владимир тяжело заболел и срочно вызывает сына. Глеб не заставил себя ждать и с «малою дружиною» отправился в Киев. Корабль его уже миновал Смоленск, когда муромскому князю передали послание из Новгорода. Ярослав предупреждал Глеба о кончине отца и убийстве Святополком Бориса. Однако было поздно.

Не успел Глеб оплакать отца и брата, как его корабль был захвачен убийцами. Еще через несколько мгновений все было кончено. По приказанию некоего Горясера, повар Глеба, Торчин, зарезал несчастного князя.

За Глебом настала очередь третьего брата, Святослава... Злая участь была уготована и другим братьям Святополка, который по «высокоумию» своему решил перебить их всех и принять «власть русьскую един».

Но тут предел его бесчинствам положил Ярослав. Вовремя предупрежденный своей сестрой Предславой, он не только попытался спасти Глеба, но и решил отомстить братоубийце. Новгородско-варяжское войско Ярослава встретилось с киевско-печенежскими полками Святополка недалеко от города Любеча. Противников разделял Днепр. Три месяца простояли они так, на противоположных берегах реки, не решаясь напасть друг на друга. И лишь когда уже начались заморозки, Ярослав отважился на бой, одержал победу и сел в Киеве, «на столе отьни и дедни». Святополк же укрылся в Польше.

Кола. Миниатюра «Жития Бориса и Глеба». XIV век.

Вернуться на Русь ему было суждено только летом 1018 года. Теперь его сопровождал польский король Болеслав Храбрый. Ярослав бежал в Новгород. Лишь на следующий год произошло между ними решающее столкновение. Их войска встретились на Альте, в том самом месте, где нашел свою смерть Борис. К вечеру стал одолевать Ярослав. И бе-

жал Святополк. Тут напала на него странная болезнь: он так ослаб, что не мог даже на коне сидеть, и слуги несли его на носилках. И казалось ему, что за ним гонятся и вот-вот настигнут. И хоть никакой погони за ними не было, заставлял он своих отроков быстрее нести его вперед. И так он прибежал, по словам летописца, «в пустыню между Ляхами и Чехами, и здесь плохо закончил жизнь свою». И даже от могилы его, как утверждал автор «Повести временных лет», исходило страшное зловоние...

Так заканчивает летопись рассказ о Святополке.

Но все ли она рассказала о нем? И все ли рассказанное — правда?

Загадки

При внимательном чтении невольно возникают сомнения в полноте и достоверности летописного рассказа.

Начнем с невинного вопроса: куда подевался Святополк во время перераспределения княжений между Владимировичами после смерти старшего из них, Вышеслава? Ведь во втором перечне его имя, как и имя Изяслава Полоцкого, отсутствует. А по обычаям того времени, после смерти самого старшего брата все те, кто был младше, должны были подняться на одну «ступеньку» на пути к киевскому престолу. Русские летописи хранят по этому поводу молчание.

Не ясно и то, как Святополк, княживший в Турове, в момент кончины Владимира Святославича оказался в Киеве? Ведь эти города разделяют почти 700 верст (свыше 900 километров). А тогда даже гонец, скачущий «о дву конь», мог проехать в день не более 60 верст, и туровский князь в стольный град мог добраться никак не ранее 8—10 августа. А Борис, если верить летописи, был убит уже 24 июля!

Не менее любопытен вопрос, почему вышегородские бояре поддержали Святополка? Выдающийся исследователь летописей, А. А. Шахматов даже высказал по этому поводу предположение, что Святополк был вышегородским князем. Но ведь Вышгород никогда не был центром княжества, а являлся загородной резиденцией князя киевского...

Еще загадочнее после этого выглядят заявления летописца и автора житийной повести о Борисе и Глебе, что киевляне (те самые, которые уговаривали Бориса захватить Киев!) отказались принять его тело, и несчастного князя пришлось похоронить... в Вышгороде.

А откуда летописцу известно, что обезглавленный труп, найденный на месте убийства Бориса, принадлежал Георгию Угрину? Ведь, по его же словам, тело не было опознано.

Зачем Святополку потребовалось дважды посылать убийц к Борису? И от

Убиение Глеба Владимировича. «...Внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба».

Битва на Льте. «...И бой был жестокий, какого не было на Руси».

кого Святополк узнал о том, что «убитый» князь еще жив? И почему сами убийцы, везшие его тело, не заметили этого?

Или, скажем, почему митрополит Георгий, присутствовавший при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 году в новую церковь, засомневался в их святости?

Да и вообще, зачем Святополку понадобилось убивать братьев? Ведь Борис и Глеб добровольно признали его старшинство и право на киевский престол.

Кстати, зачем Глебу понадобилось выбирать кружной путь из Мурома в Киев через Смоленск? Ведь он, как отмечают авторы русских источников, очень торопился, чтобы застать отца в живых? И как при этом Ярослав, будучи в Новгороде, не только успел получить весть из Киева, но и предупредил Глеба о грозящей опасности? Ведь путь от Киева до Новгорода, а оттуда до Смоленска составлял более 2200 верст и должен был занять не менее полутора месяцев, даже если гонцы нигде не останавливались ни на один день.

А как посланцы Ярослава узнали, какой дорогой отправился Глеб в Киев? И куда они делись, когда практически одновременно с ними здесь же оказались убийцы? Кстати, те должны были преодолеть расстояние чуть ли не в пять раз (!) меньше — всего лишь около 460 верст.

И еще. Почему победивший Окаянного Святополка Ярослав никого из своих сыновей не назвал Борисом или Глебом, либо Романом или Давидом (их крестильными именами)? Только среди внуков Ярослава мы находим Глеба, Давида и Романа (но не Бориса!) Все они — сыновья муромского князя Святослава. А вот среди сыновей Всеволода — преемников Бориса на ростовском столе — никто не назван его именем. И лишь внук Всеволода, сын Владимира Мономаха, был назван Романом (но опять-таки не Борисом!)

Зато сына старшего Ярославича Изяслава назвали... Святополком! И это еще при жизни Ярослава! Значит, тогда, в 1050 году, имя туровского князя еще не считалось запятнанным братоубийством? Но кого же тогда считали убийцей?

А как увязывается с обликом Ярослава, братолюбца и мстителя «окаянному» братоубийце, содержание им двадцать четыре года в псковской тюрьме другого брата, Судислава, уцелевшего после усобицы 1015—1019 годов? Или многолетняя его война еще с одним братом, Мстиславом?

Не все просто и с самим Святополком. Почему, скажем, киевляне поддержали его, а не Ярослава? Или, например, чем объясняется поразительное совпадение описаний обеих битв Ярослава со Святополком 1015 и 1018 годов? Быть может, это два рассказа об одной и той же битве? Или первый раз Ярослав сражался с кем-то другим, а потом рассказ об этом столкновении был заменен записью о битве со Святополком? Но тогда с кем сражался Ярослав зимой 1018—1019 годов?

Почему Святополк бежал в Польшу? Почему польский король поддержал его и помог изгнаннику вернуть киевский престол?

Увы! На все эти вопросы ни летопись, ни другие отечественные источники ответов не дают. Предпримем свое собственное исследование. И исторический детектив — самая подходящая для него форма.

Свидетельство мерзебургского епископа

Современником интересующих нас событий был епископ Титмар (Дитмар), который с 24 апреля 1009 года до самой своей смерти 1 декабря 1018 года служил на границе немецких и западнославянских земель, в городе Мерзебурге. С 1012 года и до своей кончины он вел хронику. Язык его часто темен, изложение событий не всегда последовательно. Мало того, оригинал хроники Титмара уничтожил страшный дрезденский пожар в 1945 году.

Но сведения Титмара поистине бесценны. Только из них мы узнаем о том, что третья дочь польского короля Болеслава I Храброго (967—1025) вышла замуж за Святополка Владимировича. Правда, косвенно это подтверждает Галл Аноним. В «Хронике и деяниях князей или правителей польских» он намекает на родственную связь Святополка с Болеславом Храбрым.

Брак детей правителей Руси и Польши был заключен не позднее 1012 года. Для дочери польского короля замужество обернулось трагедией. По словам Титмара, Владимир обвинил Святополка в том, что тот поддался на тайные увещевания Болеслава и готовится захватить киевский престол. По этому обвинению Святополк вместе с женой и ее духовником, епископом колобжегским Рейнберном, были брошены в темницу. Туровское княжение и семейная жизнь составили не более трех лет жизни многострадального князя...

Известие об этом Болеслав получил, судя по всему, в январе 1013 года и тут же начал подготовку к походу на Русь. 24 мая 1013 года, на Троицу, в Мерзебурге он признал себя вассалом императора Священной Римской империи Генриха II (973—1024), с которым до того вел войну. И все это только для того, чтобы, заручившись поддержкой германского короля, напасть на Русь. Однако междоусобицы с печенегами вскоре заставили его покинуть пределы русского государства.

По свидетельству Титмара, Святополку

удалось вырваться из темницы только через некоторое время после смерти Владимира, когда владения скончавшегося князя уже были поделены между двумя старшими наследниками. Оставив на произвол нового киевского правителя свою жену, все еще томившуюся в темнице, он бежал к тестю, рассчитывая, очевидно, на его помощь.

Так вот почему имя Святополка отсутствует в рассказе русского летописца о перераспределении княжений между Владимировичами. В момент смерти Вышеслава он находился в заточении по обвинению в государственной измене и, естественно, не мог претендовать на новгородское княжение, причитавшееся ему по праву.

Но стоп! Свидетельства мерзебургского епископа не только проясняют многие темные места в русских летописях и восполняют утраченную (или намеренно опущенную) в них информацию. Они одновременно порождают новые вопросы.

Исключая для Святополка возможность коварного захвата киевского престола и зверского убийства братьев, они ничего не говорят о том, кто же стал новым киевским князем. С этим, надо думать, связан и другой вопрос — о виновнике гибели Бориса и Глеба, а также Святослава. Ведь Святополку после его бегства из темницы явно было не до покушений на братьев. Да и зачем ему было этим заниматься? Так кто же?

Эймундова сага

Ссылки на этот источник встречаются у исследователей еще реже, чем на хронику Титмара Мерзебургского. Эймундова сага была записана в XIII веке, а прежде передавалась в устной традиции. Это рассказ о норвежском конунге Эймунде, побратиме конунга Олафа II Святого. В 1015 году Олаф захватил власть над землями девяти конунгов (в том числе и отсутствовавшего тогда Эймунда) и стал королем Норвегии. Не желая враждовать с ним, Эймунд вместе со своим другом Рагнаром покинул Норвегию и отправился на Русь, в Гардарики, как называли ее в Скандинавии. Свой выбор Эймунд объяснил товарищам так: «Я слышал о смерти Вальдамара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурислав тот, который получил большую долю отцовского наследства, и он — старший из них, другого зовут Ярицлейв, в третьего — Вартилав. Бурислав держит Кенугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Пальтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше...» (Перевод Е. А. Рыдзевской.)

Такая обстановка, по мнению Эймунда, позволяла легко добыть ему и его друзьям богатство и почести, нанявшись к одному из братьев в войско. На том и порешили. Через некоторое время отряд Эймунда, в котором насчитывалось до шестисот воинов, уже радушно встречал в Хольмгарде, как в сагах именуют Новгород, конунг Ярицлейв, в котором вы, вероятно, уже узнали Ярослава. Встреча была тем более теплой, что Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. На вопрос князя, куда они направляются, Эймунд рассказал ему свою историю и добавил:

— Быть может, ты захочешь нанять нас для борьбы с братьями, что стали теперь твоими врагами? Если же нет, мы заключим договор с одним из твоих противников.

— Ты и твои товарищи,— ответил Ярослав,— опытные и храбрые воины. Ваши советы и помощь мне пригодятся.

Обговорив условия найма, они заключили договор сроком на один год.

Последовавшие затем события во многом перекликаются с данными русских летописей. Но кое в чем они не совпадают. Главное — нет четких и ясных признаков, которые бы позволили увязать все сведения Эймундовой саги с сообщениями «Повести временных лет». Вопрос о том, что Хольмгард саги соответствует Новгороду, Кенугард — Киеву, а Пальтескью — Полоцку, вызывает столь же мало сомнений, как и отождествление Ярицлейва с Ярославом, а Вартилава со Всеславом Полоцким.

Но вот кто такой Бурислав? Неужели Святополк? А ведь именно с Буриславом связана основная сюжетная линия.

Вскоре он потребовал от Ярослава отдать часть владений. Ярослав, опираясь на наемников, нанес ему поражение и, судя по всему, захватил княжество Бурислава.

Через год Бурислав напал на город, в котором обосновался Ярослав, но был отбит. Во время штурма города Ярослава ранили в ногу, с тех пор и до конца жизни он сильно хромал.

Еще через год Бурислав предпринимает новую попытку захватить власть над Русью. И тут происходят события, заслуживающие особого внимания.

Узнав о приближении Бурислава с войском, Эймунд захватил с собой нескольких воинов и тайно выступил навстречу врагу. В дне пути от столицы Ярослава на опушке леса они дожидаются неприятеля. Здесь-то и остановился лагерем Бурислав. Ночью, когда все уснули, варяги внезапно напали на шатер Бурислава и перебили тех, кто в нем находился. Самому Буриславу Эймунд отрубил голову и забрал ее с собой. Наутро он явился к Ярицлейву и, рассказав ему о своих ночных подвигах, предъявил страшное доказательство правдивости своих слов. Увидев голову брата, Ярицлейв покраснел и велел Эймунду позаботиться о погребении убитого. Тогда Эймунд с товарищами вернулся в стан Бурислава. Как и предполагал предводитель варягов, дружина убитого князя разбежалась, а его обезглавленное тело было брошено в лесу. Эймунд забрал останки Бурислава и отвез в город, где они и были погребены.

С этого времени, как говорит сага, Ярицлейв стал «конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем».

Кто же этот загадочный Бурислав? Первый переводчик Эймундовой саги на русский язык, литератор и историк О. И. Сенковский (барон Брамбеус), предположил, что это образ, в котором совместились Святополк Окаянный и Болеслав Храбрый. Этой точки зрения придерживались и продолжают придерживаться многие историки. Однако при этом они не могут ответить на множество вопросов. Скажем, кого именно убили варяги? Святополка? Но почему об этом молчат русские летописи?

По саге тогда получается, что Святополк был изгнан с киевского престола за два года до гибели, то есть не позднее 1016 года. Но ведь именно под этим годом Ярослав упоминается как «хромец», а рану он получил, защищая столицу от уже изгнанного за год до этого Бурислава. И, главное, как все это увязать с сообщением весьма осведомленного Титмара Мерзебургского? Он-то утверждает, что Святополк сразу после смерти Владимира с трудом выбрался из темницы и бежал в Польшу.

Нет, Бурислав Эймундовой саги не может быть Святополком. Так кто же это?

С кем сражался Ярослав?

Ранние русские летописи X—XIII веков не дошли до нас. Они погибли в огне войн и многочисленных пожаров, внутренних усобиц, стали жертвой невежества и политических расчетов. Ни одна из них не уцелела. Сохранились лишь их тексты в сводах XIV—XVI веков. Причем тексты эти неоднократно переписывались, редактировались, сокращались либо, наоборот, дополнялись. В результате их первоначальный вид, как правило, утрачивался. Поэтому, беря в руки летопись, невозможно знать заранее, кому принадлежит интересующий тебя текст, автору середины XI века либо редактору XII века, а может быть, и переписчику, жившему на полтысячи лет позднее. И лишь отдельные, иногда почти неуловимые следы позволяют отыскать первоначальное чтение.

Историк Н. Н. Ильин потратил несколько лет, чтобы узнать, из каких источников черпал автор «Повести временных лет» информацию о трагических событиях 1015 (6523 — по древнерусской системе летосчисления) года. Результаты, которые он получил, звучали «еретически». Правда, опровергать их никто не стал, но и не использовали. В чем же дело?

Н. Н. Ильин сопоставил имя Бурислава и обстоятельства его гибели, описанные Эймундовой сагой, с сообщениями «Повести временных лет» и заключил: Ярицлейв в саге сражался вовсе не со Святополком или Болеславом, а с... Борисом. Кстати, в источниках встречается и полная форма этого имени — Борислав.

Но тогда получается, что с Борисом расправились убийцы, посланные не Святополком, а Ярославом! Возможно ли это? В таком предположении нет ничего невероятного. В. Янин еще в 1969 году сделал такое предположение, напечатав статью в журнале «Знание — сила» под названием «Таинственный XI век»*. В то время, чтобы сделать такое предположение в печати, нужно было иметь мужество! Отход от официозных стереотипов и оценок не поощрялся.

Предположение это полностью согласуется с данными Титмара Мерзебургского. И, кроме того, позволяет объяснить многие странности и недомолвки «Повести временных лет». Становится ясным, кто занимал киевский престол после смерти Владимира, пока Святополк был в изгнании, а Ярослав сидел в Новгороде,— это был Борис.

Находит вполне естественное объясне-

* В. Янин. Таинственный XI век, «Знание — сила», 1969 год, № 3. Янин предполагал, что Святополк и Ярослав «оба замарали руки в крови»: один виноват в смерти Глеба, другой — Бориса.

ние таинственное исчезновение посланников Ярослава к Глебу, которые должны были предупредить того о готовящемся на него покушении, ведь они сами и были убийцами.

Получает обоснование сюжет с отсечением головы у Георгия Угрина. На самом деле обезглавлен был Борис, и, видимо, это его тело не смогли опознать. Совсем по-другому воспринимается теперь и миниатюра XIV века, восходящая к оригиналу конца XI — начала XII века. На ней убийцы передают пославшему их князю меч Бориса и какой-то круглый предмет, как предположил М. Х. Алешковский, голову убитого.

Находим мы ответ и на вопрос, зачем князю-убийце потребовалось посылать варягов к уже убитому Борису (чтобы приставить голову к трупу и похоронить его). Яснее становится поведение киевлян, отказавшихся принять тело убитого Бориса, потому что покойный не раз «наводил» на Киев «поганых», нанятых для борьбы с Ярославом, которые нанесли городу значительный ущерб. Да и вообще становится понятным, почему нельзя было оставлять в живых Бориса,— он, очевидно, и не собирался добровольно расставаться с захваченным киевским престолом.

Конечно, все это не является безусловным доказательством гипотезы Ильина. Но, главное, не противоречит ей, а подтверждает неожиданный вывод. Итак, если Н. Н. Ильин прав, ход событий после внезапной кончины Владимира Святославича 15 июля 1015 года можно представить следующим образом.

Киевский престол занимает Борис, которого отец любил, по свидетельству летописца, более других сыновей и всегда держал рядом с собой. Ярослав, нанявший к тому времени варягов для борьбы за независимость Новгорода от Киева, выступил против нового киевского князя и в битве на Днепре (вероятно, осенью 1015 года) одержал победу. В результате киевский престол перешел к нему.

Тем временем из темницы удается бежать Святополку, который отправляется не мешкая к своему тестю, рассчитывая с его помощью захватить власть в Киеве, принадлежащую ему по праву старшего в роду. Пока он собирается с силами, Борис, опираясь на поддержку печенегов, пытается вернуть утраченную власть. Но киевляне, возглавляемые Ярославом и поддержанные довольно большим отрядом наемников, дают ему отпор. Во время обороны Киева Ярослав получает ранение, сделавшее его калекой. Это столкновение, очевидно, завершило 1016 год.

В следующем году новая попытка Бориса вернуть Киев закончилась для князя-неудачника трагически — 24 июля 1017 года его убивают варяги, посланные Ярославом. На какое-то время на Руси воцаряется мир...

Хотя мир ли? Не будем забывать, что приблизительно в это же время были убиты Глеб и Святослав Владимировичи.

Летом 1018 года на Русь обрушиваются польско-немецкие отряды. Во главе их идут Болеслав Храбрый и законный наследник киевского престола Святополк. Ярослав позорно бежит в Новгород, бросив в Киеве мать и восемь своих сестер. Среди них — Предслава, к которой в 1014 году неудачно сватался Болеслав. Остается только посочувствовать несчастной — участь ее была ужасна. Впрочем, ее судьба, видимо, мало занимала брата. Он пытается бежать из Новгорода в Швецию, к тестю. Но решительно настроенные новгородцы, возглавляемые посадником, двоюродным дядькой Ярослава Константином (Коснятином) Добрыничем, разбивают княжеские ладьи и заставляют Ярослава возглавить поход против Святополка.

В это время, 14 августа 1018 года, Святополк торжественно вступает в Киев. Причем киевляне встречают его достаточно доброжелательно. Через месяц-другой польские отряды покидают русскую столицу. Во всяком случае, Титмар успевает сделать запись о возвращении Болеслава в Польшу (напомню, что мерзебургский епископ умер в декабре того же, 1018 года).

Через три месяца после победного вступления в Киев дружина Святополка сошлась на поле боя с полком Ярослава. Сражение произошло у Любеча приблизительно в декабре 1018 года. Победу одержал Ярослав. Судя по всему, Святополку удалось скрыться с поля брани, но это не спасло его от мести Ярослава.

Автор «Повести временных лет», на первый взгляд, довольно подробно описывает обстоятельства гибели князя-неудачника. Однако при ближайшем рассмотрении этот рассказ оказывается «инсценировкой» библейской установки, как «должно быть» с братоубийцей. Реальная же картина смерти бывшего туровского князя вряд ли когда-нибудь станет нам доступна.

О чем, почему и как молчат летописи

Итак, как и каким видится теперь Святополк? Прежде всего — человеком страдающим. Детство, лишенное отцовской ласки. Воспитание под надзором убийцы отца. Династический брак, заключенный по расчету правителей Руси и Польши без согласия будущих супругов. Последовавшее вскоре тюремное заключение. Бегство на чужбину и, наконец, лишение всего — жены, власти, родины.

Мало того, умерев, он так и не освободился от того, что мы называем политикой: на него, видимо, удалось «списать» целый ряд политических преступлений, совершенных другими, скажем, тем же самым Ярославом Мудрым. Кстати, само прозвище Окаянный значит не только «проклятый, грешный», но и «несчастный, достойный жалости, многострадальный».

Да, он был сыном своего времени. Возможно, жесток и коварен, подобно большинству своих современников-правителей. Но мало кто из них был так опозорен перед потомками, как он. Однако почему ни один официальный летописец не нашел в себе мужества сказать правду о том, что на самом деле произошло в трагическое для Руси второе десятилетие XI века? Есть основания полагать, что такие люди были. И вот почему.

Мы уже упоминали, что бегство Святополка после Альтской битвы и его кончина, как их описывает летопись,— своего рода «инсценировка» на отечественной почве Священного писания. Действительно, упоминания о внезапной «расслабленности» Святополка, из-за чего его пришлось нести на носилках, страх перед погоней, которой не было, заставлявший его бежать без остановки с места на место, «смрад зол», исходивший от его могилы,— не что иное, как «осуществление» притчей Соломоновых («нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним», «человек, виноватый в пролитии человеческой крови, будет бегать до могилы, чтобы кто не схватил его» и другие), «переложение» рассказа из Второй книги Маккавейской о бегстве Антиоха из Персии (его несут на носилках из-за внезапной болезни, «смрад зловония от него невыносим был» и т. п.) и перенос характеристик Ирода из «Хроники» Георгия Амартола. Такой способ описания через косвенное цитирование Библии был вполне нормален и, видимо, единственно приемлем для летописца. Поэтому для летописца понять события, объяснить их, отобрать из них существенные можно только одним путем. Происходящее должно быть соотнесено со Священным писанием. Потому-то в летописи так часто встречаются прямые выдержки из Библии. Еще чаще читатель находит в летописных текстах косвенные, хотя и достаточно прозрачные цитаты из Писания, как в случае, только что рассмотренном. Но иногда летописец ограничивается «глухой» отсылкой к Библии. Например, дав развернутую характеристику Святополка (больше, правда, подходящую его приемному отцу-братоубийце), автор «Повести временных лет» вдруг заявляет: «Это новый Авимелех». Почему он ограничился именно таким сравнением? Кто такой Авимелех? Сын еврейского судьи Гедеона, который после смерти отца убил семьдесят своих братьев. Но Библия знает и другого Авимелеха, царя филистимлянского. Тот дважды — один раз из-за Авраама, другой из-за Исаака — оказался в ложном положении, едва не совершив тяжкий грех. Но не совершил. Сам Бог говорит ему во сне: «Я знаю, что ты сделал это в простоте сердца твоего, и удержал тебя от греха».

Интересно, сравнивая Святополка с Авимелехом, сыном Гедеона, летописец помнил об Авимелехе-царе? И почему он выбрал для характеристики Святополка именно Авимелеха? В Библии есть ведь и более «популярные» братоубийцы. Взять хотя бы Каина или Ламеха, которые, кстати, упоминаются здесь же. Но Святополк с ними не сравнивается...

Так кто же на самом деле Святополк Окаянный? Убийца? Жертва? Ответило ли наше исследование на этот вопрос? ●

Архангел Михаил, Борис и Глеб. XV век.

И. Вайсбанд

Кто я такой?

Немного о соционике

Интуитивно-логический интроверт. Бальзак

1. «Воображение управляет мной». Обладает сильным интеллектуальным воображением. Оноре де Бальзак создал портреты двух тысяч человек, представляющихся более живыми, чем настоящие. Поражает точностью деталей и фантасмагорический мир Г. Гарсиа Маркеса. Благодаря этому качеству хорошо видит будущее. Из отдельных поступков человека составляет как будто бы действующую модель. Вообще все знает заранее. Если бы от какой-нибудь угрожающей неприятности (удачи его меньше интересуют) не предостерегал заранее, по-видимому, чувствовал бы себя лишним человеком.

2. «Пасторское бесстрастие». Почти никогда не проявляет эмоций, оберегает от них своих близких. Искренне убежден, что слишком сильные страсти несут человеку гибель. О. Бальзак неизменно показывает, как чувство разрастается, подобно чудовищному раку, разъедающему души, и в конце концов подавляет все прочие чувства. Что касается его дуала Наполеона, личности сверхактивной и увлекающейся, — это совершенная правда.

3. Глубокий аналитик. Уверен, что, не понимая порядков, царящих в мире, невозможно жить. Тот, кто не считается с действительным положением вещей, идет к катастрофе. Предпочитает цинизм лицемерию. В любой ситуации, о которой ему рассказывают, разбирается досконально и очень скоро начинает рассказывать изумленному собеседнику те детали, корни и аспекты, которые тот упустил. Его анализ лишен всякого самообольщения. «Все это не лучше кухни, вони столько же. А если хочешь что-нибудь состряпать, пачкай руки, только потом умей хорошо смыть грязь; вот вся мораль нашей эпохи»,— говорит один из героев Бальзака о жизни. Эта мизантропия может обескуражить кого угодно, кроме Наполеона.

4. «Он прежде всего добр». При всем его негативизме он по натуре своей человек очень мягкий. Говорят, приведенные слова о Бальзаке принадлежат Жорж Санд, которая знала толк в доброте. Он любит людей сильных, хорошо знающих свою дорогу, требующих уступок, освобождающих его от необходимости придумывать цели. Особенно если они пользуются придуманными им способами действия, на которые он большой мастер. Умеет вылить ушат воды на энтузиаста, но умеет и гасить отчаяние, когда другим не везет, когда все падает из рук, когда судьба кажется враждебной.

5. Вот как описывает рыцаря своих мечтаний студентка Лайма (Наполеон): «Он должен быть красивый и унылый. Глаза большие и печальные. Неразговорчив, не произносит комплиментов. И поэтому создает впечатление недосягаемого. Его мучают десятки проблем, на которые, по-моему, не стоит обращать внимания. Меня притягивает его печаль, серьезность, стараюсь развеселить, поднять настроение, обрадовать. Если на вечернике есть такой парень, я не скучаю». Это образное описание Бальзака, который в своих чувствах очень постоянен, не склонен к приключениям, желает полной зависимости от требовательной любимой.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Наполеон.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Дж. Лондон, Драйзер, Наполеон, Бальзак.

Ваша сильная черта — умение чувствовать себя в потоке времени, предвидеть и реально оценить события. Вы умеете познавать себя и других людей. Ваши близкие нуждаются в вашем понимании времени, смысла и стержня существования. Интуиция и разум подскажут вам выход из любой ситуации.

Логико-сенсорный экстраверт. Штирлиц

1. Быстрый, ясный, трезвый мозг. Умеет разумно и логично действовать. Спортивная выправка, резкие, жесткие черты лица, будто сейчас готовые в гранит. И скрытая нервность, высокая поэтичность. Сила и внутренняя наполненность, долг и подспудная нервная вибрация. Прирожденный разведчик — собирает информацию по всем каналам, добиваясь полной ясности для действия (Рихард Зорге, Шерлок Холмс).

2. «Все, что я делаю, я делаю хорошо». «Существует дар, которым непременно наделены в бейсболе великие игроки и великие команды. Это — напористость. Это — способность бегать быстрее, чем нужно, двигаться живее, чем нужно, быть упорнее, чем нужно»,— довольно точная характеристика этого типа людей. Инициативный, решительный, любит быть в центре внимания. Свои идеи отстаивает смело и с большим азартом. Перед начальством не робеет, даже агрессивен. Знает, что дело идет хорошо, если соответствующий темп ему сообщается тут же. Не терпит проволочек. Страстный борец за качество, основательность работы. Хороший офицер. Способен работать по девятнадцать с половиной часов в сутки (Эдисон).

3. «Ярость — великий бог сильных людей». Склонен выводить окружающих из состояния благодушной успокоенности. О хорошем не говорит, считает само собой разумеющимся. Стремится своими ворчливыми эмоциями сбить эмоции окружающих. Считает, что излишние эмоции утомляют людей, и что касается его дуала (Достоевский), это справедливо. В разговоре давит на собеседника, даже старается запугать, но если его не боятся, становится обходителен и вежлив. Ярость — его прибежище в экстремальной ситуации, с которой он сам не может справиться. Его назначение — мобилизовать партнера, и когда эта задача решена, он успокаивается.

4. Вера в честную игру. Считает подчинение правилам сильной чертой, проявлением характера. Не терпит хитрости и коварства, ненавидит жуликов и ловкачей. Известный разведчик говорил: «Политические маневры могут привести к быстрому достижению результата, но по-настоящему долговременный и надежный эффект дает лишь упорная каждодневная работа». Любит порядок. Купив новую вещь, обязательно изучит инструкцию и только потом включит. Амундсен, путешествуя всю жизнь, избегал тяжелых ситуаций. «Победа ожидает того, у кого все в порядке,— говорил он,— и это называется удачей». Адепт честного труда. «Если все кажется легким, это безошибочно доказывает, что работник весьма мало искусен и работа выше его разумения» (Леонардо да Винчи).

5. «Свойственная военным сдержанная сила». Внешне подтянут, отличается выправкой, даже если никогда не служил. Одевается хорошо и элегантно, но не наряжается. Одежду носит долго, и она постоянно удивляет своей свежестью, как будто фактор времени здесь не действует. Сам неудобной обуви не наденет, но все другие должны одеваться только очень красиво. Эстет.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Достоевский.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Штирлиц, Достоевский, Гексли, Габен.

Ваша сильная черта — умение действовать логично и правильно. Вы понимаете логику событий, причины и следствия. Умеете добиваться высокого качества работы. Вы — офицер, руководитель, изобретатель.

Развивайте умение понимать эмоции других людей, управляйте собственными эмоциями. Тогда вы будете всегда своевременны.

* Продолжение. Начало — в №№ 1, 3–7 за этот год.

Этико-интуитивный интроверт. Достоевский

1. Носитель тихого, внутреннего, для постороннего взгляда незаметного моря чувств. Мир его чувств настолько тонок и богат, что не нужны словесные доказательства любви. Он и без слов видит, кто, кого и как любит, кто кому нужен, а кто кому не нужен. Ценнейшее свойство — умение приспособиться к эмоциям другого человека. Сопереживать, снять эмоциональное напряжение, успокоить.

2. Это обычно тихий, дружелюбный человек, который в компании больше молчит и наблюдает, среди близких же знакомых — наоборот. Его нельзя назвать слишком стеснительным, потому что он отлично видит, как к нему относятся другие, и знает, как это отношение улучшить. Своему пониманию этичного и неэтичного стремится подчинить других людей. А вот эмоций своих никогда не навязывает, а сопровождает, сопереживает эмоции другого. Демонстрирует своеобразное эмоциональное замирание. Уверен, что другим нужен спокойным, ровным, безмятежным. Хочет быть как бы «компрессом», который другие могут прикладывать к своим ранам.

3. Если его просят что-то сделать, не может отказать. Поэтому его нередко эксплуатируют. Нужен дуал, подчиняясь которому, можно отгородиться от лишнего. В отношениях с людьми его интересы ограничиваются лишь определенной группой лиц, а вот в объективном мире его интересует абсолютно все — полная всеясность на уровне его интеллекта и способностей. Не способен оценить качество своей работы и потерянное при этом время. Не может отличить мелочь от действительно важных вещей. Знает, что можно делать, но не знает, что нужно делать. Не может не работать, когда все работают, и продолжает работать, когда все не работают. Очень не любит, когда при одной незаконченной работе поручают другую.

4. Критичен к собственной внешности, воле, энергии. Болезненно переносит их неодобрение. Комплименты же на эту тему воспринимает как двусмысленность, и только если они сказаны наедине, мягким тоном, верит им. Ему нужно молчаливое или негромкое признание. Не может позволить себе быть неопрятным.

5. Приятные эмоции, необходимые этому типу, партнер обеспечивает своей разумностью, логикой, требовательностью, умением защитить. Нужно не опаздывать на свидания, выполнять свои обещания, быть вежливым, заботливым. Больше никаких доказательств любви или разговоров о ней не нужно. Если самый умный партнер излагает свое мнение в форме размышлений, а не в форме коротких категорических формулировок, то рядом с ним Достоевский чувствует себя постоянно недовольным и несчастным. Самое же главное его требование к партнеру — верность. Неверности не прощает.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Штирлиц.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Штирлиц, Достоевский, Гексли, Габен.

Ваша сильная черта — умение понимать чувства людей, различать добро и зло. Вы хорошо понимаете роль положительных чувств. Ваши близкие нуждаются в вашей духовной поддержке, сочувствии, сопереживании.

Развивайте умение мыслить логично, учитывать официальные отношения между людьми. Думайте, что реально внедримо, а что — нет.

Больше интересуйтесь техникой, наукой.

Интуитивно-этический экстраверт. Гексли

1. Горячий энтузиаст. Высокодуховная, артистичная личность, быстро разрешает личные затруднения. Всегда полагается на свою способность мгновенно импровизировать, вместо того чтобы заранее подготовить работу. Обожает ситуации нового, интересного начинания, когда можно проявить свои и чужие способности; когда можно еще предполагать самое невероятное развитие событий.

2. «Дон Жуан». Видит в людях множество разнообразных достоинств и не может удержаться, чтобы не сообщить им этого в самой эмоциональной форме. Часто его яркие эмоции принимаются за чувства, чему и обязан репутацией Дон Жуана. На самом же деле в чувствах он достаточно консервативен, привязывается к узкому кругу своих людей, чье мнение для него крайне значимо и полностью определяет его настроение, поведение, знание. Если же он и в самом деле повеса, этого не скрывает.

3. «Недотрога». Его речи о любви и тоске пламенны, улыбки обольстительны, но дальше этого дело идет далеко не всегда. Его девиз — эмоциональная власть над всеми и сексуальная свобода ото всех.

4. Не честолюбив, так как может быть доволен обществом друзей и предвкушением чего-то интересного. В отличие от Наполеона, который откровенно любит руководить ситуацией, он стремится к тайному руководству. При этом его влияние направлено в основном на то, чтобы заставить окружающих проявить свои способности, таланты.

5. «Ученый муж». Чувствителен к оценке своих умственных способностей. Часто стремится защитить диссертацию, добивается ученых степеней и званий. Это дает ему возможность спокойно работать. Крайне чувствителен, когда задевают дорогие ему идеи, отрицают возможности его и близких людей. Поэтому стремится контактировать с людьми, близкими ему по идейному кредо.

6. Человек настроения. От настроения зависит все: планы на будущее, отношение к себе, представление о мире. Радужные планы могут смениться тягостными переживаниями, но интересная новость, похвала, внезапно представившаяся интересная возможность мгновенно изменяют настрой. От скуки просто заболевает.

7. «Для других». Готов помочь людям в решении их проблем. Самое большое удовольствие — найти выход из положения, которое другим кажется безвыходным. Приветливость и доброжелательность может демонстрировать любому. Делает что-то только для тех, к кому относится серьезно. И делает тогда гораздо больше, чем от него ждут и чем он сам обещает.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Габен.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Штирлиц, Достоевский, Гексли, Габен.

Ваша сильная черта — умение понять суть вещей, выдвинуть или поддержать талантливого человека. Не суетитесь, это вам не идет. Не пытайтесь все планировать, это у вас не получится. Мыслите и действуйте неторопливо, уверенно.

Развивайте волю, целеустремленность, собранность. Ставьте перед собой трудные цели и добивайтесь их достижения.

Сенсорно-логический интроверт. Габен

1. «Айсберг в океане». Упрямый, замкнутый, почти всегда одинаково холодный и загадочный. Движения спокойные, точные, исключительно экономные. Со стороны кажется, что достигнутый результат всегда больше затраченных усилий. Неброское тихое упорство при обязательном завершении всего начатого, внутренняя ответственность за дело и скромность.

2. Талантливая лень. Он не Дон Кихот — бесцельно работать не станет. Прирожденный изобретатель, но с внедрением своих идей не торопится, пока не созреют условия для максимальной отдачи. Гордится своим умением не заниматься тем, что не приносит пользы. Обожает комфорт, удобства. При совместных с кем-то действиях все мило и ненавязчиво устраивается так, как удобно ему. В достижимой для него области пространства все организовано идеально для работы и отдыха. Эстет, полностью доверяющий своему вкусу. Одевается очень аккуратно, со вкусом, но не вызывающе. Чувствительная кожа; «принцесса на горошине» — это про него.

3. Сдержанная эмоциональная насыщенность. Именно склонность скрывать эмоции под маской недоступности и холодности придает им тонкую отшлифованность и даже выразительность (В. Высоцкий, А. Миронов, А. Челентано). Спокоен при всех обстоятельствах, но по-разному. Остается холодно недоступен, когда любит. Не спешит поверить в чувства своего несколько легкомысленного дуала (Гексли). Очень ревнив и недоверчив: панически боится, что его эмоции будут выставлены на посмешище. В опасных ситуациях упрямо ничего не боится, спокойно приближается к источнику опасности. Это его основной ход — идти напрямик на противника; выдерживает тот, кто сильнее. Это основная поза актера Жана Габена — упрямство, неуступчивость, внутренняя правота и бесстрашие. Чем более он одинок, тем более недоступен.

4. «Цели и методы». Если рядом нет его дуала, его можно принять за лентяя и болтуна. Много говорит, а сам ничего не делает, чего-то выжидает. Он и вправду вы-

жидает, и в сущности это вопль о помощи. Бесцельно работать он не станет, а целей сам выдумывать не умеет. Только горячий энтузиаст Гексли владеет ключиком, запускающим в действие точный и безошибочный механизм Габена. Наградой Габену служит радость, которую он доставляет своим трудом. Об искренности желаний он судит по интонациям, которые его автоматически мобилизуют. И желание и радость лучше всех умеет проявлять Гексли, большой к тому же мастер выискивать таланты и искренне восхищаться ими. А Габен должен быть любимчиком. Уравниловки он не терпит. Купить его можно лишь искренними чувствами, выражаемыми глазами и интонациями.

Наилучший партнер в браке, дружбе, работе — Гексли.

Ваша квадра (четверка типов, в обществе представителей которых отношения налаживаются лучше всего): Штирлиц, Достоевский, Гексли, Габен.

Ваша сильная черта — умение создавать удобную рабочую атмосферу, комфорт для себя и близких. Защищайте их интересы, они нуждаются в вас. Работайте — вы делаете это так обаятельно. Учитывайте расстановку сил, интересы других — вы это можете.

Развивайте умение понять самого себя и окружающих, чувствовать время, его течение, корни и основы вашей жизни. ●

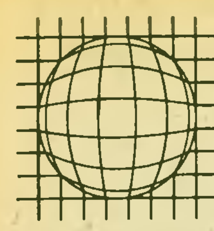
Продолжение следует

«Рыцарь без страха и упрека». Терпеливый, спокойный и бесстрашный. Можно сколько угодно говорить и даже находить точные слова, но слова эти не смогут воссоздать тот прекрасный, огромный мир, которым и был Олег Маликов. Мир светлый, очень надежный, жизнеутверждающий. В нем, в этом мире, успокаивались чужие страсти и боль; в его спокойствии и бесстрашии черпались силы, надежда. Его фантазия, талант, мастерство всегда высекали ответную искру, и потому мир этот был необычайно привлекателен. И вот его нет. Для всех, кто знал и любил Олега, это огромная потеря.

Для редакции эта потеря невосполнима. Олег умел делать все. В течение десяти лет он «перемалывал» гигантские объемы репродукционной работы, проводил сложные выездные репортажные съемки, придумывал и создавал постановочные иллюстрации, разрабатывал и пробовал новые технологии...

И при всей своей занятости всегда был спокоен, улыбчив, дружелюбен... Как несправедливо распорядилась судьба!

Спустить космос на Землю

По мнению комиссии экспертов по авиации и космонавтике, НАСА должна сосредоточить свои усилия на обеспечении приоритета США по научным исследованиям Земли и Солнечной системы и меньше внимания уделять созданию космических станций и частым полетам кораблей многоразового использования. Совещательный комитет по будущим космическим программам США пытается убедить НАСА, что сегодня необходимы такие программы, как, например, «Полет на планету Земля», осуществление которой позволит «спустить космос на Землю», чтобы расширить решение повседневных проблем, оказывающих влияние на все население Земли. В эту программу будет включен запуск серии искусственных спутников, осуществляющих наблюдение за поверхностью Земли, а также зондов и специальных приборов, обеспечивающих более полное понимание глобальных изменений климата и влияния деятельности человека на биосферу Земли. Вторая часть этой программы, осуществление которой будет начато позднее, называется «Полет с планеты Земля».

Машинное, но все-таки масло

Специальная награда Фонда борьбы с загрязнением окружающей среды в Великобритании вручена шотландским ученым Роджеру Хьюзу и Брайену Ууду. Они разработали дешевый и эффективный способ удаления пятен машинного масла, которое разливается не только на железнодорожных путях, но и в депо, и на станциях. И если на железнодорожных линиях его довольно быстро потребляют микроорганизмы, живущие в балласте, то в депо и на станциях аппетит их бессилен перед морем масла. К сожалению, тут не эффективны и обычные маслоуловители.

Британские ученые нашли другой подход. Они открыли способ разложения машинного масла «при внесении в него специальных медленно действующих искусственных удобрений», которые вытаскивают из масла не встречающиеся в природе соединения, годящиеся для питания бактерий. Это увеличивает популяцию микроорганизмов, и они успевают справиться с загрязнением.

Новая технология уже используется в некоторых районах страны.

Чума ЛУПАС

Бледность, боль в глазах и суставах, истощение и постоянная усталость — таковы симптомы новой болезни иммунной системы ЛУПАС, которой в США страдает полтора миллиона человек. 18 тысяч из них уже нет в живых...

В отличие от зловещего СПИДа, уничтожающего иммунную систему, при ЛУПАСе, наоборот, защитные системы организма гиперактивны и действуют когда надо и не надо, поражая кожу, почки, даже нервную систему, становится трудно дышать. Диагностика состоит пока в исследовании проб крови на виды и количество содержащихся в них антител — продукта гиперактивной иммунной системы.

90 процентов заболевших — женщины. Это вынудило ученых к исследованию гормональных причин смертоносного недуга. Предполагают, что он передается по наследству, но ген-виновник еще не открыт. А пока не выяснены причины этой новой «чумы», невозможно и ее эффективное лечение.

Исследователи предполагают, что еще одна причина болезни — безалаберное употребление кортикостероидных гормональных препаратов для профилактики гриппа. Такие средства, действительно, тонизируют на время иммунную систему, но за это приходится платить с лихвой. Продолжительное употребление аспирина, если он не сочетается с витамином С, также готовит почву для ЛУПАСа.

Орланов становится больше

Белоголовый орлан, которому совсем недавно грозило полное исчезновение, сегодня настолько увеличил свою численность, что федеральные власти США уже ставят вопрос об изменении его статуса, то есть о переводе его из категории птиц, «находящихся на грани исчезновения», в категорию «находящихся под угрозой исчезновения». Разумеется, орланы все еще остаются под охраной государства.

Рисунок Ю. Сарафанова

Популяция этой птицы — национального символа страны — в начале шестидесятых годов составляла всего лишь 400 пар. К 1989 году их было уже 2660 пар в сорока восьми штатах. Кроме того, эта птица продолжает процветать на Аляске, где численность орланов достигает 30 тысяч особей. Такой «взрыв» численности можно объяснить прежде всего запрещением с 1972 года использования в стране ДДТ, нанесшего страшный ущерб репродуктивности этих птиц, а также благодаря усилиям природоохранных организаций в отношении мест обитания орланов.

А без денег жизнь плохая...

Кованый зверинец

Еще в давние времена на монетах появились изображения животных, служащих символами, по которым можно было узнать правителей, города и страны, где монеты выпущены в обращение. Когда в Древней Греции к какому-нибудь торговцу попадала монета с изображением совы, он знал, что сделали ее в Афинах, если с пчелой, то в Эфесе, головой льва — на Самосе, с пегасом — на Крите... А еще существовали изображения краба, сокола, дельфина, осьминога, быка.. Не менее популярны были такие изображения и в других странах античного мира.

Животных и птиц можно увидеть и на современных деньгах: петуха — на французских, бизона — на американских, кенгуру — на австралийских... Очень популярно изображение льва. Он красуется на эфиопских, голландских, бельгийских, албанских, кипрских, чехословацких, финских, английских деньгах. В не меньшем ходу сокол. Его «портрет» — на немецких, австрийских, румынских, итальянских монетах и банкнотах. Особенно отличились ирландцы. Пожалуй, нет домашнего животного, которое не попало бы на их деньги,— тут и собака, и свинья, и лошадь, и курица с цыплятами... Не забыты зайцы и рыбы.

Но список далеко не исчерпан. На гренландских деньгах можно видеть медведя, на итальянских — пчелу, на либерийских — слона, на малийских — бегемота, на уругвайских — ягуара, на чилийских — кондора, на норвежских — воробья, на новозеландских — птицу киви...

Монеты из чая

Когда-то в Китае, Монголии, Тибете и у нас в Сибири чай использовали в качестве денег. Листья чая мелко рубили, смешивали с коровьей кровью и водой, а потом прессовали в брикеты равной величины и веса. В Тибете и в странах, граничащих с Индией, эта «монета» стоила одну рупию. Интересно, что чай из этих «денег» высоко ценился как лекарство от многих болезней.

На другом полушарии, в Северной Америке, в качестве денег имел хождение табак. Один фунт вирджинского табака стоил три шиллинга и на него можно было купить определенное количество муки, фасоли или ткани...

Бумажник во рту

Обычно деньги носят в бумажнике. До этого носили в кошельке, подвешенном на

Рисунки Э. Кирилловой, Ю. Сарафанова

поясе или спрятанном за пазухой. Но говорят, что когда-то их хранили даже во рту. И делали это не из каприза, а скорее, вынужденно. В античной Греции была пущена в оборот очень маленькая золотая монета, которую легко можно было потерять. Первыми нашли выход женщины: идя за покупками, они клали монету в рот. Это было не очень гигиенично, зато надежно. В конце концов власти решили заменить маленькую золотую монету большой медной. И хотя последняя была намного тяжелее, теряли ее чаще.

Лучше один день быть львом...

Кроме знаков себестоимости и государственной принадлежности, на деньгах нередко помещают различные призывы, пожелания... Так, на двадцатилировой итальянской банкноте 1928 года был такой текст: «Лучше один день быть львом, чем сто лет овцой». Предполагают, что это метафорический протест против фашистской диктатуры.

В пропагандистских целях выпускали деньги мексиканские революционеры Эмилиано Сапата и Панчо Вилья. На монете 1917 года выбито: «Смерть Уэрте» (Уэрте — генерал, захвативший власть в Мексике, ярый реакционер). Солдаты правительственных войск, найдя эту монету у кого-нибудь из повстанцев, расстреливали того на месте.

Один из английских королей отразил на деньгах свое желание присоединить Шотландию к Англии. «Сделать их единой нацией» — было написано на монете по-латински.

Говорят ли деньги?

Ответ на этот вопрос для большинства, вероятно, очевиден. Однако кое-что тут начинает меняться. В Канаде банкноты в два, пять и десять долларов уже «заговорили». Но чтобы услышать их «голос», необходимо дополнительное приспособление. Это карманный электронный прибор, который считывает специальный код, напечатанный на банкноте, а затем сообщает ее стоимость по-английски и по-французски.

Читающее устройство разработано в научно-техническом центре университета в Оттаве, а о его производстве позаботилась компания «Брайтек».

Говорящие банкноты созданы для слепых граждан Канады. Многие банки мира заинтересовались этой оригинальной разработкой.

«Знание — сила». Август 1992

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА КАК ПАЦИЕНТЫ

Американки живут в среднем 78 с половиной лет, а американцы — менее семидесяти двух. Связано ли это каким-то образом с их отношением к здоровью и медицине? Вот факты, а выводы делайте сами.

- 81 процент женщин посещают врача хотя бы раз в год. Это же делают 61 процент мужчин.
- В среднем за год женщина посещает врача 6,2 раза, а мужчина — только 4,5 раза. К стоматологу женщины ходят в три раза чаще мужчин.
- Женщины гораздо чаще жалуются на артрит, мигрень, катаракту, вздутые вены, боли в суставах и позвоночнике, а у мужчин на первом месте инфаркт. В США на втором месте у мужчин в возрасте 25—45 лет — СПИД.
- Женщины поглощают вдвое больше лекарств, чем мужчины.
- 29 процентов мужчин считают, что их здоровье в порядке, против 22 процентов женщин. Графу «плохое здоровье» заполняют 3 процента мужчин и 6 процентов женщин.
- Известно, что депрессия подавляет иммунную систему. Мужчины в два раза реже женщин страдают от депрессии. Но зато при депрессии чаще тянутся к рюмке с алкоголем, в то время как женщины делятся своими проблемами с членами семьи, слушают музыку, плачут или находят разрядку в магазинах с шикарными товарами.
- Стресс — основная причина гипертонии, курения, нервных нагрузок и влечения к алкоголю. Мужчины реже страдают от стресса в конце рабочего дня — 16 процентов; в то время как у женщин это 22 процента.
- 33 процента мужчин угнетены финансовыми проблемами, против 38 процентов женщин. Вдвое меньше мужчин, которые остро переживают проблемы своих детей.
- Риск сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин на 77 процентов выше, но зато женщины в три раза чаще мужчин умирают от инфаркта.

«КАК ПАМЯТЬ НАША ОТЗОВЕТСЯ...»

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ДВУРЕЧЬЯ

1. Страна Шумер образована песчано-глинистыми наносами рек Тигр и Евфрат.

2. Египет включает лишь нижнее течение Нила, где он течет спокойно, а разливы его несут только ил. Реки Тигр и Евфрат — довольно короткие и текут с гор, так что не успевают «успокоиться», их наводнения часто разрушительны.

3. Египет — издавна «тупик», окруженный пустыней со всех сторон, кроме моря на севере; транзитной торговли там не было. Напротив, Двуречье — «проходной двор» от Средиземного моря к Персидскому заливу, от Египта к Ирану. Интенсивная торговля вела к процветанию городов.

4. Песок пустыни постоянно заносит плодородные земли: оросительные каналы надо регулярно чистить и иногда промывать от соли. Если этого не делать несколько десятилетий, плодородие исчезнет. Многократное разрушение городов Двуречья завоевателями привело к этому.

* Предыдущие публикации — в №№ 1, 3—7 этого года.

5. За четыре тысячи лет наносы Тигра и Евфрата сдвинули береговую линию Персидского залива на 200 километров к югу.

6. В Египет «варвары» вторгались (почти всегда) с одной стороны — с севера. Каждый раз они либо захватывали всю страну, либо их выгоняли. Напротив, Двуречье заселялось с северо-востока (горы Ирана), севера (Кавказ), северо-запада (Палестина) и юго-запада (Аравия).

7. Египетские пирамиды строились из камня, а зиккураты Двуречья — из необожженного кирпича.

8. На востоке — с Индией и Ираном, на юге — с Египтом и Аравией, на западе — с Палестиной и Финикией, на севере — с Урарту и Малой Азией. Из Индии привозили слоновую кость, цветные камни. С берегов Средиземного моря — олово и медь.

9. Египтяне привыкли к одной реке — Нилу, который течет на север. Тигр и Евфрат текут на юг (это видно по движению Солнца). Их течение столь быстро, что лодки не могут одолеть его на веслах или под парусом. Поэтому обратно товары везли на ослах и кожаные лодки — тоже.

10. Все египетские поселки выстроились вдоль Нила, эта легкая дорога облегчила военное объединение страны. Плавание вверх по Тигру или Евфрату было невозможно, оттого все военные походы шли по суше и городам было проще сохранить независимость.

11. Жители Шумера продавали северянам финики и другие плоды, которые не вызревают на севере; северяне снабжают юг строительным камнем и рудой. В Египте нет такой разницы в климате и природе севера и юга.

12. В Двуречье шла интенсивная торговля; большинство сохранившихся текстов — документы о торговых сделках. В Египте торговля была слабо развита; сохранившиеся папирусы заполнены в основном религиозными текстами, которые клали в могилу с покойником.

13. Клинопись первоначально изображала не слова, а понятия, вещи, так что шумер и аккадец читали одну надпись по-разному, но смысл ее понимали одинаково. Это помогло ученым восстановить шумерский язык по аккадскому (который позднее перешел к алфавитной записи и поэтому сохранился дольше).

14. Государственными языками в древней Персии были персидский, эламский (его персы давно переняли вместе с письменностью у ближайших культурных соседей) и аккадский (его понимали на всем Ближнем Востоке).

15. Египетские тексты на папирусе сохраняются только в сухом пустынном климате Египта, а обожженные глиняные таблички долго хранятся везде.

16. В Египте не бывает разрушительных наводнений, а в Двуречье они бывают, когда морской прилив сочетается с разливом двух рек. Тогда вся наносная равнина покрывается глиной и заражается солью. Нил течет с заметным уклоном, его прилив не останавливает.

17. Крокодил Нуску (в Двуречье), Собек (в Египте). Иштар (вавилонская), Исида (египетская).

18. Энкиду (по-шумерски «владыка земли дикой»),— видимо, вождь соседних варваров, не знающих земледелия и скотоводства, так что он одет в шкуры, как зверь, и не знает вкуса хлеба.

19. Вначале считалось, что владельцем земли может быть только ее творец — Бог, а любой человек — только временный арендатор и может передать другому только право на аренду.

20. Постоянная армия требует много зерна для прокорма, много оружия, все это — тяжкое бремя для пахарей и ремесленников, так что даже при очень крепкой власти царя не более одного процента подданных могло постоянно служить в армии. Саргон Древний — первый владыка царства с населением более 100 тысяч человек, с армией более 3600 человек.

21. Цари Шумера и Аккада объединяли свои государства только военной силой. Хаммурапи — первый, кто установил постоянные законы, приемлемые для большинства разноплеменных жителей. Этим законам повиновались даже там, где царь не оставил своих гарнизонов.

22. Сбруя для верховой езды (узда, стремена, шпоры) изобреталась долго разными народами. В конце II тысячелетия до новой эры ассирийцы уже ездили верхом, но еще не умели сражаться на конях. Полноценное конное войско появилось только у скифов в IX веке до новой эры и других кочевников.

23. Грамматика семитских языков — аккадского, финикийского, арабского — такова, что при склонении и спряжении изменяются гласные во всех частях слова, но согласные неизменны. Их запись была важнее всего.

24. В современном арабском шрифте гласные обозначаются «огласовкой» — знаками вроде точек, запятых и других. Аккадцы этим не пользовались, они писали рядом с группой букв символ-определитель, который указывал, из какой сферы взято значение этого слова. Так, например, можно отличить слово «золото» от слова «золотить», их символы — «металл» и «руки».

25. Со времен Саргона Древнего известны царские «Анналы», запись важнейших событий по годам правления царя. Но анналы разных царей плохо стыковались и не учитывали события, в которых царь не участвовал. Вавилонские жрецы впервые стали вести непрерывную запись всех новых и важных событий в Вавилоне и соседних землях.

26. В Египте жил один народ, в Двуречье — два народа, давно знакомые с языками своих партнеров. В Финикии встречались представители очень многих народов. Письменность, понятная всем им, должна была фиксировать не смысл слова, а только его звуки. То есть один алфавит годится для многих языков.

27. Ассирийцы не управляли хозяйством покоренных ими стран, они только поддерживали мир между ними и собирали дань за это. Сами ассирийцы не селились среди покоренных народов, поэтому они долго хранили свой образ жизни, их держава не слабела.

28. Вавилоном владели аккадцы, амореи, хетты, касситы, ассирийцы,

халдеи (арамеи), персы, македонцы, парфяне.

29. В библиотеке Ашшурбанипала были таблички с мифами Шумера и Аккада, эпос о Гильгамеше, анналы прежних царей Шумера, Аккада и Ассирии; были договоры царей Ассирии с их соседями и союзниками, донесения ассирийских разведчиков и много хозяйственных документов.

30. В библиотеке Ашшурбанипала много текстов на аккадском и арамейском языках (они — официальные в Ассирии); древние тексты на шумерском языке и шумеро-аккадские словари; видимо, были египетские тексты и тексты Элама, могли быть тексты на финикийском и урартском языках.

31. Войска Саргона Древнего побывали на будущих землях Ирака, Сирии, Турции, Израиля, Ливана. Войска Ассирии, — кроме того, на землях будущей Армении, Ирана и Египта.

32. Воины Саргона Древнего имели булавы, топоры, кинжалы, копья, луки, щиты и шлемы, тяжелые боевые повозки. Во времена Хаммурапи появились мечи, пластинчатые панцири, тараны и камнеметы. В Ассирии легкие боевые колесницы и конница, все оружие — железное (прежде — бронзовое).

33. Шумерские слова: руда (уруду — медь, металл), темя (темен — середина, основание, опора), секира (шукурру — топор). Имена: Нина («Владыка»), Кирилл (от Куруш — мужчина, воин, молодец).

34. Финикийцы плавали в Грецию, Египет, Ливию, Италию, Тунис (там они основали Карфаген), в Иберию (Испанию) и сквозь Гибралтар в Атлантику (там они доплывали до Гвинеи в Африке, до Британии на севере). Видимо, они бывали и в Черном море.

35. В Финикии мало плодородной земли и мало хороших гаваней, оттого было всего шесть крупных городов: Тир, Сидон, Библ, Арвад, Бейрут, Акка. Каждый город стремился расширить свои заморские владения, а не покорять соседей.

36. Финикия — это «страна, из которой купцы везут финики», а где они родятся (в Южном Двуречье), покупателю неизвестно и не важно.

37. Финикийцы основали Кирену (в Ливии), Карфаген (в Тунисе), Гадес и Тартес (в Испании) и ряд городов на западном берегу Африки.

38. Лошадь впервые приручена индоевропейскими племенами на Балканах и в Причерноморье около 2000 года до новой эры. Верховую езду освоили в конце II тысячелетия до новой эры жители Митанни и хетты. Верблюд (одногорбый) был приручен арабами в Аравии около 1000 года до новой эры, а двугорбый — за несколько веков до новой эры в степях Средней Азии ираноязычными кочевниками.

39. Геродот пишет, что во время плавания финикийцы видели, как солнце движется по небу справа налево, это можно наблюдать только в Южном полушарии.

40. На землях Ирака находились Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилонское царство, часть Персидской державы и империи Александра Македонского, потом — часть царства селевкидов, часть Парфии и часть Римской империи.

ВОПРОСЫ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

1. Когда и для чего появились указы о «Заповедных летах»? Чью жизнь они облегчили, кому стало хуже?

2. Кто из деятелей Смутного времени прежде был опричником?

3. Кому в России была выгодна, а кому невыгодна смерть царевича Дмитрия в 1591 году? Отчего эта смерть вызвала в Угличе восстание? Против кого восстали угличане, чего они добивались?

4. Как Годунов одолел князей Шуйских в борьбе за власть в 1586 году? Почему именно Шуйские (а не Романовы) оказались тогда его главными соперниками?

5. В конце XVI века Россия не имела крупных успехов во внешней политике, но освоение Сибири шло успешно. Почему?

6. Кому в России было особенно выгодно установление патриаршества в 1589 году? Кто мог выступать против этого и почему?

7. Какие силы русского общества привели Годунова на царский трон? Кто выступал против этого и почему?

8. Годунов был гораздо талантливее Федора Ивановича, гораздо умереннее Ивана Грозного и столь же родовит, как Романовы. Отчего он так быстро стал непопулярен в роли царя?

9. Почему разгром рода Романовых произошел в 1600 году, а не раньше? Почему никто из Романовых не был публично казнен?

10. Отчего Дмитрий Самозванец начал свою деятельность в Польше, а не в России, как позднее Пугачев?

11. Кто в России сразу поддержал Самозванца? Почему таких людей было больше всего на юге?

12. Чем отличались казаки — покорители Сибири от казаков — разорителей России в Смутное время? В чем причина этих различий?

13. Кто в Польше активно поддержал (а кто не поддержал) Самозванца и почему? Какие цели преследовали король, депутаты сейма, мелкие дворяне?

14. Почему войска Годунова обычно побеждали Самозванца, но эти победы ничего не решали?

15. На кого из русских царей похож Самозванец своей политикой? Отчего он так быстро утратил популярность, став царем, хотя был патриотом?

16. Отчего свержение первого Самозванца и воцарение Василия Шуйского не привело к окончанию усобиц? Откуда появились второй и третий Самозванцы, кто их поддерживал?

17. Почему Василий Шуйский и его племянник Михаил Скопин не стали собирать народное ополчение против поляков, а просили помощи у шведов? И почему получили ее?

18. При каких условиях королевич Владислав мог бы стать законным царем и положить конец Смуте? Почему этого не произошло?

19. Почему поляки не смогли взять Троицкий монастырь, хотя они разбойничали по всей стране, как хотели?

20. Почему в 1610 году король Польши послал свои войска в Россию, хотя в 1605 он не помог первому Самозванцу?

21. Отчего москвичи мирно впустили в город войско Жолкевского, а через полгода они восстали против поляков?

22. Почему первое и второе земские ополчения собирались не под Москвой, не на юге и не на севере, а на востоке и в Поволжье?

23. Чем различалась роль казаков в войске Болотникова в первом и втором земских ополчениях? К каким результатам это привело?

24. Почему ни первое, ни второе ополчения не выдвинули сразу новых кандидатов на трон?

25. Почему после Болотникова в течение Смуты больше не было крупных крестьянских восстаний?

26. Почему во время Смуты не было татарских набегов с юга?

27. В чем сходство и различие роли казаков в России XVI—XVII веков и роли варягов на Руси VIII—X веков?

28. Были ли казаки в начале XVII века частью русского или частью украинского народа или?..

29. Почему Собор 1613 года выбрал царем Михаила Романова? Какие еще кандидатуры могли рассматриваться?

30. Как ссыльный, постриженный в монахи боярин Федор Романов сумел стать патриархом всея Руси?

31. Михаил Романов имел такие же права на трон, как прежде Борис Годунов. Государственным умом он был куда слабее Бориса. Почему в его правление не было новых самозванцев?

32. Чему способствовало Смутное время — освобождению крестьян или их закрепощению?

33. Когда средний москвич жил богаче, в 1600 или в 1620? Когда он чувствовал себя более несчастным?

34. Где была больше доля крестьян — в войске первого Самозванца, в войске Болотникова, в первом или втором земском ополчении? Почему?

35. Какие задачи внутренней политики России, стоявшие уже в 1600 году, решились в ходе Смутного времени, а какие остались нерешенными?

36. Когда в России чаще собирались Земские соборы — до или после Смуты? Почему?

37. Сравните Смутное время с английскими революциями 1215 и 1265 годов, с французской революцией 1357—1358 годов и с революцией гуситов в Чехии. Какие из них можно считать более удачными?

КАМЕННЫЙ ВЕК. ОШИБКИ

Сын Кенгуру устал как собака; он был голоден как волк и зол как черт. Охота не удалась: дождь погасил факелы, и мамонты скрылись в густом лесу, вдали от болота, где для них вырыли ловушки. Сколько костяных лопат изломали синантропы — и все зря! Сегодня племя ляжет спать натощак, а завтра съедят кого-то из неудачливых охотников. Будь проклят этот матриархат! Как хорошо было прежде, пока мясо ели сырым и женщины не научились вызывать дух огня из камней... Тогда охотник был хозяином жизни, а теперь приходится отдавать всю добычу поварихам, пока сам не угодишь в глиняный котел. Конечно, можно покинуть племя, но изгнаннику не выжить одному — в воде тебя съест крокодил, на земле не укроешься от волков, а на деревьях хозяйничают обезьяны...

Господи, почему ты не открыл мужчинам тайну огня? Какой жертвы тебе не хватает? Чего только мы не бросали в костер — шерсть мамонта, зубы бегемота, перья страуса!.. Все сгорает без следа, только глину огонь обращает в камень, но глиной владеют женщины! Повеситься, что ли, с горя? Но тогда попадешь в ад, к чертям, а они, говорят, еще злее женщин!

Чей-то крик прервал эти размышления. Сын Кенгуру вздрогнул: на поляну вышел Сын Черепахи, грязный и веселый. Он громко пел, будто после удачной охоты. В чем дело? Ответ поразил охотника: Дух Огня принял жертву его брата! Тот положил в костер, зажженный от молнии, обычный рыжий болотный камень. Но когда костер погас, в нем лежал совсем другой камень — блестящий, как луна! Сын Черепахи ударил по нему копьем, тут полетели искры, от них загорелась трава... Это милость божья! Теперь мужчины будут разводить костры своим способом и сравняются в правах с женщинами! Вдобавок новый камень оказался тверже кремня; наверное, стрела с таким наконечником пробьет шкуру мамонта. А лопата из нового камня никогда не сломается, ею можно вскопать поле под кукурузу. Слава Богу, Отцу Огня! Наконец он даровал свою милость мужчинам-охотникам!

Так человечество вернулось к патриархату от матриархата.

ЛЮДИ МИРА

Иллюстрация Ю. Серафанова

Каждому человеку, сколько-нибудь начитанному, известно, что Герострат сжег храм Артемиды Эфесской (стало быть, Герострат достиг своей цели — прославился навсегда!), но очень немногие скажут имя строителя храма. Точно так же при упоминании Крымской войны возникают имена Нахимова, Корнилова, лорда Пальмерстона, но почти никто не знает о Флоренс Найтингейл, пришедшей к Севастополю не губить, а спасать, ставшей предтечей несметной армии сестер милосердия.

Во все века, у всех народов были праведники, жившие, говоря словами Толстого, «по-божьи». В Библии говорится о таких людях, принявших к сердцу и исполнявших вечные заповеди, причем в каждой главе упоминаются все новые примеры: пророки, очевидно, чувствовали, что эти добавления необходимы. За две тысячи лет после Христа примеров добра предостаточно, но, увы, историческая память везде и всегда лелеет имена венценосных убийц и худородных разбойников, разрушителей, злодеев и смутьянов, но не праведников и миротворцев. И сверкают в истории такие «звезды», как Аттила, Катилина, Чингисхан, Малюта Скуратов, вплоть до Гитлера, Сталина и Саддама Хусейна. А уравновесить их будто бы нечем. Видимо, о «сильных личностях» и петь, и писать, и слушать интереснее. Недаром в России, скажем, так много сложено песен об Иване Грозном и Степане Разине.

И нужно извлечь из забвения тех, кто собственной жизнью утверждал общечеловеческие истины, в сущ-

ности, доказывали возможность и неизбежность добра; пожалуй, даже и существование Бога, ибо они могли сказать, как Державин: «Я есмь, а значит есть и Ты!» И ни в коем случае не забывать, что они не были исключениями. Существует легенда, что на Земле постоянно бывает сорок праведников, на которых держится мир. Но это — число притчи. А в истории их тысячи и тысячи.

Был не только Франциск Ассизский, но множество францисканцев, не одна Флоренс Найтингейл, но тысячи сестер, были целые организации — Армия Спасения, Корпус Мира, Фабианское общество, американское общество «АРА», помогавшее в двадцатых годах голодающей России; были безвестные миссионеры, работавшие в Азии, Африке, Америке и Океании; шведы, предоставившие норвежцам самостоятельность без единого выстрела; датчане, спасшие датских евреев от Гитлера; индийские конгрессисты, сторонники Ганди, добившиеся свободы мирным путем... Такие люди были, есть и будут всегда. Стоит только внимательно приглядеться к истории и посмотреть вокруг.

На страницах журнала перед вами предстанут некоторые из таких людей; каждый из них может быть назван по праву славным именем «Человек мира». Их краткие биографии взяты из различных энциклопедий.

Но, может быть, настало время начать создавать отдельную Всемирную энциклопедию «Люди мира» — нескончаемый свод биографий тех, чья жизнь была как бы осенена молитвой Франциска Ассизского и о ком писал В. О. Ключевский, заканчивая свой очерк «Добрые люди Древней Руси»: «Из своей исторической дали они не перестанут светить, подобно маякам среди ночной мглы, освещать нам путь, не нуждаясь в собственном свете. А завет их жизни таков: жить — значит любить ближнего, то есть помогать ему жить; больше ничего не значит жить и больше не для чего жить».

ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ

Флоренс Найтингейл родилась в Италии 12 мая 1820 года. Она была второй дочерью богатых и культурных родителей. Мать мечтала о блестящей партии для нее. Но в 1837 году Флоренс, подобно Жанне д'Арк, услышала голос Бога, призывавший ее к служению. Она долго колебалась с выбором, а в 1844 году решила стать медицинской сестрой. Семья запротестовала. В то время эта профессия считалась низкой, большинство сестер пьянствовало и распутничало. Но Флоренс была тверда. Она неоднократно отклоняла предложения знатного аристократа, лорда Хаутона, хотя любила его. Решила всем пожертвовать ради призвания. Но лишь в 1851 году стала сестрой в Германии. Затем в 1853 году реорганизовала маленькую лондонскую больницу под пышным названием «Институт заботы о больных женщинах благородного происхождения, оказавшихся в трудных обстоятельствах». Реорганизация удалась, и военный министр пригласил Флоренс в Крым. Шла Крымская война с осадой Севастополя. Английские госпитали, по словам корреспондента «Таймс», были в ужасном состоянии. Флоренс привезла с собой тридцать восемь сестер, и через месяц на ее попечении было пять тысяч раненых. Госпитали оказались ветхими, грязными, пустыми лачугами. Не хватало не только медицинского оборудования, но и элементарных удобств. Сверхчеловеческими усилиями она создала порядок из хаоса, работая днем и ночью, по двадцать часов в сутки, преодолевая интриги и зависть чиновников. Каждый вечер совершала обход госпиталей. Не только навела чистоту — революционизировала все отношение к рядовым солдатам, и они ее боготворили. Когда вести о ней достигли Англии, они вызвали взрыв энтузиазма, породив движение за реформы в армии. В 1857 году была создана комиссия по обследованию санитарных условий в армии. Впервые в истории стали научно исследовать питание, быт и здоровье солдата в мирное время. Флоренс опубликовала объемистую книгу «О том, что мешает здоровью солдат и эффективности госпиталей». В 1859 году такая же комиссия возникла для английской армии в Индии. Рапорты комиссий посылались Флоренс. Военное министерство советовалось с ней, она устанавливала правила, планировала казармы, английские вице-короли Индии один за другим приезжали «учиться» у нее (хотя Флоренс никогда не была в Индии).

Однако ее деятельность не ограничивалась армией. В 1860 году на собранные деньги она открыла школу медсестер для больницы Святого Фомы. Так началось современное обучение сестер. С каждой поступающей Флоренс беседовала и потом следила за ней. От огромных нагрузок ее здоровье пошатнулось, но она продолжала работать, будучи тяжело больной. Под конец образовала отделения сестер по округам и руководила ими. «Ушла от дел» она в 1872 году и заинтересовалась учениями Платона и христианских мистиков.

О ней настолько забыли, что, когда в 1907 году ее наградили орденом «За заслуги», это всех поразило — думали, что Флоренс давно умерла. Она постепенно теряла зрение и скончалась 13 августа 1910 года. Ее хотели похоронить в Вестминстерском аббатстве, усыпальнице великих людей Англии, но в соответствии с завещанием ее прах покоится на семейном кладбище.

ЖАН-АНРИ ДЮНАН

Жан-Анри Дюнан, основатель Красного Креста и Всемирной ассоциации молодых христиан, родился в Женеве в 1828 году. Он участвовал в походе Наполеона III в Италию и стал свидетелем 24 июня 1859 года битвы при Сольферино, когда французская армия разгромила австрийскую. Раненых с обеих сторон оказалось около сорока тысяч. Потрясенный этим, Дюнан выпустил в 1862 году книгу «Воспоминания о Сольферино», где предложил организовать во всех странах общественную добровольную помощь раненым, невзирая на национальность и религию, чтобы предупреждать и облегчать страдания во время и войны, и мира. Так возник Красный Крест. В 1863 году в Женеве состоялась конференция, и 22 августа 1864 года первая Женевская конвенция была подписана. С тех пор Красный Крест (впоследствии в мусульманских странах появился аналогичный ему Красный Полумесяц) оказывал помощь и спасал жизнь миллионам людей. Женевские конвенции повторялись и расширялись, охватывая все больше стран. СССР не подписал Женевской конвенции, считая ее орудием империализма, и в результате обрек на муки и смерть миллионы советских пленных в 1941—1945 годах. (Между тем предложение Дюнана заключить международные соглашения о раненых на войне было принято повсеместно, и даже гитлеровская Германия, подписав конвенцию, вынуждена была обращаться с военнопленными других стран гораздо мягче, чем с советскими.)

Деятельность Дюнана не ограничивалась заботой о раненых. В 1863 году он выпустил книгу «Рабство у мусульман и в США», в 1865 — «Братство и международное милосердие во время войн». Остаток жизни Дюнан провел в бедности, продолжая неустанно бороться за гуманное отношение к пленным, отмену рабства, введение Международного суда, всеобщее разоружение, обретение евреями родины. Но о нем забыли. Лишь в 1895 году репортер швейцарской газеты «открыл» его вновь. Тогда Дюнан стал получать различные знаки отличия, а в 1901 году стал первым лауреатом Нобелевской премий Мира. В 1910 году Дюнан скончался.

ВИЛЬЯМ БУТ

Вильям Бут, основатель и «генерал» Армии Спасения, родился в Англии, в Ноттингеме, в 1829 году, в семье строителя. Его отдали в ученики содержателю ломбарда. Пятнадцати лет он уже почувствовал тягу к проповедям, но вынужден был заниматься ненавистным ему делом. В 1849 году переехал в Лондон, где продолжал работать в ломбарде — нужно было посылать деньги семье. В Лондоне он встретил Катерину Мумфорд, свою будущую жену и соратника. В 1850 году он стал проповедником методистской церкви, через девять лет порвал с методистами и начал проповедовать независимо. Он искренне считал не верующих в Бога обреченными на муки, но очень жалел тех, кто «на дне», и ненавидел грязь, нищету и страдания.

С 1864 года он проповедовал где только можно, часто под открытым небом. Основал в Уайтчепеле, бедняцком районе Лондона, миссию, ставшую основой Армии Спасения. Эта «армия» была, в сущности, организована для самозащиты — митинги проходили очень бурно, много лет последователей Бута штрафовали и сажали в тюрьмы «за нарушение покоя». Правила «армии» Бут сформулировал, взяв за образец английскую армию. В Армии Спасения есть «офицеры», «рядовые», во главе — «генерал».

Сперва Бут встретил сильное сопротивление. Армия, как предполагалось, должна была заниматься только пропагандой, призывать к нравственному совершенствованию, «обращать в истинную веру». Но жизнь бедноты, особенно в больших городах была столь тяжела, что людям было не до наставлений, хотя члены «армии» били в барабаны и трубили в трубы на всех перекрестках, сзывая народ, не обращая внимания на насмешки. И Армия Спасения стала организовывать ночлежки и завтраки, бесплатные, разумеется. Особое внимание Армии привлекла жизнь англичан, уехавших искать счастья за океаном. Их отбирали, обучали, обеспечивали сразу же работой. Всеми силами Армия старалась привлечь людей к работе на земле и под конец побудила государство помогать начинающим фермерам.

Бут неустанно разъезжал повсюду, организовывал и проповедовал. В 1890 году вышла его книга «Та Англия, что во мраке, и как из него выбраться». Здесь он предложил десять способов, уничтожающих нищету и порок: 1) городские поселки, 2) сельские поселки, 3) заморские поселки, 4) отряды помощи на дому, 5) дома спасения для падших женщин, 6) дома излечения от пьянства, 7) отряды у тюремных ворот, 8) банк для бедных, 9) юридические конторы для бедных, 10) «Уайтчепел — на море».

Для Бута собирались деньги, и большая часть его предложений была выполнена. По мере реализации этого плана прекращалось сопротивление и насмешки.

Король Эдуард VII пригласил Бута на свою коронацию. Жена Бута, женщина-проповедник (что впоследствии развилось в деятельность Армии Спасения, где, кстати, изначально было полное равенство мужчин и женщин) очень помогала ему. Сын их, Вильям Брамвел, «начальник штаба», выдвинулся в кампании борьбы против торговли женщинами. Ему удалось доказать на суде реальность этого зла, и был принят соответствующий закон, пресекающий подобное. Жена Вильяма, Флоренс, добилась в 1918 году государственной субсидии одиноким матерям.

Бут тяжело переживал смерть жены и прогрессирующую потерю зрения. В 1912 году он умер. Его заветом было: отщепенец может вернуться в общество, если убедится, что добрые люди заботятся о нем, как бы низко он ни опустился. Подлинная сила человека — в религиозном убеждении и гуманизме.

С 1880 года Армия Спасения постепенно завоевывала мир. Сейчас в ней свыше ста тысяч «офицеров» и «рядовых». У нее — центры восстановления здоровья, детские больницы, бюро трудоустройства, лагеря летнего отдыха для детей и женщин, колонии прокаженных. Она организует помощь одиноким матерям, заключенным и их семьям.

ДЖОВАННИ БОСКО

Джованни Мельхиор Боско, основатель ордена Салезианцев, родился в Италии в 1815 году в очень бедной семье. В 1841 году он стал священником в Турине и обратил вскоре внимание на деревенских пареньков, приходивших в город на заработки и легко подпадавших под влияние преступного мира. Боско начал работать с этими подростками, снял в долг помещение, занялся религиозным воспитанием и образованием ребят, не пренебрегал также разумными развлечениями и играми. Постепенно под его началом стали обучаться семьсот мальчиков. В его школе обучали и ремеслам; была там и красивая церковь — все, созданное неустанным трудом Боско с помощью благотворителей. Боско, кроме того, был проповедником и писателем. В 1877 году в книге «Система профилактики в воспитании молодежи» он выдвинул принципы: «Предупреждать, а не подавлять, действовать разумом, религией, любовью». Не ограничиваться риторикой, но обучать ремеслам, профессиям, не обольщаться сентиментальными вздохами, но развивать и укреплять волю — единственный источник подлинной и чистой любви.

Очень много значил его искренний подход к детям, стремление вести их за собой, а не загонять силой в какие-то рамки. Жизнерадостный, «солнечный» нрав, готовность помогать каждому и способность к тяжелой работе снискали Боско общее признание. В 1864 году он, чтобы осуществить свои идеи, основал «Общество святого Франциска де Саль» (епископ Женевы в XVI веке), которое после его смерти распространилось и в Англии, Франции, Италии, Испании и Южной Америке. Обычно его называют Салезианским орденом. Вместе с Марией Мазарелло Боско создал общество монахинь для такой же работы с девочками.

В 1888 году Боско скончался. В 1934 году католическая церковь причислила его к лику святых.

ФЕДОР ГААЗ

Гааз Фридрих Иосиф (Федор Петрович), старший врач московской тюремной больницы, родился в 1780 году близ Кельна. В 1803 году приехал в Россию. Стал главным врачом Павловской больницы в Москве. В 1809 году открыл серные источники на Кавказе. С 1813 года жил в Москве, стал частным врачом с большой практикой, богатым и преуспевающим. В 1829 году вошел в «Общество заботы о тюрьмах». Оставил практику и весь отдался новому делу.

Тюрьмы тогда были сырые, холодные, грязные. Арестанты содержались в них без различия пола и возраста, рода преступлений, малолетки — вместе с ворами и убийцами-рецидивистами. Не было никакой медицинской помощи. Как наказание применялись колодки и ошейники со спицами, не дающими уснуть. На этап арестантов отправляли попарно скованными железным прутом. Гааз долго боролся за замену этого прута более удобными кандалами. Так как кандалы стоили дороже, Федор Петрович оплачивал их изготовление из своих средств. По его настоянию перестали обривать полголовы женщинам и ссыльным. Московская тюрьма была перестроена. Гааз заставлял перековывать заключенных при себе и, горячо споря с начальством, вынуждал оставлять больных в Москве. Он раздавал осужденным свои нравоучительные книги. Потом переписывался с ними, посылал деньги, виделся с их родными. Его прозвали «святым доктором».

В 1834 году Гааз настоял на создании «Комитета справщиков по тюремным делам», и так как члены комитета ленились, сам за всех собирал справки, разъезжал по судам, канцеляриям и полицейским участкам. Он также собирал деньги на рубахи и тулупы заключенным. Ходатайствовал за невинно осужденных (сохранилось 142 таких ходатайства).

Доктор Гааз спорил с митрополитом Филаретом, писал Николаю I и прусскому королю (брату царицы) и часто добивался помилования или смягчения участи осужденных. Заботясь о религиозно-нравственном развитии, Гааз убедил известного купца Мерилиза пожертвовать 100 тысяч на Библии для арестантов и сам закупал книги и отправлял в Сибирь. Он тщетно добивался отмены закона, разрешающего помещикам ссылать крепостных. Благодаря Гаазу было выкуплено на волю 74 взрослых и отпущено даром 200 детей.

В Москве он, тюремный врач, заботился о больных. Особо требовал, чтобы никто — ни больные, ни персонал, ни посетители — не лгали. За ложь всех штрафовал в пользу бедных. Добивался введения в больнице устава о трезвости. Воспользовавшись случаем, поселил в казенном здании у Покровки бездомных и после споров с генерал-губернатором отстоял дом. Так без официального утверждения возникла Гаазовская больница.

Популярность доктора была столь велика, что во время холеры 1848 года генерал-губернатор просил его успокаивать народ, который Гаазу верил. Для одних он был чудак, фанатик, для других — святой. Высокий, голубоглазый, во фраке, коротких панталонах и чулках (заштопанных), он неустанно трудился, повторяя свой девиз: спешите делать добро. 16 августа 1853 года в своей маленькой квартире при «Гаазовской» больнице он скончался. Доктор Гааз похоронен на католическом кладбище при огромном стечении народа.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

Невзирая на протесты друзей, Альберт Швейцер, глава философского факультета, пастор, знаменитый органист, прославившийся также исследованиями творчества И.-С. Баха, решил в 1905 году, в возрасте тридцати лет, резко изменить свою жизнь, отказался от блистательной карьеры. Вдохновленный евангельской притчей о богачах, он пришел к выводу, что европеец, которому даны культура и знания, должен заботиться о неграх, эксплуатируемых и лишенных даже медицинской помощи. Шесть лет он изучал медицину и хирургию. Его жена, Елена Бреслау, дочь известного историка и сама занимавшаяся наукой, стала медсестрой. И в 1913 году они отправились в Габон, французскую колонию в Африке.

Из-за различия в религиозных взглядах Парижское миссионерское общество дало Швейцеру место для больницы на берегу реки — и больше ничего. Все пришлось делать самому. На деньги от концертов и лекций (во время поездок в Европу), гонораров за книги он, трудясь без отдыха, построил и оборудовал больницу и стал лечить. Боролся с сонной болезнью, проказой и прочими напастями тропиков. Швейцер много размышлял о проблемах мировой цивилизации. Досуг для этого нашелся в лагере, когда его и жену интернировали во время первой мировой войны как германских подданных, а потом увезли во Францию.

В 1925 году Швейцер вернулся, чтобы восстановить больницу и возобновить работу. Голод, болезни, наводнения, нужда делали это еще более трудным, чем до войны. Спустя два года он решил передвинуться вверх по реке в глубь страны. Там построил большую и более эффективную больницу и руководил ею несколько десятков лет. Больница все увеличивалась. Были открыты новые лекарства от проказы, и неподалеку появилась большая колония прокаженных.

Высокий, плечистый, энергичный, сосредоточенный, он, словно магнит, привлекал к себе людей. В делах он проявлял чисто крестьянскую сметку и управлял больницей, как патриарх, контролируя мельчайшие детали. С одинаковым энтузиазмом занимался он и умственным, и физическим трудом. Практичность и дотошность, сила воображения и умение созидать чувствуется в его хозяйственной деятельности не меньше, чем в теологии и философии.

В 1952 году Альберт Швейцер был удостоен Нобелевской премии Мира. В 1965 году он скончался.

ФРИТЬОФ НАНСЕН

Имя великого полярного исследователя известно у нас довольно хорошо. Гораздо реже вспоминают Нансена — друга человечества, общественного деятеля. Началась эта часть его жизни в годы борьбы норвежцев за независимость, за расторжение унии со Швецией. Сама по себе эта борьба — редкое явление в истории, так как была бескровной и закончилась освобождением Норвегии. Обе стороны проявили мудрость. Прославились слова Нансена: «Любой союз, при котором одному из участников не дают пользоваться свободой, опасен и всегда будет опасным». Нансен стал послом освобожденной Норвегии в Англии. В 1917 году — главой миссии Норвегии в США. С 1920 года он — глава норвежской делегации в Лиге Наций, предтече ООН. Высокий, костистый, седовласый, с развевающимися усами, в широкополой шляпе,

он был поражающей фигурой в Женеве и играл в Лиге большую роль.

В 1920 году Лига Наций поручила Нансену репатриировать 500 тысяч военнопленных. Возникли препятствия, так как советское правительство не признавало Лиги. Однако оно согласилось сотрудничать с Нансеном как с частным лицом. Тогда он создал организацию «Нансеновская помощь» на деньги Красного Креста. Уже в сентябре 1921 года Нансен смог сообщить Лиге, что репатриировано 447 604 военнопленных из двадцати шести стран, а через год — что работа завершена. Но дел было еще много. В результате войны в Европе оказалось два миллиона беженцев, в том числе около полутора миллионов из России, несколько сот тысяч армян и греков, бежавших из Турции. Нансен делал очень много, чтобы облегчить участь людей, лишенных родины, защиты, «вида на жительство». Он ввел для них удостоверения, «нансеновские паспорта», благодаря которым эмигранты могли существовать.

В августе 1921 года Красный Крест предложил Нансену помочь голодающим России. Конференция тринадцати стран поручила ему организовать это. Лига Наций отказала в деньгах. Нансен обратился к частным лицам, к другим организациям, выступал на огромных митингах и собрал нужную сумму. То же он делал для армян и греков, неустанно борясь со страданиями и нищетой. В 1922 году он получил Нобелевскую премию Мира.

Умер Нансен в 1930 году, семидесяти лет. День его похорон, 13 мая, всенародно отмечается в Норвегии. ●

Публикацию подготовил
А. ФРИДМАН

ВО ВСЕМ МИРЕ

Искусственное солнце восходит с Запада

Недавно планету обошла действительно сенсационная весть: на оборудовании ДЖЕТ, находящемся в английском городе Оксфорде, группа из четырнадцати европейских ученых осуществила управляемый высокотемпературный ядерный синтез. На протяжении секунды удерживалась плазма, нагретая до 320 миллионов градусов. Выделенная энергия — один мегаватт. Директор ДЖЕТ, доктор Пол Анри Ребно, заявил: до 1996 года будет построен экспериментальный реактор на 1000 мегаватт. Промышленная эксплуатация его начнется спустя несколько десятилетий, но первый большой шаг уже сделан.

Вода, вода, кругом вода

Войну в районе Персидского залива американцы использовали не только для проверки оружейных систем и тактических приемов, но и для научных исследований. На этот раз объектом изучения стала вода, вернее, ее влияние на организм. И до сего дня нет серьезного медицинского исследования, отвечающего на этот элементарный вопрос: сколько воды нужно пить ежедневно? В экстремальных для солдат условиях при жаре до пятидесяти градусов они выпивали 12 литров. А при дислокациях и боевых действиях — 24 литра. Военные врачи были удивлены тем, что и эти лошадиные дозы не нарушали отличного самочувствия солдат.

Проведенные сопоставления выявили тревожный факт: мы, живущие в умеренном климате, обычно пьем очень мало воды. По мнению доктора Дональда Гриффита из медицинского колледжа в Хьюстоне, организм человека постоянно находится в состоянии, близком к обезвоженному. А это повышает риск образования камней в почках, держит сердце и сосудистую систему в постоянном стрессе, затрудняет пищеварение, вызывает головные боли, а также боли в мускулах и суставах.

Вот и рекомендации. Мужчина весом 70 килограммов должен выпивать ежедневно 3 литра воды, женщины весом 55 килограммов — 2 литра, беременные — на два стакана больше. Для более полных расчет простой: по стакану на каждые 6 килограммов. Если вы занимаетесь тяжелым физическим трудом или спортом, добавьте еще литр. Однако чрезмерное питье не рекомендуется, особенно тем, у кого больные сердце или почки.

НА ПОЛЯХ ЧУДЕС

Н. Федотова

«Скажи мне, кудесник, любимец богов...»

Лучше поздно, чем никогда

В Тбилиси я прилетела с опозданием. С опозданием лет эдак на двадцать. Память запечатлела одну из наших редакционных комнат — не в нынешних белокаменных палатах XVII века, а втиснутую в загроможденный, с низкими потолками подвал жилого дома. В центре комнаты — пожилая женщина, пришедшая, что называется, с улицы, демонстрирует нечто умопомрачительное: любые предметы с наших столов, будь то ножницы, авторучки или увесистые тома энциклопедии, словно приклеиваются к ее раскрытым ладоням и — разве не чудо! — продолжают висеть так, как бы не менялось положение рук. Однако восторги и жгучее наше любопытство — трюк? феномен? — заметно разбавлены каким-то чувством неловкости, смятения. Почему-то хочется, чтобы женщина поскорее ушла и не смущала нас, нормальных людей, всякой чертовщиной. Увы, прочно засевший внутренний цензор срабатывал в таких случаях автоматически: все равно рассказать об этом на страницах журнала не удастся...

Сегодня прессу захлестнул мощный вал самых разнообразных материалов об экстрасенсах, телепатии, телекинезе, левитации, ясновидении, «магнитных» ладонях... Газетная реклама наперебой взывает: «Попробуйте стать экстрасенсом!», «Обучаем работе с биоэнергетическими фантомами!».

Получается, что редкий и особенный дар, приписываемый в древности исключительно магам и жрецам, а в средневековье — самому дьяволу, можно запросто приобрести на месячных курсах за пятьсот рублей. «Означает ли это, что и тайны теперь никакой нет?» — спрашиваю я по телефону Реваза Владимировича Хомерики, заведующего лабораторией магнитобиологии Онкологического научного центра Республики Грузия. Да-да, речь идет о той самой лаборатории, где исследования по биоэнергетике, «магнитным» ладоням в том числе,

начались еще в 1969 году с изучения удивительных способностей известного целителя Алексея Еремеевича Криворотова. Той лаборатории, где тбилисская официантка Джуна Давиташвили сделала первые шаги к ныне всемирно известному звездному титулу «Феномен Д». Той лаборатории, где я должна была, наверное, побывать двадцать лет назад. Что ж, видно, в очередной раз оправдывается это вековечное присловье «лучше поздно, чем никогда». И я лечу в Тбилиси...

Город встретил меня преждевременным весенним теплом и неизменным во все времена года грузинским радушием. Для начала я иду на заседание ассоциации «Биорезонанс», созданной при Обществе Красного Креста сыном Реваза Владимировича, Валерием Хомерики, для популяризации идей и методов, разработанных отцом (факт такой семейственности, по-моему, весьма отраден). В зале собралось целое созвездие экстрасенсов. Манана Шотаевна Хазарндзе напомнила мне своей удивительной способностью купринскую Олесю: от одного ее взгляда падал впереди идущий человек. Нино Якушину природа наделила иным редким даром. Стоит ей как следует сосредоточиться на своих ладонях, как несколько минут спустя они становятся такими мокрыми, словно их только что вынули из воды. По словам Нино, ей удается «разогревать» и «остужать» не только руки, но и все тело: озябнуть внезапно на знойном пляже или мгновенно, будучи легко одетой, согреться на морозе. Кстати, умение производить «психическое» тепло входит в систему тренировки тибетских йогов. Усвоившие целый ряд необходимых для этого упражнений, йоги демонстрируют свое умение на коллективных состязаниях — кто высушит больше мокрой одежды теплом своего тела или кто, сидя обнаженным в снегу, растопит в нем больше яму.

Но меня-то прежде всего интересовали «магнитные» ладони, или, если точнее, способность притяжения: ведь эффект связан не только с ладонями, но и с прочими участками тела, включая лицо. Впрочем, и к магнетизму это явление прямого отношения не имеет. Здесь действует целый набор внутренних физических факторов, составляющих вкупе ту самую магическую силу, которая позволяет ее обладателям демонстрировать (на фоне активации биохимических реакций организма) такие чудеса, как левитация, телекинез и слабое его проявление — притяжение предметов.

Однако еще до многочисленных бесед с Ревазом Владимировичем и его коллегами меня ожидало потрясение. Ничего не подозревая о каких-либо собственных сверхвозможностях, я на несколько минут вдруг сама превратилась в экстрасенса! Получилось так, что феномен притяжения демонстрировал в тот день Володя Абовян, своего рода рекордсмен в этой области. Он свободно удерживал на груди не только вилки или ложки, утюг или сковороду, а ни много ни мало — два диска от штанги, по тридцати килограммов каждый. В общем, чуть меньше собственного веса! Зрелище, как принято сейчас выражаться, крутое. Все мои попытки оторвать хотя бы один из дисков не возымели никакого эффекта, за исключением того, что я сама, по-видимому, слегка «намагнетизировалась»: к моим ладоням впервые в жизни стали прилипать ложки. Правда, ненадолго, но снимок сделать все-таки удалось.

Вот тогда окончательно рассеялись мои последние сомнения относительно того, что резервы человеческого организма явно превышают привычные возможности. Очевидно, они подвластны нашей воле. Но вот любой ли из нас способен черпать из этой кладовой или только наделенные от природы особым даром?

Так существуют ли экстрасенсы?

Нет, считает Реваз Владимирович. Никаких экстрасенсов на свете нет. Просто встречаются люди, обладающие так называемым гиперэнергетическим синдромом. Причем вряд ли его можно считать даром природы, скорее это ее просчет, ибо обладатели синдрома страдают общим недомоганием, частыми головными болями, повышенной утомляемостью, потливостью, бессонницей, приливами жара к рукам, ногам и голове, головокружением, чувством страха, учащенным сердцебиением, нехваткой воздуха, а у женщин к тому же болями в молочных железах. И наконец, еще один признак избытка энергии, отнюдь не обязательный, но довольно часто встречающийся — прилипание к телу самых разных предметов. Особенно резко «гиперэнергетический синдром» выражен у людей, легко возбудимых, с активной нейроэндокринной системой, что, как правило, свойственно темпераментным южанам. А в последние годы — и это крайне тревожно — среди его обладателей выявлено много детей.

К сожалению, средства, которыми располагает современная медицина, в данном случае неэффективны, а аппаратная и химическая диагностика синдрома не отработана. Недаром многие из тех, кого называют сегодня экстрасенсами, в свое время безрезультатно отмеряли километры в коридорах больниц и поликлиник: симптомы никак не укладывались в хоть какую-то мало-мальски четкую клиническую картину конкретного заболевания. Да это и в самом деле не болезнь, скорее предболезнь, риск-фактор, который при неблагоприятном стечении обстоятельств способен навязать организму устойчивую патологию и привести к вполне серьезным недугам.

Внешним толчком к выявлению синдрома послужил странный факт, с которым столкнулись исследователи из лаборатории магнитобиологии: у экстрасенсов, как правило, были холодные руки. Если обычная температура в центре ладони 32—33 градуса, а на концах пальцев на полтора градуса меньше, то у подвешивающих предметы перепад температур оказался просто огромным. Проверка в группе из пятидесяти человек показала, что он раз в пять, а то и в десять превосходит «норму». Поразительно, но попадались кончики пальцев, «остывшие» на семнадцать градусов! Явное свидетельство спазма сосудов, в том числе и в центральной нервной системе. Не случайно у обращавшихся к врачам экстрасенсов (опять этот привязчивый термин!) отмечались, как правило, именно вегетоневрозы. Итак, в мистическом, казалось бы, феномене проступили первые слабые очертания некой реальности.

С другой стороны, было совершенно очевидно, что дело не только в спазмах. Теоретические и экспериментальные исследования многое прояснили в столь странном явлении. Во всяком случае, оно уже в принципе опознано наукой, сбросившей с него покров сверхъестественности.

Реваз Владимирович, двадцать три года живущий этими проблемами, готов представить сегодня собственную концепцию магического эффекта. Концепцию стройную, подкупающую логической завершенностью и в то же время отпугивающую многих своей крамолой, ибо она посягает ни много ни мало — на основы современной физики. Но как тут обойдешься без физики, если сам телекинез и феномен прилипания как частный его случай имеют физическую природу, хотя и исходят от биологической структуры живого организма!

Вкратце суть концепции Хомерики выглядит следующим образом. Биохимические окислительно-восстановительные реакции наряду с реакциями гликолиза — постоянные спутники обмена веществ в организме. Они-то и генерируют физические излучения организма, включающие в себя ультрафиолетовое, радиотепловое, инфракрасное, акустотепловое, а также оптическую хемилюминесценцию и переменное электрическое поле, которые на близких расстояниях способны влиять на другие организмы. Неотделимо от них и всепроникающее дальнодействующее излучение, имеющее неэлектромагнитную природу, о чем свиде-

Диски — 60 килограммов — рекорд Володи Абовяна.

тельствуют, как считает Хомерики, соответствующие эксперименты. Все перечисленные факторы объединяются в так называемое ипотронное поле. «Ипотрон» — название комплексной частицы, расшифровывающееся как «импульсно-полевой точечно разделяющийся носитель». При определенных условиях в цитоплазматических мембранах клеток происходит резонансное усиление излучений, которые индуцируют в атомах притягивающую силу. Она-то и обусловливает притяжение к телу предметов из самых разных материалов. И подобно способности магнита сохранять свойство притягивать металлы атомы элементов после воздействия биологического излучения могут сохранять ту энергию, что образовалась во время возбуждения. Причем волны этого возбуждения отзываются аналогич-

ными волнами в другом организме. Быть может, в этом и состоит секрет моего кратковременного успеха в роли экстрасенса после общения с Володей Абовяном?

Разумеется, у гипотезы Хомерики немало оппонентов, даже среди его ближайшего окружения. Один из них — аспирант Абастуманской астрофизической обсерватории АН Республики Грузия Паата Джинчарадзе. Не стоит переворачивать физику, считает он, менять структуру атома или придумывать новые частицы. Чтобы объяснить этот феномен, достаточно уже существующей физической картины мира. Правда, и сам Паата не обходится без нововведений, предлагая свою концепцию некоего гипотетического пятого поля, якобы существующего в природе наряду с четырьмя известными типами взаимодействий — гравитационным, электромагнитным, так называемым сильным и слабым, через которое также осуществляется взаимодействие между организмами, между живой и неживой природой. Ввести эту концепцию, по мнению Пааты, нужно не искусственно, а путем естественного, математически строго обоснованного обобщения полевых уравнений современной физики. И уже сегодня его уравнениями и формулами будто бы можно объяснить некоторые «пространственно-временные» (ясновидение, проскопия, ретроскопия) и «полево-энергетические» (телекинез, левитация) парапсихологические явления. Справедливость этих соображений, разумеется, должен установить единственный критерий — эксперимент. Надеюсь, со временем мы узнаем, какая же из двух гипотез окажется верной. Хотя вполне возможно, и не та и не другая.

Механизм притяжения, как считает Хомерики, заложен в любом человеке, но чтобы это проявилось, необходимы дополнительные условия, ибо степень биорезонанса зависит от активности нейрогуморальной и эндокринной систем. Объективные признаки усиления биорезонанса — вначале слабо прощупываемый, а затем усиливающийся пульс во всех пальцах, их покраснение с одновременным повышением температуры. В этот момент и возникает сила притяжения, управляющая межклеточными и межтканевыми взаимодействиями организма.

Эффект притяжения связан и с системой дыхания, ибо от расхода кислорода в окислительно-восстановительных реакциях зависит степень биорезонанса. Существуют даже дыхательные упражнения, позволяющие усилить магнитные способности регуляцией потребления кислорода.

Известный биолог Александр Гаврилович Гурвич, автор теории митогенетических излучений, обнаружил как-то любопытный факт. Если перетянуть руку жгутом и нарушить таким образом питание клеток в тканях руки, в них возникает так называемое предсмертное, деградационное излучение — своего рода защитная реакция организма, поскольку деградационное излучение переходит в тепловое, а то в свою очередь расширяет капилляры. Таким образом обеспечивается нормальная циркуляция крови. В лаборатории магнитобиологии зафиксировали «гурвичское» свечение клеток у людей-«липучек» в момент притяжения предметов, тот самый момент, когда резонансное усиление эндогенных излучений влечет за собой частичное сдавливание кровеносных сосудов и нервных каналов, своего рода стресс.

Ты — мне, и — тебе

Как правило, когда медицина бессильна, экстрасенсы — последняя надежда больного. Но, оказывается, и экстрасенсы, то бишь обладатели «гиперэнергетического синдрома», нуждаются в нас не меньше, чем мы в них.

«Нет действия — есть взаимодействие». Эти слова Ньютона напрямую связаны с методом биокоррекции, основу которого составляет именно взаимодействие двух организмов. Если у них энергии поровну, связь между ними будет слабой. В случае избытка у кого-то энергии согласно закону диффузии она переходит к тому, у кого ее не хватает. В условиях такого перераспределения целителями становятся не только обладатели излишней энергии, но и малой. Они в свою очередь помогают «разрядиться» и выйти из состояния стресса, обретя энергетическую норму, тем, кто может пострадать от гиперэнергетического синдрома. Словом, традиционные отношения «донор — акцептор» меняются теперь на иную формулу: «ты — мне, я — тебе». А каждый из нас становится потенциальным целителем.

Тбилисские ученые уже разработали методику самопрофилактики для тех, у кого «магнитные» свойства могут стать причиной недуга. Статистика подтверждает, что около восьмидесяти процентов прошедших курс самопрофилактики освободились от своего болезненного состояния. В том числе женщины, переживающие климакс, сходный по симптомам с «гиперэнергетическим синдромом». То же самое показали и проведенные научные исследования, выявив у них объективные показатели восстановления прежде нарушенного гормонального гомеостаза.

Оригинальна и сама методика бесконтактного массажа, которому обучают на курсах ассоциации «Биорезонанс». В отличие от древневосточных и многих современных методик здесь впервые связали целительство с функциями отделов головного мозга. Скажем, больной страдает облитерирующим эндартериитом — сужением сосудов ног. Обычно в таком случае проводят бесконтактный массаж непосредственно той области, которая беспокоит. Но результат будет гораздо лучше, если массировать область сосудорасширяющего центра, расположенного в продолговатом мозгу. То же — с центром управления мышцами в мозжечке или с большими полушариями, отвечающими за склероз.

Многие выпускники курсов при ассоциации «Биорезонанс» с успехом используют этот метод при лечении различных недугов. Особым мастерством среди них выделяется Нана Исааковна Джамагидзе, на лечебном сеансе у которой мне довелось присутствовать.

При чем здесь экология?

И все же меня не оставлял вопрос: почему же раньше мы ничего не слышали о людях, невольно обнаруживающих у себя столь странные магнитные свойства? Почему лишь в последние годы их счет пошел на сотни? Оказывается, и тут, как везде, повинно неблагополучие в экологической обстановке, а именно — повышение содержания озона в приземном слое атмосферы. Включаясь вместо молекулярного кислорода в дыхательную цепь организма, озон активизирует окислительно-восстановительные реакции, и как результат — излучение эндогенного ультрафиолета. Этот фактор работает в комплексе с нейроэндокринной системой. В момент ее особой активности — скажем, когда мы нервничаем, — добавка озона может привести к «гиперэнергетическому синдрому».

Как известно, концентрация приземного озона регулируется солнечным излучением, достигая максимума от двенадцати до двух часов дня. Минимум же отмечается ночью, часа в три-четыре. Магнитобиологи решили проверить, отражается ли данное обстоятельство на «магнитных» способностях экстрасенсов. Аппаратура объективно зафиксировала: ночью, начиная примерно с часа, способность эта ослабевает, становясь минимальной к четырем часам. К полудню, когда солнце в зените, она вновь полностью восстанавливается.

Видимо, стереотипное представление об озоне как безусловном благе уже устарело. Ученые многих стран бьют тревогу: даже микродозы озона, содержащегося в загрязненной атмосфере городов, способны вызывать многие нарушения в организме, в частности воспаление легких. Вот почему, по мнению специалистов, санитарно-гигиенические нормы в границах 76—120 частиц озона на миллиард, принятые в США и Европе, должны быть пересмотрены в сторону уменьшения, хотя бы до уровня 60 частиц на миллиард. Словом, к чести западной цивилизации, она относится к озонному вызову довольно серьезно.

А что же у нас? Меня познакомили с данными по Грузии. Здесь уровень содержания озона в приземном слое атмосферы вдвое возрос по сравнению с 1955 годом. И значительная доля этого озонного нашествия, бесспорно, связана с экологически непродуманной деятельностью человека — повышением радиационного фона в результате атомных испытаний, чернобыльской катастрофы, войны в Кувейте и, разумеется, с загрязнением атмосферы промышленными отходами. Правда, определить размеры рукотворного озонного вклада непросто, поскольку неизвестно, как велики естественные колебания, вызванные ультрафиолетовым излучением Солнца. Во всяком случае, если численность людей-«магнитов» будет и впредь возрастать, мы получим еще один серьезнейший сигнал об экологической опасности.

Итак, выход из создавшейся ситуации включает наряду с такими глобальными задачами, как борьба за чистоту окружающей среды, и частные — профилактику «гиперэнергетического синдрома» и массовое обучение населения методам биоэнергетической гигиены, дабы мы могли сами управлять своим энергетическим состоянием.

А в заключение хочется привести слова нашего замечательного соотечественника Николая Рериха: «Как ни пытается человек забыть о ней, психическая энергия напоминает о себе. И задача просвещения — научить людей, что делать с этим сокровищем». ●

Нам повезло. Мы имеем редкую возможность присутствовать при «событии мысли», наблюдать, как «делается» философия. Беседы Мераба Константиновича Мамардашвили — уникальный опыт философствования, сократического способа передачи мысли через устное говорение. Философ умер, но тексты хранят неповторимость его и только его интонации, рискованную свободу словесного жеста, невероятную, почти непереносимую напряженность мысли, осмелившейся на попытку ясного и честного видения бытия.

М. Мамардашвили

Что значит мыслить и что значит мыслить не мысля ...

Беседа первая[1]

...Мысль рождается из удивления вещами как таковыми. И это называется мыслью.

Если вдуматься, то в каком-то смысле человеческая жизнь как таковая относится к числу невозможных вещей. Когда такое говорится, не отрицается, что она есть. Она есть, но это удивительно, потому что она невозможна; непонятно, каким образом она есть, потому что ее не должно было бы быть. Не может быть, что она есть. Вы представьте себе, сколько вещей должно было сойтись вместе, чтобы мы были живы теми частями нашей души, которые жаждут жизни. Скольким частям нашей души должно повезти, чтобы они встретились бы случайно, каждый раз именно с тем, что им нужно в данный момент или в данном месте? Это же невозможно. Ведь часто мы в себе убиваем желания и чувства, которые никому не приносят зла, только потому, что у нас нет сил, времени или места, чтобы осуществить и прожить их, убиваем их только за то, что они неуместны. Мы не реализуем их, то есть мы не живем, и оказывается, что жизнь невозможна. Следовательно, в строгом смысле слова, «жизнь как таковая» — невозможная вещь. И если она случается,— это чудо. Большое чудо.

Вот отсюда и начинается мысль, или философия. Мысль рождается из удивления вещам как таковым, и это называется мыслью. Мысль не есть исчисление; даже если я написал: «два» и «два», затем п о д у м а л: «два плюс два — четыре», то это не мысль. Мысль нельзя подумать, она рождается из душевного потрясения.

К такого же рода невозможностям относится любовь. Трудно привести пример абсолютно бескорыстной любви, и тем не менее она случается, хотя обычно, если это любовь человеческая, к ней примешиваются всегда какие-то другие мотивы. К такому же ряду явлений (скажем, жизнь, я сказал, в строгом смысле невозможна, хотя случается и т. д.), к такому же ряду явлений относится и сама мысль, чистая мысль.

Мысль вырастает из удивления, отметили мы, и удивиться, например, невозможной жизни, что она-таки есть и думать об этом — есть мысль. В этой мысли отсутствуешь ты, но она, мысль, есть твое состояние, посредством которого ты не прославляешь себя, не украшаешь себя, не компенсируешь в себе какие-нибудь недостатки, не прилепливаешь себе павлиньего хвоста или павлиньего пера, не наказываешь кого-нибудь другого посредством мысли, не соперничаешь с кем-нибудь посредством мысли и т. д. Посмотрите, сколько в истории мысли такого, когда вы отчетливо видите, что это не мысли, а способы, посредством которых те или иные люди, конкретные люди, переживали какие-то в них существовавшие, совершенно независимые и до мысли возникшие состояния души. Просто через мысль канализировалось какое-то заранее задуманное: комплекс, переживание, зависть, гнев, претензии к миру, желание самоутверждения, желание дополнить себя чем-то, компенсироваться.

И тогда вы поймете, что если есть мысль, то она может быть только чистой мыслью, а чистая мысль в человеческих руках — невозможная вещь. Можно привести десятки примеров из истории мысли, в которых ясно читается, что человек мыслит не по содержанию мысли, а по внешнему содержанию и даже по внешнему механизму этого содержания.

Есть одно прекрасное письмо Платона из его семи знаменитых писем, которые периодически то считались фальшивками, то потом утверждались как действительно Платоном написанные. В конце концов возобладала точка зрения, что большинство этих писем действительно написаны Платоном и, во всяком случае, доказано, что седьмое письмо принадлежало Платону. Оно написано о Дионисии, тиране Сиракуз. Покровительства Дионисия Платон ожидал в надежде на помощь в построении идеального государства. Взаимоотношения тирана и Платона были довольно сложные, менялись от любви до ненависти; тиран даже пытался продать Платона в рабство. Письмо относится к тому эпизоду, когда до Платона дошли слухи, что Дионисий распространил какие-то политические трактаты, в которых он излагал идеи о государстве, и в этих трактатах ссылался на то, что эти идеи якобы являются развитием идей Платона о государстве. В письме Платона есть потрясающие и очень знаменательные слова. В этих словах интересны два парадокса метафизики.

Платон вдруг пишет так: в том, как вы пишете, ясно видно, что это пишет человек, который хочет показать себя как мыслителя и писателя (вспомните, что я говорил перед этим), приобрести славу, а не *вспомнить*. Потрясающее словосочетание. Никто из вас и никакой читатель не ожидал бы, что в этой строке вдруг выскочит вот это последнее слово.

Я его не употреблял, это слово, когда перечислял вам разные внешние мышлению механизмы, которые заменяют мысль. Но мы уже разбирали ситуации, когда мысль может служить украшением, когда человек пользуется мыслью для прославления себя и, следовательно, не мыслит. И вдруг Платон расшифровывает, что значит «не мыслить». «Не мыслить» означает «не вспоминать»; «мыслить» означает «мыслить, чтобы вспомнить»; то есть совершать какой-то акт, чтобы «вспомнить».

Здесь сталкиваются неожиданные термины, все время выскакивает слово «вспомнить», что приводит к неожиданности, к сгущению контекста в парадокс. Затем идет второй знаменательный парадокс, имеющий отношение к нашей теме. Платон говорит — у человека, который мыслит для украшения себя мыслью и прославления, а не для того, чтобы вспомнить, не может быть ссылок на какие-то якобы писания Платона по одной простой причине: то, о чем в действительности мыслит Платон, — а идеальное государство — предмет его мышления,— не может быть написанным. И поэтому ссылаться на написанное об идеальном государстве нельзя, поскольку

[1] Из курса, прочитанного М. К. Мамардашвили в Тбилисском университете в 1986—1987 году. Полностью три лекции по проблемам мышления опубликованы в сборнике научных статей «Мысль изреченная ..», вышедшем в 1991 году под редакцией В. А. Кругликова в издательстве Российского открытого университета тиражом 15 000 экземпляров

об этом предмете не может быть ничего написанного. Платон хочет сказать, что о предмете действительной мысли вообще ничего написать нельзя. Выразить письмом мысль нельзя, мысль невыразима.

Так мы снова пришли к невозможности мысли, снова зачислили ее в ряд метафизических невозможностей. Стоит ли заниматься невозможностями, стоит ли проводить столь странную и трудную работу? Но с невозможностями необходимо иметь дело хотя бы потому, что по дороге к невозможному только и можно что-то иметь, что-то разрешить. Если вы помните, у Ницше обрисован идеал сверхчеловека, который просто невозможен и утопичен. И Ницше знал, что сверхчеловеками мы не станем, но, стремясь быть сверхчеловеками, мы станем людьми. Хотя бы поэтому имеет смысл кружиться вокруг невозможного.

Это относится и к невозможной любви. Скажем, Данте прекрасно знал о невозможности человеческой любви и реализовывал высшую ее степень, заменив даму Беатриче дамой Философией. То же самое сделал Петрарка. И когда один из пап предлагал помочь ему в женитьбе на его возлюбленной, он разумно отказался. Он понимал, что неизвестно, кто кого сожжет, и предпочел стихи. Не в том смысле, что он любил стихи... Это очень трудно выразить словами, человеческий язык постоянно подводит нас. Но мы уже знаем, что в каждый данный момент есть все слова и только те слова, какие есть. И мысль выражать невозможно. Например, Кант заметил, что Петрарка просто больше всего любил стихи. Но говоря это, он имел в виду определенный контекст, без которого непонятно, что значит «любить стихи». Вообще, обычно понимается, что любить стихи — это любить писать стихи. Но здесь не об этом идет речь. Можно ли объяснить тот вид целомудрия, который то, что может существовать только в поэтическом виде, боится разрушить соприкосновением со случайностями потока жизни?

Это совсем не похоже на страсть человека уединяться в кабинет, закрываться от жизни и писать. Петрарка не был писарь, который любил строчки выводить на бумаге, вместо того чтобы жить. Его стихи и были для него реальной любовью, более реальной, чем та, другая любовь. (...) В Евангелии описываются случаи, традиционно называемые опасными состояниями или опасными мыслями. По поводу одного из них у апостола Павла есть такое выражение: «Не боишься ли ты, что твоя мысль или ты сам будешь опасен для соседа?»

Представьте себе, что необходимо выразить содержание не соединимых друг с другом вещей. Вот, например, такой грубоватый и страшный вопрос: можно ли, простите меня за прозаизм, спать с огнем? Нельзя, и не потому, что огонь — девственник. И огонь «может знать» это и избегать женщин. Кстати, это — одна из причин, почему Христос избегал женщин.

Таким образом, в сегодняшней беседе я начал с одной характеристики невозможной мысли и завершил другой характеристикой невозможной мысли. И поэтому мудрецы ранние говорили: эта мысль — этот человек, то есть один человек может держать эту мысль, другой — нет. И значит, «эта мысль» может быть опасна для другого человека, и ее передавать ему нельзя, значит, она настолько невозможна, что нужен даже особый носитель, могущий мысль держать. Не случайно символом самой мысли является Прометей, огонь, который прикован к скале богами. Но уже давно люди довольно успешно приковывают таких опасных носителей к скалам или к крестам, взяв на себя миссию богов. Да и философы уже давно стали осознавать себя носителями опасной мысли. В этом смысле слова «философ» или «мыслитель» есть граничное существо, то есть представитель того, чего нельзя выразить, нельзя написать. Поэтому у нас всегда есть выбор: или не впустить его в нашу страну, или арестовать как шпиона. К тому же он действительно шпион, потому что невыразимое, носителем которого он является, для него есть «неизвестная родина», как выражался Пруст, «единственная родина художника» со всеми вытекающими отсюда обязательствами.

Платон дальше интересно говорил, что можно выразить лишь нечто мелькнувшее на какое-то мгновение, несомое атмосферной волной беседы в диалоге. Так, в разговоре оно может как-то возникнуть, как искорка в воздухе, между разговаривающими людьми на какую-то секунду, без преднамерения у того, кто говорит. Обычно мы ведь речь рассматриваем как преднамеренное построение для уже готовой, существующей мысли. Мы как бы одеваем одежду на существующее тело. А тут во время

ситуации беседы какая-то взаимная индукция людей вдруг рождает то необходимое, невозможное выражение. Как считал Платон, только в беседе может что-то быть. И возможно, это как-то проясняет тот исторический казус, который произошел с работой Платона. Вы знаете, что Платон — автор прекрасных по форме, художественной форме, диалогов, а Аристотель — автор сухих ученых сочинений. Платон не любил писать, любил беседы, а Аристотель любил писать. В околоплатоновских кругах он даже заслужил прозвище «Читатель». Но от Платона, который любил беседы, не сохранилось никаких записей бесед, сохранились только написанные сочинения, которые он не любил. А от Аристотеля, кроме каких-то фрагментов, весь аристотелевский корпус — это все, что им не написано, это все ученически застенографированные записи его уроков.

Этими длинными пассажами и отвлечениями мне хотелось прояснить то, что о невозможности я должен говорить вслух, предполагая, что вы на слух будете это воспринимать. (...)

Как-то в 1918 году, в короткий период совместного труда, встречаясь в Лондоне, Рассел или Витгенштейн[2] (я не помню кто именно, но это не столь важно) в сердцах сказал, что logic is hell — логика это ад. И я могу вам подтвердить: философия или мысль — это ад.

Декарт в свое время считал, что мышление в том смысле, в каком мы сейчас с вами говорим, есть нечто, чем заниматься возможно четыре часа в месяц, а остальное время делать другие дела. Можно мыслить четыре часа в месяц, но не больше, поскольку это не в человеческих возможностях. Кстати, Платон это же словосочетание несколько в другом виде употреблял. Говоря о промелькнувшей искорке, он подчеркивал, что она может промелькнуть *на пределе человечески возможного.* С этим связан жуткий труд мысли: все, с чем мы имеем дело, происходит *на пределе человечески возможного*, мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил.

Дальше я хочу повести речь о мыслительной жизни, о мышлении в жизни, о том, как мы находим место в мире и жизни посредством мышления, и о том, каким образом случается само мышление как жизненное событие.

Коль скоро мы установили, что мышление относится к ряду так называемых метафизических невозможностей, то, естественно, мышление — это само собой разумеющееся событие. Оно может случиться, а может не случиться. Есть какие-то условия, чтобы событие мышления случилось. И в этом смысле событие мышления похоже на события жизни. Так же, как события жизни почти невозможны, точно так же и события мышления почти невозможны, но бывают — и это удивительно. Сама эта удивительность тоже вызывает мышление. Мы начинаем мыслить, когда удивляемся. Как это может быть?

Повторяю, вы знаете, что удивление лежит в основе философии. Первые философы удивились, конечно, не в психологическом смысле слова, как мы обычно понимаем. Опять у нас есть те слова, которые есть, в том числе одно и то же слово «удивление», обозначающее совершенно разные вещи. Для нас здесь важно «удивление» тому, чего могло и не быть и должно было бы не быть, но оно есть. Удивительно, когда все в мире построено так, чтобы не было добра, красоты, справедливости и т. д. И тем не менее и н о г д а е с т ь справедливость, честь, добро, есть красота.

Иногда легко понять «удивительность», если осуществить простой акт самонаблюдения. Наверняка каждый из вас испытал в юности одно чувство, которое состоит (оно, правда, само по себе есть удивление) в поразительном наблюдении хрупкости. Это ощущение, чаще посещающее людей в молодости, есть необъяснимое и часто убийственное чувство сознания необъяснимой хрупкости и как бы абсолютной обреченности на гибель всего прекрасного, всего благородного; всего высокого. Удивительно, что все это обязательно гибнет, а все отвратительное живет и процветает; то обречено на процветание, а это на минуту промелькнет и рассеивается, как бы и не было. И конечно, выражение Гете «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» вовсе не гедонистическое, не сенсуалистическое выражение, как часто понимают. Нет, за этим стоит вот это осознание действительно странной какой-то и непонятной

[2] Людвиг Витгенштейн (1889—1951) — австрийский философ, живший в Великобритании. Его основные труды — «Логико-философский трактат» (русский перевод — Москва, 1958 год), «Философские исследования», «Заметки по основаниям математики» — во многом определили основные тенденции эволюции аналитической философии.

обреченности всего высокого и прекрасного. Оно как бы не держится ни на чем, не на чем ему держаться.

И, собственно говоря, если бы это было не так, то не было бы никакой мысли. Только у существ и только в таком мире, где хрупко и как бы неминуемо обречено все высокое и благородное, есть и возможна мысль, потому что такие существа можно назвать историческими существами. Они являются таковыми, поскольку помещены на некоторой точке, которая находится на какой-то бешено закрученной кривой, окруженной хаосом иррациональным и гибелью. И это — мысли. И мысль есть вопрос о том, на каких условиях и как такая точка может удерживаться на этой кривой, и почему вообще такая кривая существует?

Почему вообще? Здесь я переверну вопрос так: зачем вообще нужно трудиться? Почему не все прямо? Это странный, казалось бы, вопрос. Но вот вы когда-нибудь удивлялись тому, почему не все прямо? Например, я добр, хочу добра. А почему, собственно говоря, его нет? Я чувствую, ощущаю, вижу справедливость. Почему тогда ее нет? Я желаю вам хорошего. Почему же еще нужно потрудиться, чтобы это хорошее случилось, и почему нужно (...) искусство для этого, искусный труд? Почему история показывает, что хорошие намерения оборачиваются злом, почему не все — прямо? Почему еще нужно трудиться? Почему мир создан таким образом?

Это удивительно. Даже недостаточно иметь, эмпирически иметь, состав прекрасных чувств, прекрасную душу, даже недостаточно собрать всех прекрасиодушных вместе. Оказывается, если их собрать вместе, получится такая банда скорпионов, что не дай бог. Опыт и факты показывают. Оказывается, для свершения добра, высокого нужен труд, притом искусный труд. Почему нужен этот труд (...)? Ведь вы прекрасно знаете, что можно написать роман с самыми лучшими намерениями, назидательный роман, а он будет сеять злой порок в силу того, что он плохо написан. Странно и парадоксально, но хорошо или плохо написанное может иметь самое прямое отношение к добру и злу. И конечно, вы уже понимаете — хорошее или плохое написание, труд, искусство, искусность или искусный труд — все это, конечно, как-то связано с тем, что я называю мыслью.

Теперь от «удивления» вернемся к нашему исходному ощущению, к этому нашему недоумению: почему, собственно говоря, все не ладится? Почему мы чувствуем, что все прекрасное так хрупко и как бы заранее обречено на гибель, и так проходят столетия?

Эти вопросы указывают на то, что называемое мыслью — пока еще далеко не расшифрованное нечто; оно связано с тем, что я параллельно буду расшифровывать как природу и место человека во Вселенной. Конечно, нужно расшифровывать и человека, существо загадочное и остающееся загадочным. Даже если не разгадаем эту загадку, то, повозившись с ней, мы кое-что узнаем и поймем.

Вспомним чувство невыразимости, связанное с упоминаемым словосочетанием «неизвестная родина». Если сблизить чувство «неизвестной родины» с ощущением непонятной обреченности всего высокого и доблестного, то мы ощутим у себя какую-то ностальгическую отстраненность от того, где мы живем, с кем связаны, от нашей страны, от нашей родины, от нашей географии, от наших нравов и обычаев. За этой ностальгической отстраненностью стоит ощущение и отблеск неизвестный, непонятный, но отблеск чего-то другого. Это и есть первый отблеск мысли. В этой форме впервые является мысль, не имеющая пока никакого содержания, никакого контура, никакого облика, никакого предмета.

Это ощущение, свойственно всякому человеку и вообще человеку. Он мог его забыть или закопать, но не быть оно не могло. Настолько прочно оно находится в конституции человека. И свойственно оно человеку по той простой причине, что люди желают жить, человек хочет ж и т ь.

Но жизнь есть нечто такое, о чем никогда нельзя сказать «вот здесь», то есть точечно. Жизнь нельзя назвать, обозначить, локализовать. Про жизнь никогда нельзя сказать конкретно, определенно, потому что жизнь — это всегда что-то еще. Самое жизнь невозможно «схватить» сейчас, в данный момент, поскольку «живое» по определению, по существу своему, если оно живо, оно всегда в следующий момент. Оно как бы расширительно. И вне этого расширения жизни вы не можете ухватить жизнь.

Почти любое другое явление можно ухватить точечно, а жизнь нельзя. Вот вы видите жизнь в точке А, и когда вы определяете ее в точке А, вы определяете так, что она уже в точке В, в следующей точке В, если она жива. Это и значит, что «человек хочет жить». Хотеть жить — это хотеть занимать еще точки пространства и времени, то есть восполнять себя или дополняться тоже и тем, чего мы сами не можем и чем не обладаем. Скажем, мне кажется, я люблю Нану, существо, наделенное определенными качествами и в силу этих качеств вызвавшее наше движение и наше стремление. Но в действительности наше движение и наше стремление вызвано расширительной силой жизни.

Это одно из пространств, где уместно начать мыслить, то есть отличать, что и почему ты любишь. Любишь ли ты Нану потому, что у нее голубые глаза, или ты любишь ее потому, что ты расширяешься? И линии судеб будут весьма различны в зависимости от того, что и как ты поймешь.

Значит, пока мы завоевали следующее различение между реальностью и представлением. Нана, любимая мною, потому что у нее голубые глаза и она верх совершенства, — это представление, а реальность (причина та, которая скажет свое слово в нашей судьбе и наложит отпечаток на контур наших взаимоотношений) — это нечто д р у г о е.

Слово «другое» уже фигурировало в нашей беседе. Когда я говорил, как нас охватывает ностальгия, как мы ощущаем отстраненность от окружающих нас людей, от родины, от страны, от нравов и обычаев, тогда что-то неизвестное — д р у г о е — манит нас и вызывает в нас тоску. (...) Эта тоска забудется, она закроется, и мы ее вспомним, когда различим, так как нам долго будет казаться, что именно качества Наны — предмет, вызывающий любовь.

Еще долго мы не будем различать представление и реальность, и мы еще по очень крутой орбите будем возвращаться к первоначальной юношеской тоске, тоске другого мира. Поэтому, собственно говоря, мышление у Платона называется словом *«вспомнить»*. Вспомнить. Оказывается, это другое уже было. Поэтому такого рода вещи закреплены в легендах человечества. Закреплены как воспоминание о золотом рае. Причем это могло и не быть реально. Ведь с юношей, у которого вот эта первоначальная тоска «другого», это «другое» с ним реально не случилось или могло реально не случиться. И поэтому Пруст (ведь все его путешествие есть путешествие к потерянному раю)[3] в одном месте говорит так: всякий рай есть потерянный рай, рай, которого никогда не было. Это странное, парадоксальное сочетание — ты ищешь рай, которого никогда не было, но ищешь его.

Того «другого» тоже никогда не было, но ты его ищешь. И это реальная сила и реальный предмет воспоминания. Оно необходимо потому, что кроме всего прочего в воспоминании заложено различение, иначе нам не доступное, между реальностью и представлением. Иначе само это различение к нам ниоткуда не может прийти.

Ни из какой совокупности опыта нельзя вывести различие между реальностью и представлением о ней. Всякая реальность нам дана представлениями о ней. И сама мысль о том, что есть реальность, и представление о ней и что одно отлично от другого, ниоткуда нами не может быть получена. Но она откуда-то приходит, и платоновское «вспомнить» — один из путей, по которому она к нам приходит...

---

[3] Речь идет о многотомной эпопее Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

УРОКИ ИСТОРИИ

Г. Горелик,
кандидат физико-математических наук

Вихри эфирные

Выдающийся советско-американский физик George Gamow, он же — Георгий Антонович Гамов и он же (для друзей по Ленинградскому университету) — Джонни, незадолго до конца своей шестидесятичетырехлетней жизни написал автобиографию. В названии этой книги «Моя мировая линия» можно усмотреть нечастый пример трехсмысленности. Физико-математическое понятие из арсенала теории относительности (траектория точки в пространстве-времени) может намекать на весьма международный характер биографии автора, а в переводе на разговорный русский — еще и на то, что автор — мировой парень. Независимо от намерений автобиографа, оба намека вполне обоснованны.

Неизвестно, что именно виной — ностальгия или преждевременная смерть, — но воспоминания Гамова оказались сосредоточены на советской части его жизни. Впрочем, автор «горячей Вселенной» приступил к автобиографии явно не для того, чтобы с занудной точностью расставить по местам все события своей научной карьеры. Нет. Он намеревался развлечь читателей (и себя самого) забавными историями из своей разноцветной жизни. А что касается точности, то об этом лучше поговорим после того, как его послушаем.

ГАМОВ РАССКАЗЫВАЕТ:

«Вот в какую историю я влип в 1925 году, когда отстаивал эйнштейновскую точку зрения, согласно которой «мировой эфир» не существует, — по крайней мере, в том понимании, которое жило в классической физике.

Однажды, когда мы с Дау обсуждали какие-то проблемы в Боргмановской библиотеке, туда явился Абатик Бронштейн с только что вышедшим томом Большой Советской Энциклопедии. Этот том содержал слово «Эфир (световой)» с пространной статьей, написанной неким Гессеном. Все мы отлично знали товарища Гессена: он был «красным директором» Института физики в Московском университете, и его работой было присматривать, чтобы «научный директор» (известный физик профессор Л. И. Мандельштам) и сотрудники не уклонялись в идеалистических направлениях от прямой дороги диалектического материализма. Бывший школьный учитель, товарищ Гессен знал кое-что из физики, но больше всего интересовался фотографией и замечательно делал портреты хорошеньких студенток.

Статья Гессена начиналась с того, что еще в 1690 году Христиан Гюйгенс ввел понятие светового эфира как носителя световых волн. Затем было сказано о трудностях, возникших в результате безуспешной попытки А. Майкельсона в 1887 году обнаружить движение Земли сквозь эфир. И о том, что Эйнштейн отказался вовсе от такой универсальной среды, закладывая фундамент своей теории относительности.

Но, продолжал товарищ Гессен, эйнштейновское решение неприемлемо с точки зрения диалектического материализма. Мировой эфир должен существовать и должен обладать свойствами любой другой материальной субстанции. Главная же задача советских физиков — доказать существование материального светового эфира и раскрыть его истинные механические свойства. Идеалистические идеи, на которых Эйнштейн возвел свою теорию относительности, несовместимы с основными принципами марксизма и, следовательно, эта теория должна быть отвергнута. И т. д., и т. д., и т. д.

Мы вдоволь посмеялись над наивной глупостью Гессена и решили отправить ему шутливую фототелеграмму (тогда только что установили фототелеграфную связь между Ленинградом и Москвой: написанное на специальном бланке передавалось по проводам с точным сохранением изображенного). Я здесь воспроизвел рисунок по памяти, однако довольно точно. Рисунок, оригинал которого сделала наша художница Ира, изображает кота (похожего на товарища Гессена) на самом верху мусорной кучи, образованной пустыми емкостями из-под разнообразных «флюидов», когда-то вво-

дившихся, а затем отвергнутых в истории физики.

Текст был следующим:

«Воодушевленные вашей статьей о световом эфире, мы с энтузиазмом бросаемся доказывать его материальное существование. Старый Альберт — идеалистический идиот!

Требуем вашего руководства в поисках теплородного, флогистонного и электрического флюидов.

Г. Гамов, Л. Ландау,
А. Бронштейн, З. Генацвали,
С. Гралокишников».

Мы предполагали, что Гессен взорвется, но его взрыв намного превзошел наши ожидания. Он принес нашу фототелеграмму в Коммунистическую Академию в Москве и обвинил нас в открытом мятеже против принципов диалектического материализма и марксистской идеологии. В результате по приказу из Москвы было организовано «судебное разбирательство» совместными силами Рентгеновского института Иоффе и связанного с ним Политехнического института. Нас должны были судить как вредителей советской науки. Дау, Абатик и два аспиранта, подписавшие фототелеграмму, были вынуждены явиться, поскольку все они работали в Рентгеновском институте и преподавали в Политехническом. Я не обязан был приходить, потому что исследовательскую работу вел в Физико-математическом институте Академии наук, а преподавал в университете — в учреждениях, не связанных с Рентгеновским и Политехническим институтами. Видимо, предполагалось, что меня будут «судить» в Академии наук и в университете на специальном собрании, которое, однако, так и не состоялось.

После судебного собрания, продолжавшегося несколько часов, Дау и Абатик пришли ко мне домой и рассказали о происходившем. Суд присяжных, состоящий из рабочих институтских мастерских, признал нас виновными в контрреволюционной деятельности. Обоих аспирантов, подписавших телеграмму, лишили стипендии, и они были вынуждены уехать из города. Дау и Абатика отстранили от преподавания в Политехническом (чтобы не заражали умы студентов своими ядовитыми уклонистскими идеями), но позволили им продолжить исследовательскую работу в Рентгеновском институте. Со мной ничего не случилось, поскольку я был из другого ве-

Фото В. Бреля

домства. Но были предложения дать нам всем по «минус пять» (запрет на проживание в пяти крупнейших городах СССР), что тоже никогда не было приведено в исполнение.

После оттепели, последовавшей за смертью Сталина, Коммунистическая Академия выпустила заявление, в котором признала правильность теории Эйнштейна (однако предпочтительно с мировым эфиром) в знак уважения к заслугам академика Абрама Федоровича Иоффе, директора Рентгеновского института, «в научно-техническом развитии Советского Союза».

Последняя фраза, надо сказать, основательно подрывает доверие к рассказчику. Комакадемия перестала существовать еще в тридцатые годы, а академика Иоффе при жизни Сталина вышвырнули из созданного им института, который, кстати, давно уже именовался не Рентгеновским, а Физико-техническим. И наконец, если говорить о советской физике, а не о философских надзирателях, теория относительности занимала в ней надлежащее место и успешно применялась, так сказать, в народном хозяйстве.

Исправить надо и начало гамовской истории: том БСЭ со словом «Эфир» вышел не в 1925, а в 1931 году.

Тут читатель вправе усомниться: а была ли вообще эта фототелеграмма и сопровождавшие ее драматические события? Или, может быть, эта история — из разряда «Физики шутят»?

Ну что ж, заглянем в летописи, роль которых в XX веке исполняют прежде всего журналы. И помня о руководящей роли партии, начнем с ее теоретико-политического органа.

Первый номер «Большевика» за 1931 год сразу напоминает, что Великий перелом уже позади и что гипс на страну уже усердно накладывается. Только что декабрьский пленум ЦК поставил «ясную и определенную цель на 1931 год — завершить построение фундамента социализма» (не из гипса ли, раз так быстро?) И тут же вместе с журналом можно «посмеяться над попытками левоправого блока отрицать, что страна уже вступила в период социализма».

Согласно первому номеру «Большевика», строительству социализма пытались помешать вредители, внедрившиеся в промышленность страны, в самые ее недра, как выяснилось на процессах Промпартии и «шахтинском». Однако второй номер журнала раскрыл глаза большевикам гораздо шире. Э. Кольман в статье

«ВРЕДИТЕЛЬСТВО В НАУКЕ»

заявил, что подготовка взрывов и поджогов — это лишь наиболее очевидная и простая часть вредительства. Не меньшую опасность представляет далеко не всякому видное «научно-теоретическое вредительство, не ограниченное какой-либо отраслью науки». Автор не взял на себя «анализ конкретных проявлений теоретического вредительства в отдельных областях естествознания — этим должны заняться работники данных наук», но дал этим работникам в руки острые инструменты для будущего анализа. Кольман перечислил определяющие черты научного вредительства: подделка под советский стиль, обилие математических формул, попытки ненаучного, антимарксистского применения математических методов и, пожалуй, главное — либеральное отношение к буржуазно-профессорской учености, некритическое преклонение перед нею.

Прочитав это, понимаешь, что таких носителей профессорской учености, как Гамов и его товарищи, обвинить во вредительстве в 1931 году было нетрудно. Так что рассказывал Гамов, во всяком случае, близко к жизни. Ну а чтобы выяснить, была ли в самой жизни «эфирная телеграмма», придется, поборов тошноту, вернуться к «большевистской» статье Э. Кольмана.

Дотошность будет вознаграждена. Тов. Кольман, заявив, что вредительская публика «свила себе не одно прочное гнездо», тут же самолично принялся разорять одно из них — в естественнонаучном отделе БСЭ. Редактор этого отдела — профессор (опять же!) В. Ф. Каган допустил, что в статьи о волнах и гидромеханике, о Галилее и Гауссе проникли враждебные взгляды махистов, механистов, фрейдистов и прочих врагов пролетариата.

Подойдем к полке с первым изданием БСЭ. Так и есть! Уже том, отредактированный в марте (спустя месяц после статьи Кольмана), оказался без сведений о составе редакции. А в следующем томе редакция существенно обновилась: место профессора Кагана в отделе естествознания занял некто (непроф.!) А. А. Максимов, подотдел математики возглавил сам Кольман, а в физике на помощь акад. Иоффе пришел Б. М. Гессен. И именно для этого тома Гессен написал статью «Эфир». В предисловии к тóму прямо сказано о «привлечении растущих марксистских научных кадров для последовательного проведения марксизма-ленинизма во всех областях».

Поэтому дальнейшие подробности поищем «Под знаменем марксизма» (это еще и название журнала). И найдем их в статье все того же Кольмана «Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины». Письмо тов. Сталин послал не Кольману, а «Пролетарской революции» (тоже журнал), но Кольман не удержался от ответа, потому что указанное письмо, разоблачая новые замаскированные формы борьбы контрреволюционного троцкизма и всякого рода оппортунизма и примиренчества против партии и Коминтерна, имеет огромное значение для фронта математики, естествознания, медицины и психоневрологии (особенно — для последней, добавим мы и понадеемся, что и без кавычек читатель опознает шершавый язык эпохи; рядом с образцами тогдашнего стиля всякая ирония блекнет).

В качестве наиболее яркого примера борьбы против партии и Коминтерна в области науки Кольман указал на выступление профессора (конечно же!) Я. И. Френкеля на физико-химической конференции в декабре 1931 года. И заметил:

«Эта наглая вылазка заядлого махиста, главы группы физиков так называемой «ленинградской школы» (Гамов, Ландау, Бронштейн, Иваненко и др.) не единична. Совсем недавно эти господа в ответ на статью «Эфир» в 65 томе БСЭ позволили себе устроить демонстрацию: послали радиоизображение-карикатуру похабного содержания, критикующую статью с точки зрения отрицания существования эфира как объективной реальности». Что и требовалось подтвердить.

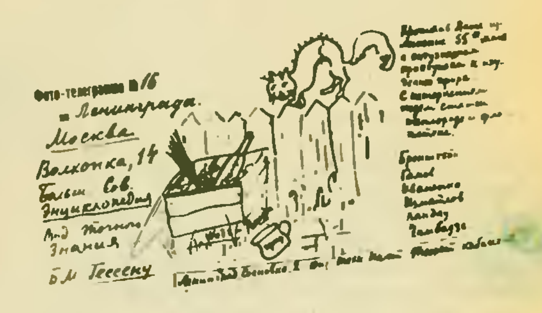
Итак, телеграмма была. А что касается вытекших из нее последствий, то в публикациях начала тридцатых годов об этом — ничего. Поэтому обратимся к источникам, молчаливым по своей природе, но многознающим — к архивным наследиям троих марксистов, обновивших в 1931 году редакцию БСЭ.

Эти источники обретают речь лишь при участии музы Клио, заботам которой древние греки поручили искусство истории. Можно позавидовать историку науки, которого опекает такая верно Клио, как Галина Александровна Савина. Написавшему это приходится завидовать себе самому.

Итак, мы в Архиве Академии наук. От Гессена и Кольмана, по причинам, о которых мы еще поговорим, остались только считанные листочки — содержимое их личных дел. Но...

В АРХИВЕ А. А. МАКСИМОВА,

постаравшегося за троих, имеется замечательная коллекция своих и чужих бумаг. И, кроме прочего, хотите — верьте, хотите — нет... да, сама фототелеграмма! Вот она:

Как видим собственными глазами, назвать память Гамова фотографически точной нельзя. Он забыл, что Бронштейна звали Матвей Петрович, а Аббат или Аббатик — лишь прозвище. Забыл он и о своем товарище студенческих лет Д. И. Иваненко (возможно, потому, что расстались они отнюдь не дружески), забыл и фамилии аспирантов. И карикатуру сделал, если воспользоваться лексиконом Кольмана, гораздо более похабной. Но три десятилетия с лишним — немалый срок...

Это еще не все. Вполне возможно, что историки науки когда-нибудь скинутся на памятник или хотя бы на мемориальную доску А. А. Максимову за его коллекцию исторических документов. Он их, правда, собирал не для благодарных потомков, а в качестве компромата на своих современников. Но результат его усилий заслуживает благодарности.

Ведь если бы не Максимов, откуда бы мы узнали, что Гамов написал...

ПИСЬМО СТАЛИНУ(?!)

Ленинград,
22 января 1932 года

Дорогой товарищ!

Я поставлен в необходимость обратиться к Вам с письмом о том положении, в которое попала у нас в Союзе теоретическая физика. В течение нескольких лет на теоретическую физику ведутся непрекращающиеся нападки со стороны философов, объявляющих себя материалистами, но на деле беспрерывно скатывающихся в самые гнусные разновидности идеализма.

Теоретическая физика изучает закономерности, реально существующие в реально существующем внешнем мире. Таково основное положение материализма, без него существование физики было бы невозможным. Задача теории состоит в том, чтобы вывести эти закономерности из опыта. Приписывать природе те или иные свойства априори, то есть независимо от всякого опыта, может только идеалист. Если, например, тела состоят из атомов, то это потому, что природа **действительно** такова, а не потому, что это нравится кому-либо из философов. Природа совсем не обязана быть таковой, как это хотел бы тот или иной философ. Всякий философ, именующий себя марксистом и заявляющий о том или ином физическом опыте, что этот опыт обязан дать такой-то результат, тем самым компрометирует марксизм, подвергая его ударам со стороны врагов пролетариата, которые смогут всячески улюлюкать по поводу неудавшегося предсказания. Так, например, несколько лет тому назад т. Тимирязев воспользовался работами американца Миллера, желавшего опровергнуть теорию относительности, правильность которой доказана на самых убедительных фактах, — Тимирязев не желал признать теорию относительности, т. к. свойства пространства и времени, согласно этой теории, более сложны, чем это нравилось т. Тимирязеву. Поэтому он утверждал, что опыты Миллера **должны** дать такой-то, а не другой результат, что **это требует марксизм.** Марксизм был поставлен в неприличное положение; судьба марксизма «решалась» в лаборатории Миллера. И вот оказалось, что тщательная проверка опытов Миллера не подтвердила предсказаний Тимирязева. Легко представить себе удовольствие врагов марксизма.

Конечно, Тимирязеву в свое время было дано по шапке, и его «философия» была должным образом разоблачена. Но Тимирязева, который был просто дурак, сменили люди более хитрые — Деборин, Гессен и К°, которые извлекли из пыли софизмы и хитросплетения идеалистической философии Гегеля для того, чтобы придать себе более «ученый» вид. В прошлом году их насквозь фальшивая философская установка была разоблачена и пригвождена к позорному столбу под заслуженной кличкой меньшевиствующего идеализма. Некоторые из них даже принесли формальное покаяние и посыпали голову свою пеплом. Но теперь оказывается, что меньшевиствующий идеализм еще не окончательно раздавлен: **он даже имеет возможность расправляться со своими противниками.**

Об одном возмутительном факте этого рода я обязан Вам сообщить. Тот же самый Гессен напечатал в 65-м томе Большой Советской Энциклопедии статью «Эфир». В этой статье он, вместо сообщения того очевидного факта, что электромагнитное поле является реальностью и в этом смысле слова само по себе представляет материю (как определял это понятие В. И. Ленин), утверждает, что у электромагнитного поля обязан быть некий **дополнительный** материальный субстрат, а именно «мировой эфир».

Отказываясь считать электромагнитное поле материей и требуя вместо этого существования какого-то специального субстрата, Гессен обнаруживает вновь, что искусством передергивать основные положения материализма он владеет прекрасно, считая, что этот субстрат **обязан** существовать и что задача теории — найти его, Гессен создал мнимую проблему и компрометирует марксизм, так как в физике уже 25 лет тому назад было доказано, что такого субстрата нет и быть не может. Таким образом, Гессен соединил марксизм с физическими теориями, которые уже давно опровергнуты опытом и тем самым являются реакционными (в существовании эфира верят вместе с Гессеном такие мракобесы, как черносотенец Пауль Ленард, поповствующий консерватор Дж. Дж. Томсон, спирит Оливер Лодж, т. е. лица, выжившие из ума и ставшие посмешищем в глазах передовых представителей даже

буржуазной европейской науки). И эта антинаучная чепуха была напечатана в Большой Советской Энциклопедии — издании, предназначенном для просвещения широких масс и стоившем государству много денег.

Когда я и несколько моих друзей-теоретиков, работающих в Ленинградском физико-техническом институте, увидели эту смехотворную статью, в которой утверждалось, что «физика только теперь приступает к изучению эфира», мы послали Гессену ироническую телеграмму: «Прочитав Вашу статью с энтузиазмом приступаем к изучению эфира. Ждем руководящих указаний о флогистоне и теплороде» (теория флогистона и теплорода — это старинные теории, отвергнутые более ста лет тому назад и ставшие синонимом научного хлама). Посылая эту телеграмму, мы имели в виду этим открыть кампанию против фальсификации научного материализма. Но Гессен не растерялся: он пожаловался в президиум Коммунистической Академии и представил дело в таком виде, что кучка буржуазных ученых оскорбляет члена партии (Гессен, к сожалению, член партии) и члена Коммунистической Академии. В результате этого местком и партколлектив Ленинградского физико-технического института, то есть того института, в котором работают мои друзья, подписавшие телеграмму, вступился за Гессена (очевидно, из тех соображений, что член Комакадемии не может быть не прав). Было устроено общее собрание сотрудников Физико-технического института, на котором философ-«материалист» Рубановский прочитал доклад, в этом докладе он объявил нашу телеграмму антисоветской вылазкой и по существу призывал к травле теоретической физики. Академическое обсуждение вопроса (т. е. о том, существует ли эфир?) было при этом запрещено, так как нет надобности отвлекаться в академические вопросы, когда разбираемый вопрос имеет конкретный политический смысл. Перепуганный академик Иоффе (директор Института), не желая позорить себя заявлением, что эфир есть, но не сообразив, что трусость не менее позорна, уехал накануне собрания в Москву.

На лица, подписавшие телеграмму, посыпались самые отвратительные клеветнические обвинения, вроде того, что «будь они экспериментаторами, а не теоретиками, то они бросали бы бомбы в вождей революции; они не бросают бомб только потому, что не умеют». Напуганное собрание послушно проголосовало резолюцию, в которой утверждает, что посланная Гессену телеграмма послана из контрреволюционных побуждений (!). Лицам, пославшим телеграмму, предложили раскаяться в своих ошибках, но они отказались, заявляя, что, посылая телеграмму Гессену, они боролись за материализм против идеалистических извращений.

Считая, что происшедшие в Физико-техническом институте события имеют большое значение как пример вопиющего извращения политики партии в области науки, я жду, что Вы примете меры к ликвидации поднявшейся безобразной травли теоретической физики.

Г ГАМОВ
Физико-математический институт
Академии наук СССР
Университетская набережная № 5,
Ленинград

НЕ МЕЖДУ СТРОК, А ЗА СТРОКАМИ

Неизвестно, дошло ли до адресата не слишком почтительное письмо, которое

бережно хранил Максимов. Но сам факт такого письма подтверждает запись в дневнике В. И. Вернадского, который хорошо знал и высоко ценил Гамова (и за несколько месяцев до того выдвинул его кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР).

Поэтому нам следует внимательно прочитать это письмо молодого физика-теоретика вождю и пока еще не корифею всех наук. Читать между строк здесь нечего, а вот пояснить, что́ стоит за строками, стоит.

Прежде всего, очень сильное впечатление производит отвращение молодого физика к гнусным разновидностям идеализма и большая забота о престиже марксизма. Конечно, с волками жить... Но все же надо уметь так выдержать тональность, чтобы не перепутать злобный вой с тоскливым. Если судить по другим сочинениям Гамова (включая рукописные), в свободном владении советским новоязом его никак не заподозришь. Что и не удивительно: три года до осени 1931 года он провел за границей, в лучших физических домах Геттингена, Копенгагена и Кембриджа, где вряд ли оставалось время для обсуждения взглядов товарища Тимирязева.

Г. А. Гамов.

Поэтому за одинокой подписью Гамова проглядывается коллективное творчество, подобное фототелеграммному. Не зря же этот коллектив еще с университетских времен называли джаз-бандом, что значит: оркестр, состоящий из солистов-импровизаторов. Легче всего в этом джаз-письме расслышать партию Ландау, если учесть его убеждения и общественный темперамент, проявившийся, в частности, в его пылкой статье «Буржуазия и современная физика», опубликованной в «Известиях» в 1935 году. Косвенный, но веский довод (для тех, кто знаком с манерами джаз-банда) — дата на письме, совпадающая с днем рождения Ландау.

А почему же в таком случае письмо вождю подписал один Гамов? Потому что только его научное достижение было воспето в газете «Правда» (пролетарским поэтом Д. Бедным). Только он мог себя считать без пяти минут членкором и без двух минут директором Института теоретической физики АН СССР («пять минут» и вправду оказались всего лишь несколькими неделями, а для возникновения ИТФ понадобилось больше трех десятилетий, но это уже другая история).

Возвращаясь от подписи к самому письму, неискушенный взгляд притягивают прежде всего занозистые речения вроде «меньшевиствующего идеализма», но мы, надеясь, что полуживой великорусский язык эпохи строительства социализма еще дождется своего Даля, поясним лишь содержание.

В двадцатые годы физики Советской России имели большие возможности не замечать существование писателей, кормящихся на ниве философских проблем естествознания, хотя среди самих философов (как частенько бывает у людей, не занятых делом) бушевали горячие дебаты, с хлесткими ярлыками и взаимными обвинениями.

В тридцатые годы ситуация резко изменилась — сплошная сталинизация общественной жизни распространилась с государственной и гуманитарной сфер до естественнонаучной. В январе 1931 года постановлением ЦК об уже известном нам журнале «ПЗМ» были открыты два философских фронта — с «механицизмом», лидером которого был назван А. К. Тимирязев, и с «меньшевиствующим идеализмом» во главе с академиком А. М. Дебориным.

А. К. Тимирязев — сын известного биолога («сын памятника», как его называли) и профессор физики МГУ. Он успел получить благословение самого Ленина на фронте воинствующего материализма и был видной фигурой в МГУ и в Наркомпросе. После того, как ему «дали по шапке», его влияние заметно ослабло.

Надо, впрочем, заметить, что смысл и значение газетных обличительных ярлыков на протяжении двадцатых — тридцатых годов очень сильно менялись. В начале тридцатых, если кого-то «пригвождали к позорному столбу», то зачастую гвозди вбивались в одежду, а не в тело. Во всяком случае, механист Тимирязев оставался профессором МГУ и членом редколлегии «ПЗМ», «меньшевиствующий идеалист» Деборин возглавлял Отделение общественных наук АН СССР, а «наглый махист» Я. И. Френкель преспокойно занимался своей физикой.

РИТОРИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЗИЧЕСКАЯ

Да, риторика может быть и физической, если термины употребляются с отрывом от работающих физических понятий.

Антиэфирный пыл в рассказе Гамова и в письме Сталину может вызвать недоумение читателя, который узнает, что одна из статей Эйнштейна 1930 года называется «Проблема пространства, эфира и поля в физике» и что соавтор Гамова по фототелеграмме М. П. Бронштейн в 1929 году опубликовал популярную статью «Эфир и его роль в старой и новой физике» и в конце статьи выразил уверенность, что физики и впредь будут пользоваться понятием эфира.

Разумеется, у генсека нет времени выслушивать объяснение, что эфир Эйнштейна и эфир Тимирязева — это, как говорят на родине Гамова, две большие разницы. А нам, чтобы разобраться в сути дела, придется взять в расчет и третью большую разницу — эфир Гессена.

Тимирязев получил свой эфир в наследство от физики XIX века, он этот эфир «выучил в университете», который закончил за год до появления теории относительности. И будучи человеком твердых принципов, свои представления об эфире в целости и сохранности пронес через всю жизнь. Твердые принципы в науке, особенно в период ее революционных изменений,— вещь весьма обременительная.

Эйнштейну как раз довелось изменить первые принципы физики, и его эфир в 1930 году — это физическое пространство-время, отвечающее своей кривизной за распределение и движение вещества. Поскольку пространство-время не менее универсально и вездесуще, чем старый эфир, можно было сохранить и сам термин, если только окончательно и бесповоротно оставить истории возможность говорить о движении относительно нового эфира. Именно так описал ситуацию один из отправителей фототелеграммы, Бронштейн, в своей статье об эфире в 1929 году.

И если слово «эфир» все же ушло из физики в радиотелевещание, то по причинам психологическим — неблагополучное происхождение мешает жить иногда и словам.

Впрочем, для физиков, крепко держащих в руках эмпирическое, экспериментальное содержание своих понятий и обозначающих их термином, потеря ка-

кого-то одного слова — не событие. Не эфир, так пространство-время или физический вакуум...

Иначе обстоит дело с философом, который непропорционально много внимания уделяет самим понятиям. Поэтому и грань между философией и филологией (самое легкое из джаз-бандовских ругательств) оказывается зачастую весьма стертой, зыбкой. Эту границу легко и многократно переступал, не замечая этого, и Б. М. Гессен. Назвать его противником теории относительности никак нельзя. В 1928 году вышла его популярная книжка, грамотно и даже проникновенно излагающая идеи специальной теории относительности (покончившей со старым понятием эфира), да и свою злополучную статью в БСЭ он закончил отсылкой к статье «Теория относительности». Но для общей теории относительности (возродившей некоторые атрибуты эфира) его физико-математической квалификации не хватало. И он воспринимал слова Эйнштейна об эфире, в сущности, филологически.

Если отнестись к статье Гессена тоже филологически и забыть, что это энциклопедическая статья, призванная подытожить положение дел в физике, то можно и не понять гневной иронии джаз-банда. Гессена можно даже назвать проповедником распространения квантовых идей на общую теорию относительности. Но это — лишь если филологически и если забыть. А если нет, то физическая неадекватность и претензии единственно правильной и самой передовой философии на руководящую и направляющую роль не могли оставить равнодушными молодых физиков-теоретиков.

Если бы эти физики знали, что вихри враждебные квазиэфира не на шутку разовьются в середине тридцатых годов, всего через несколько лет! И главные лица, ответственные за эти вихри, будут вовсе не философы, а физики. В Германии это «черносотенцы» (точнее, коричневорубашечники) и нобелевские лауреаты Ленард и Штарк. А в Советском Союзе, помимо Тимирязева, действовали профессор Н. П. Кастерин, заметно превосходивший Тимирязева по физико-математической части, и академик В. Ф. Миткевич, занимавший гораздо более высокое научное положение, кото-рое он настойчиво использовал на благо эфира.

Хотя аргументы, которыми пользовались эти физики, весьма различались (арийская физика, математизированные построения, борьба материализма с буржуазным идеализмом), причины глубоких эфирных склонностей были общими: с теорией относительности они познакомились уже в «зрелом» возрасте и были они дилетантами в фундаментальной теоретической физике, что не исключает профессионализма в физике экспериментальной и прикладной.

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

после фототелеграммной эпопеи судьбы Г. А. Гамова и Б. М. Гессена пересеклись еще раз. 29 апреля 1938 года решением Общего собрания Академии наук СССР оба были исключены из ее членов вместе с группой других ученых, оставшихся за пределами родины или попавших в ее тюрьмы. К этому моменту Джордж Гамов уже более трех лет пребывал профессором в Новом Свете (в Университете Джорджа Вашингтона), а Бориса Михайловича Гессена уже более года не было на этом свете... ●

С приветом
Искренне Ваш: Г. Гамов
(Георгий сын Антоныча)

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Д. Хэрриот

Сексуальный кошмар

Иллюстрации Ю. Сарафанова

В Дарроуби, бесспорно, Роланд Патридж был белой вороной. Эта мысль в сотый раз мелькнула у меня в голове, когда в окне домишка на другой стороне улицы Трангейт чуть дальше от нашей приемной замаячило его лицо.

Он стучал пальцем по стеклу, подзывал меня знаками, а глаза за толстыми линзами очков полнились тревогой. Я направился к его двери и, когда он открыл ее, шагнул прямо с тротуара в жилую комнату. Жилище его было крохотным — еще кухонька да тесная спальня наверху. Но войдя, я испытал привычное изумление: в этих домишках обитали работники ферм, и обставлены они были соответственно, я же очутился в мастерской художника.

У окна стоял мольберт, стены от потолка до пола были увешаны картинами. В углах к ним прислонялись холсты без рам, а резные кресла и стол, заставленный фарфоровыми безделушками, вносили дополнительный штрих в атмосферу служения искусству.

Объяснялось все это, казалось бы, просто — мистер Патридж и в самом деле был художником. Так чему же изумляться? Однако вы начинали воспринимать мистера Патриджа и его комнату совсем иначе, едва узнавали, что пожилой эстет в вельветовой куртке был сыном бедного фермера, человеком, чьи предки из поколения в поколение трудились на земле.

— Я случайно увидел вас в окно, мистер Хэрриот,— сказал он.— Вы сейчас очень заняты?

— Не очень, мистер Патридж. Вам нужна моя помощь?

Он угнетенно кивнул.

— У вас не найдется минутки для Перси? Я был бы вам чрезвычайно благодарен.

— Ну конечно,— ответил я.— Где он?

Мистер Патридж повел меня на кух-

ню, но тут на входную дверь обрушился чей-то кулак, и в комнату влетел Берт Хардисти, почтальон. Берт церемоний не признавал и брякнул бандероль на стол без всяких разговоров.

— Получай, Роли! — заорал он и повернул к двери.

— Очень тебе благодарен, Бертрам, до свидания,— с невозмутимым достоинством произнес мистер Патридж вслед его исчезающей спине.

Вот еще одно. Почтальон и художник — оба были уроженцами Дарроуби, росли в похожих семьях, учились в одной школе, но даже голоса у них звучали по-разному. Роланд Патридж размеренной, красиво модулированной манерой речи больше всего напоминал адвоката былых времен.

Мы вошли в кухню, где он, старый холостяк, готовил себе сам. Когда много лет назад его отец умер, он немедленно продал ферму. Видимо, простой практичный крестьянский быт настолько не гармонировал с его натурой, что он не собирался медлить. Денег он выручил достаточно, чтобы жить по своему вкусу, и, поселившись в этом убогом домишке, занялся живописью. Все это произошло задолго до моего появления в Дарроуби, и его длинные волосы успели посеребриться. У меня всегда возникало ощущение, что он по-своему очень счастлив, да и трудно было вообразить эту щуплую, почти хрупкую фигуру — среди грязи скотного двора.

Жениться ему тоже, скорее всего, помешали особенности его натуры. В его худых щеках и светлых голубых глазах чудилось что-то аскетическое, а невозмутимая сдержанность, возможно, указывала на отсутствие сердечной теплоты. Хотя последнее никак не относилось к Перси, его собаке.

Перси он любил неистовой ревнивой любовью, и теперь, когда песик подбежал к нам, нагнулся к нему, просто сияя нежностью.

— По-моему, он выглядит прекрасно,— сказал я.— Он же не болен?

— Нет... нет...— мистер Патридж явно испытывал непонятное смущение.— Сам по себе он здоров, но прошу вас, посмотрите на него, не заметите ли вы чего-нибудь?

Я посмотрел на него и увидел только то, что видел всегда: белоснежное косматое миниатюрное создание, которое местные любители породистых собак и другие знатоки презирали как никчемную дворняжку, что не мешало Перси быть одним из любимейших моих пациентов. Лет пять назад мистер Патридж, посмотрев на витрину зоомагазина в Бротоне, тут же капитулировал перед очарованием двух кротких глаз, моляще глядевших на него из полуторамесячного клубка белой шерсти, выложил пять шиллингов и увез свое приобретение домой. В магазине Перси несколько неопределенно называли терьером, и мистер Патридж боязливо поиграл с мыслью, не купировать ли ему хвост. Однако он не нашел в себе сил подвергнуть такой операции предмет своего обожания, и в результате хвост беспрепятственно завернулся на спине в пушистое кольцо.

На мой взгляд, этот хвост создавал приятную симметрию с головой, которая, несомненно, была великовата для туловища, но мистер Патридж натерпелся из-за него всяческих страданий. Старые друзья в Дарроуби, которые, подобно любым сельским жителям, считали себя знатоками любых домашних животных, не скупились на всевозможные критические замечания. Даже я их наслушался. В дни, когда Перси был щенком, говорилось что-нибудь вроде «Пора бы, Роли, убрать этот хвост. Хочешь, я его, так уж и быть, откушу?» А позднее снова и снова можно было услышать: «Эй, Роли, чего же ты своего пса не обкарнал, когда он был щенком? Что у него за вид! Смех один!»

На вопрос, какой Перси породы, мистер Патридж отвечал надменно: «Силихэмский гибрид!» Однако дело тут было куда сложнее: миниатюрное туловище, пышная жесткая шерсть, крупная, довольно благородная голова с торчащими ушами, короткие ноги с кривыми лапами и закрученный хвост превращали его в неразрешимую загадку.

Друзья мистера Патриджа и тут не давали ему пощады, называя Перси то «мышь-терьером», то «блоххаундом», то еще как-нибудь. И хотя маленький художник отвечал на эти шуточки узкогубой улыбкой, я знал, как глубоко они его ранят. Ко мне он питал большое расположение только потому, что я, увидев Перси в первый раз, совершенно искренне воскликнул: «Какой красивый песик!» Да, я был вполне искренен, поскольку требования к экстерьеру породистых собак и тонкости оценки их статей меня никогда не интересовали.

— Но все-таки в чем дело, мистер Патридж? — спросил я.— Ничего необычного я не замечаю.

И вновь маленький художник стеснительно замялся.

— Ну-у... Посмотрите, когда он ходит. Перси, милый, пойдем-ка! — Он направился к противоположной стене, и Перси затрусил за ним.

— Нет... нет... Я не вполне понял, на что мне надо смотреть.

— Поглядите еще разок.— Он прошелся по комнате вторично.— Это его... его... У его заднего конца.

Я присел на корточки.

— А, да! Погодите. Пожалуйста, подержите его так.

Я подошел к ним и вгляделся.

— Да, теперь вижу. Одно яичко у него слегка увеличено.

— Вот... вот именно.— Лицо мистера Патриджа зарозовелось.— Я... э... об этом и говорил

— Подержите его еще немножко.— Я приподнял мошонку и легонько ее ощупал.— Да, левое, несомненно, больше и тверже.

— Что-то... что-то серьезное?

Я взвесил свой ответ.

— Не думаю. У собак опухоли яичек встречаются не так уж редко и, к счастью, метастазы они почти никогда не дают. А потому особых поводов тревожиться нет.

Последнюю фразу я добавил со всей поспешностью, так как при слове «опухоль» его лицо совсем побелело.

— Это рак?..— еле выговорил он.

— Вовсе не обязательно. Опухоли бывают самые разные и далеко не все они злокачественные. Так что не тревожьтесь. Но следить за ним надо. Она вряд ли будет увеличиваться, но если все-таки начнет, обязательно тут же сообщите мне.

— Понимаю... Ну а если она будет расти?

— Ну тогда есть только один выход: удалить яичко.

— Оперировать его? — В глазах маленького художника появился такой ужас, что, казалось, он вот-вот упадет в обморок.

— Да. Но операция легкая. И простая.— Я нагнулся и снова ощупал яичко. Увеличилось оно совсем мало. Из переднего конца Перси лилось непрерывное музыкальное рычание. Я улыбнулся. Он всегда так рычал, мерил ли я ему температуру, подрезал когти или еще как-то ему досаждал, но в этом рычании не было и тени угрозы. Я его хорошо знал: ни тени злобности, а просто желание доказать свое мужество, напомнить мне, какой он молодец. И это не было пустым хвастовством. Несмотря на малый рост, ему хватало и гордости, и смелости. Одним словом, характер у него не оставлял желать ничего лучшего.

Выйдя на улицу, я оглянулся и увидел, что мистер Патридж стоит на пороге и смотрит мне вслед. Он судорожно сжимал и разжимал руки.

А я все время возвращался мыслями в маленькую мастерскую. Я невольно восхищался стойкостью, с какой мистер Патридж занимался тем, чем ему хотелось заниматься, ведь в Дарроуби он не мог рассчитывать ни на малейшее признание. Ловкий наездник, хороший крикетист вызывали почтительный интерес и глубокое уважение. Но художник? Ни в коем случае! Пусть даже он стал бы знаменитостью. Но слава обходила мистера Патриджа стороной. Картины его иногда покупались, но прожить на доход от них он не мог бы. Одной из них я украсил нашу комнатку. На мой взгляд, он обладал несомненным талантом. И я бы наскреб денег и на другие, но, к сожалению, его словно отпугивали те особенности йоркширских холмов, которые мне нравились больше всего.

Умей я рисовать, то постарался бы изобразить, как каменные стенки повсюду расчерчивают их склоны. И попытался бы передать магию бесконечных безлюдных пустошей, черных трясин, над которыми покачивается камыш. Но мистера Патриджа влекли только уютные сюжеты — ивы, клонящие ветки у мостика над ручьем, сельские церквушки, увитые розами домики.

Перси ведь был нашим соседом, а потому видел я его почти каждый день либо из окна нашей комнаты под крышей дома, либо из приемной внизу. Хозяин гулял с ним подолгу и часто, так что почти в любое время дня я вдруг замечал на противоположном тротуаре знакомую тщедушную фигуру, а рядом гордо семенил белый песик. С такого расстояния невозможно было определить, увеличивается ли опухоль, но мистер Патридж мне не звонил, и я полагал, что все хорошо. Может быть, она больше не растет — такое иногда бывает.

Глядя на Перси, я вспоминал всякие эпизоды из его жизни и особенно драки, участником которых он был. Нет, Перси никогда сам их не начинал. При росте в десять дюймов он не был дураком, но почему-то большие собаки, увидев изящное белоснежное создание, кидались на него без предупреждения. Из наших окон мне доводилось наблюдать несколько таких драк, и всякий раз происходило одно и то же: стремительный бросок, рычание, визг — и нападавший шарахался прочь с кровоточащей раной.

А Перси оставался цел и невредим — густая упругая шерсть служила ему на-

дежной броней — и всегда успевал куснуть снизу. Мне приходилось накладывать швы не одному уличному забияке после его стычки с Перси.

Прошло около полутора месяцев, прежде чем мистер Патридж появился в приемной. Вид у него был очень тревожный.

— Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели Перси, мистер Хэрриот.

Я поднял песика на стол. Не понадобилось даже ощупывать.

— Боюсь, она сильно увеличилась — Я посмотрел через стол на маленького художника.

— Я знаю... — Он замялся. – Так что вы посоветуете?

— Ну, тут нет никаких сомнений: его надо оперировать.

Глаза за толстыми линзами расширились от ужаса и отчаяния.

— Оперировать! — Он уперся в стол обеими ладонями.

Я ободряюще улыбнулся.

— Я понимаю ваши чувства, но, честное слово, причин тревожиться нет. Я ведь вам говорил, что операция очень простая.

— Я знаю, знаю! — простонал он. — Но я не хочу, чтобы его... чтобы его резали. Поймите же! Одна мысль об этом...

И я не сумел его переубедить. Он категорически отказался даже думать об операции и решительным шагом вышел из приемной вместе с Перси. Я смотрел, как он идет через улицу к своему дому, полагая, будто знал, на что именно он себя обрекает. Но нет, тогда я и представить себе не мог, чем это обернется.

Истинным мученичеством, не более и не менее!

По моему мнению, «мученичество» — наиболее подходящее слово для того, что пришлось пережить мистеру Патриджу в следующие недели,— янчко с каждым днем становилось все массивнее, а манера Перси закручивать хвост колечком открывала его на всеобщее обозрение.

Когда они гуляли, люди оборачивались и смотрели им вслед. Перси трусил как ни в чем не бывало, а мистер Патридж сосредоточенно смотрел прямо перед собой, делая вид, будто ни о чем не подозревает. Мне было больно смотреть на них, а особенно на бедного изуродованного песика.

Невозмутимое достоинство мистера Патриджа всегда делало его объектом дружеских насмешек, которые он переносил стоически. Но теперь, когда они сыпались на Перси, он глубоко страдал.

Как-то днем маленький художник привел Перси в приемную, и мне показалось, что он вот-вот расплачется. Я мрачно осмотрел мошонку. Она теперь отвисала на добрые шесть дюймов и покачивалась действительно самым смешным образом.

— Знаете, мистер Хэрриот,— еле выговорил художник,— какие-то малолетние хулиганы написали мелом на моем окне: «Спешите видеть знаменитую китайскую собаку Вон Ви-сит». Я только сейчас кончил отмывать стекло.

Я потер подбородок.

— Стоит ли обращать внимание на шутку с такой бородой? На вашем месте, мистер Патридж, я бы выкинул это из головы.

— Не могу! Я ночей не сплю.

— Так почему же вы не позволяете мне прооперировать его? Вы бы сразу избавились от всех тревог.

— Нет! Нет! Я не в силах...— Его голова поникла, лицо дышало невыразимой горестью. Он устремил на меня испуганный взгляд.— Я боюсь, понимаете? Я боюсь, что он умрет под анестезией.

— Ну послушайте! Он крепкий, сильный. Для подобных страхов нет никакого основания.

— Но риск ведь все-таки есть? У меня опустились руки.

— Операций без какой-то доли риска не бывает, да, конечно... Однако в данном случае...

— Нет. И довольно! Слышать об этом не могу! — крикнул он и, схватив поводок Перси, выбежал из приемной.

Дальше все шло хуже и хуже. Опухоль продолжала расти, и теперь я уже хорошо видел ее из окна приемной, когда песик проходил по противоположному тротуару. И еще я замечал, что взгляды встречных и неизбежные насмешки начинают сказываться на мистере Патридже — щеки у него ввалились, лицо побледнело.

Но поговорить мне с ним пришлось лишь через несколько недель, в базарный день. Начинался дневной прием, и окрестные фермеры заходили расплатиться по счетам. Я прощался с одним из них и тут заметил, что по тротуару напротив идут Перси и его хозяин. И сразу же обнаружил, что песик отставляет заднюю ногу, чтобы не задевать разросшейся опухоли.

Я не выдержал и окликнул мистера Патриджа.

— Послушайте,— сказал я, когда он перешел улицу,— дайте же мне убрать эту штуку! Она мешает ему ходить, он хромает. Долго так продолжаться не может!

Художник ответил мне затравленным взглядом. Мы продолжали молча стоять на крыльце, но тут из-за угла с чековой книжкой в руке вышел Билл Долтон. Билл, краснолицый корпулентный фермер, большую часть базарных дней проводил в «Черном лебеде», и теперь, когда он твердым шагом подошел к крыльцу, нас обволокла волна пивных паров.

— Эгей, Роли, старина! Ну как делишки? — взревел он, хлопая маленького художника по спине могучей ладонью.

— Прекрасно, Уильям, благодарю тебя. А как ты поживаешь?

Но Билл не ответил. Все его внимание сосредоточилось на Перси, который прошел вперед по тротуару. Билл несколько секунд не отводил от него ошеломленных глаз, а затем с подавленным хихиканьем обернулся к мистеру Патриджу и скроил серьезную мину.

— Знаешь, Роли,— сказал он,— этот твой волкодав ну прямо списан с того молодого китайца, у которого были разные яйца: одно за его грехи меньше собачьей блохи, зато другое побольше зайца! — Декламацию он завершил взрывом громового хохота, после чего бессильно повис на железной решетке.

Мне показалось, что мистер Патридж сейчас его ударит: глаза его сверкали яростью, подбородок и губы тряслись... Но тут он взял себя в руки и обернулся ко мне.

— Можно вас на пару слов, мистер Хэрриот?

— Конечно,— ответил я и пошел рядом с ним по улице.

— Вы правы,— сказал он.— Перси операция необходима. Когда вы им займетесь?

— Завтра,— ответил я.— Не кормите его больше. Завтра я вас жду в два.

Когда на другой день я увидел песика на операционном столе, то испытал необыкновенное облегчение. Анестезиологом был Тристан, и я быстро удалил огромное яичко, захватив и значительную часть семявыводящего протока, чтобы наверняка убрать все ткани, задетые опухолью. Тревожило меня только то, что из-за долгой задержки с операцией была уже затронута мошонка, а это могло привести к рецидиву. И тщательно удаляя из стенки мошонки пораженные места, я проклинал нерешительность мистера Патриджа. Наложив последний стежок, я мысленно подержался за дерево.

Маленький художник пришел в такой восторг, увидев, что его любимец после моих манипуляций и жив, и избавился от безобразной опухоли, что у меня не хватило духа высказать свое опасение, но мне было немного не по себе. Если опухоль разрастется вновь, поручиться за успех новой операции я уже не мог.

Ну а пока я радовался возвращению моего пациента к нормальной жизни. У меня теплело на сердце всякий раз, когда я видел, как он семенит по улице, такой же бодрый и веселый, но освобожденный от уродства, которое так отягощало жизнь его хозяина. Иногда я словно случайно шел за ним по улице к Рыночной площади, ничего не говоря мистеру Патриджу, но внимательно поглядывая на задние ноги Перси и основание хвоста.

Удаленное яичко я отослал в патологическую лабораторию Ветеринарного колледжа в Глазго и получил ответ, что это опухоль из клеток Сертоли. Они добавили утешительные сведения: этот тип опухолей обычно доброкачественный и лишь в редких случаях дает метастазы во внутренние органы. Возможно, это усыпило мою бдительность, потому что я перестал следить за Перси и, занятый

новыми пациентами, просто забыл о его злоключениях.

А потому, когда мистер Патридж привел его в приемную, я не сомневался, что их привела сюда совсем другая причина. И когда хозяин поставил его на стол и повернул хвостом ко мне, я даже не сразу понял. Потом с тревогой наклонился к нему, увидев безобразное вздутие с левой стороны мошонки. Я быстро ее ощупал под раздражающий аккомпанемент ворчания и порыкиваний. Сомнений не было: опухоль. И на этот раз мошонка была воспаленной, прикосновение к ней — болезненным. Активно растущая опасная опухоль, какие мне редко доводилось видеть.

— Быстро растет, так? — спросил я.

Мистер Патридж кивнул.

— О да, увеличивается прямо на глазах.

Да, ничего хорошего! Убрать ее хирургически не стоило и пытаться — бесформенная диффузная масса без четких границ. Если попробовать хоть что-то, кроме осторожной пальпации, так я сам вызову ее распространение на внутренние органы, а тогда Перси не спасти.

— Опаснее той? — спросил маленький художник и всхлипнул.

— Да... боюсь, что да.

— Но хоть что-нибудь сделать можно?

Я подыскивал слова, чтобы как можно мягче ответить на его вопрос отрицательно, и вдруг вспомнил статью в ветеринарном журнале, которую прочел неделю назад. В ней описывался стилбоэстрол, новое средство, рекомендуемое для гормонального лечения животных. Но перед моими глазами всплыли строчки, набранные мелким шрифтом — препарат этот давал положительные результаты при лечении рака простаты у мужчин... А вдруг?

— Я хотел бы кое-что испробовать, — сказал я, внезапно воспрянув духом.— Гарантировать, к сожалению, ничего не могу, средство совсем новое. Но поглядим, что даст недельный или двухнедельный курс.

— Отлично, отлично, — выдохнул мистер Патридж, хватаясь за соломинку.

Я позвонил «Мею и Баркеру», чтобы мне немедленно прислали стилбоэстрол.

Я ввел Перси 10 миллиграммов маслянистой жидкости и прописал ему ежедневно десять таблеток. Огромные дозы для маленькой собачки, но в такой отчаянной ситуации они, на мой взгляд, были оправданы. Теперь оставалось только ждать.

Примерно неделю опухоль продолжала расти, и я чуть было не прекратил лечения, но затем несколько дней рост этот вроде бы замедлился, а потом настал день, когда я с неизъяснимым облегчением убедился, что она больше не увеличивается. Нет, я не собирался бросать в воздух шляпу, я отдавал себе отчет, что еще многое может случиться, но тем не менее мое лечение принесло пользу — остановило это роковое развитие.

Походка мистера Патриджа во время прогулок обрела прежнюю эластичность, а когда уродливая масса начала уменьшаться, он, проходя мимо окна приемной, приветственно махал рукой и радостно указывал на белого песика, бежавшего рядом с ним.

Бедный мистер Патридж! Он был на вершине счастья, но судьба уже припасла ему новый мученический венец, куда более неожиданный и странный.

Вначале ни я, ни другие соседи не осознали, что происходит. Мы видели только, что на нашей улице вдруг появилось множество собак, причем незнакомых, с других концов городка — больших псов и маленьких, косматых дворняг и прилизанных аристократов. Все они словно бы бесцельно кружили по улице. Но затем обнаружилось, что их влечет к себе домишко мистера Патриджа.

Однажды я выглянул из нашего окна, и меня как молнией поразило: они же липнут к Перси! Каким-то образом он обрел притягательность суки во время течки. Я бросился вниз к моим справочникам. Да-да! Вот оно! Опухоль из клеток Сертоли иногда придает кобелям сексуальную привлекательность для других кобелей. Но почему сейчас, а не раньше, когда опухоль была больше? Или причина в стилбоэстроле? Действительно, в статье об этом препарате указывалось его феминизирующее воздействие. Но не до такой же степени!

Какова бы ни была причина, факт оставался фактом: Перси попал в настоящую осаду, причем стая его поклонников неизменно увеличивалась — к ней примкнули несколько псов с ближних ферм, датский дог, являвшийся из самого Хултона, и Магнус, маленькая такса из «Гуртовщиков». Очередь возникала буквально с первыми лучами рассвета, а к десяти часам по улице нельзя было проехать из-за кружащих псов. К завсегдатаям присоединялись случайные бродяги, которых охотно принимали в клуб, невзирая на породу или величину. Так что число глупых морд, вывалившихся языков и виляющих хвостов все время пополнялось — весь этот пестрый сброд объединялся силой похоти в буйное непристойное товарищество.

Мистер Патридж должен был страдать невыносимо. Порой я замечал, как из своего окна он гневно сверкает очками на эту ораву, но обычно он держал себя в руках, спокойно трудился у мольберта, словно игнорируя разношерстную публику на улице, жаждущую посягнуть на его сокровище.

Власть над собой он терял очень редко. Я был свидетелем одного такого случая, когда он вылетел из двери с воплями, размахивая палкой. Куда девался его изысканный лоск! И орал он на них, как взбешенный йоркширский фермер:

— Вот я вас, ублюдки поганые! Пшли отсюда!

Он мог бы и поберечь силы — стая разбежалась. Но уже через несколько минут все вернулось на круги своя.

Я от души сочувствовал маленькому художнику, но помочь ему ничем не мог. Для меня важнее всего было, что опухоль уменьшается, но должен признаться, что следил за развитием событий я, напротив, не без недостойного любопытства.

Прогулки Перси были чреваты большим риском. Мистер Патридж выходил из дома, только вооружившись палкой, а Перси вел на коротком поводке. Но все эти предосторожности не спасали его от накатывающейся волны собак. Обезумевшие от страсти псы наперебой старались взгромоздиться на бедняжку Перси, и художник тщетно кричал на них и молотил палкой по косматым спинам. Так эта двусмысленная процессия и следовала через рыночную площадь, к большому удовольствию всех, кто там находился.

В обеденное время большинство собак устраивало перерыв, а в сумерках все отправлялись спать — все, кроме одного темно-коричневого спаниеля нечистых кровей, который фанатически не покидал своего поста. По-моему, он две недели обходился практически без пищи,— во всяком случае, он превратился в ходячий скелет и, вероятно, протянул бы ноги, если бы Хелен не подкармливала его кусочками мяса, когда он, дрожа в холодном вечернем мраке, жался к заветной двери. Я знаю, что он оставался там всю ночь. Порой в самые глухие часы меня будил пронзительный визг, и я догадывался, что мистеру Патриджу удалось попасть в него из окна каким-нибудь метательным снарядом. Но и это не помогало: он продолжал упрямо нести свою вахту.

Не знаю, как долго сумел бы мистер Патридж продержаться, если бы такое положение вещей длилось без конца. У меня есть основания думать, что он помешался бы. Но, к счастью, кошмар явно начинал идти на убыль. Стая мало-помалу редела, по мере того как состояние Перси улучшилось, и в один прекрасный день даже темно-коричневый спаниель убрался восвояси, не слишком охотно оставив привычный пост ради своего неведомого нам дома.

В тот день я в последний раз водворил Перси на стол и с большой радостью пропустил между пальцами кожу мошонки.

— Там больше ничего нет, мистер Патридж. Даже легкого утолщения. Абсолютно ничего.

Маленький художник кивнул.

— Да, это чудо, верно? Я вам чрезвычайно благодарен за все, что вы сделали. Я так беспокоился!

— Легко могу себе представить! Для вас это было очень тяжелое время. Но я радуюсь не меньше вас — ничто не дает такого удовлетворения, как удачный эксперимент.

Однако годы и годы после этого, глядя, как мистер Патридж со всем своим прежним достоинством ведет на поводке Перси, вновь красивого и гордого, я раздумывал над этой странной интермедией.

Действительно ли стилбоэстрол заставил рассосаться опухоль или это произошло само собой? А сексуальный кошмар — был ли он следствием лечения? Или состояния опухоли? Или и того и другого?

Ответа я не знаю, но конечный результат был самым счастливым. Опухоль больше не мучила Перси и мистера Патриджа... Как и оголтелые псы.

По поводу этого пораженного раком яичка ко мне обращались ветеринары и врачи из всех уголков мира в надежде, что я сумею помочь в других подобных случаях. С грустью приходится сказать, что стилбоэстрол далеко не всегда помогает. Но я рад, что он помог Перси, хотя бы и ценой уподобления суке в течке. Однако вспоминая о псах, заполонивших улицу перед дверью мистера Патриджа, я вдруг осознаю, как редко мы сейчас видим в нашем городке что-либо подобное. Много лет назад такие влюбленные сборища были обычными, но теперь они практически ушли в прошлое. Причина, конечно, отчасти заключается в кастрации сук, которая теперь ведется в широких масштабах, и всяческих инъекциях и таблетках, прекращающих течку. Многие люди предпочитают сук кобелям, но раньше на выбор влияла эта физиологическая особенность, с которой теперь, к счастью, можно не считаться. ●

Перевод с английского И. ГУРОВОЙ

Б. Гребенщиков

Роман, который никогда не будет окончен

Фрагменты

Нить горизонта сожжена зарей,
И снова нам рассвет отдал дороги.
Мы разорвали кандалы времен,
Чтоб говорить с Не Знающим имен,
Переступая новые пороги,
И только песней путь не озарен...

Подходя к поляне, он заметил, что черные, странных очертаний деревья почти совсем скрыли от него происходящее, и даже о том, что перед ним — поляна, он догадался только по всплескам голубого сияния и звучанию инструментов. Звучали они превосходно: торжественные, полные скрытой мощи органные аккорды наплывали на мелодию скрипок, нежно пели флейты, и только время от времени странным диссонансом ухал паровой молот. Уинки так и не смог до конца уяснить себе, чем же хорош этот Бискайю Фрумпельх, непревзойденный мастер игры на Хаммонском паровом молоте, хотя именно о нем шептали афиши, развешанные на каждом информационном дереве и тщательно выписанные на боках неповоротливых сырвуйстверей:

Электрических симфоний Эмуукский регальный оркестр Абнуцеала исполняет Третью симфонию ля мажор Теофилиуса Сюртескьера при участии неповторимого Бискайю Фрумпельха

Вход обязателен

Уинки, подойдя поближе к полянке, увидел, что, кроме оркестра, там никого не было. Но сам оркестр представлял собой настолько необычное зрелище, что Уинки сразу забыл о видимом отсутствии слушателей, предоставив глазам своим всласть вкусить радость созерцания. Оркестр погрузился в пучину исполнения. Смычки скрипачей слаженно пилили воздух, время от времени касаясь струн, что производило потрясающий звуковой эффект, контрабасист — краснощекий толстяк в декольтированном сзади розовом фраке — с такой энергией щипал струны своего огромного контрабаса, что, казалось, готов был выщипать их до основания.

То, что его инструмент пытался время от времени превратиться в молодое деревце, о чем неоспоримо свидетельствовали зеленые листочки, прорезавшиеся на грифе, когда контрабас замолкал, видимо, его ничуть не смущало.

Перед каждым музыкантом возвышалось странное сооружение, похожее на бред умирающего паука-сюрреалиста. Вглядевшись, Уинки понял, что эти конструкции выполняют в основном роль подставки для нот, страницы которых переворачивали порхавшие в воздухе огромные яркие бабочки. Наверху у каждой такой подставки красовалась подзорная труба. Проследив, куда были направлены эти не совсем обычные для симфонического оркестра приспособления, Винкль увидел главную фигуру вечера: на замшевом пеньке, чуть возвышаясь перед оркестром, находился маленький человечек, в котором по буйству движений можно было безошибочно угадать дирижера. Он метался по своему пню, размахивая руками, подпрыгивая и хватаясь за голову, он дирижировал всем, чем мог, — руками, ногами, головой и даже, казалось, фалдами сюртука. Уинки попытался отыскать глазами паровой молот, столь разрекламированный в афише, но огромный ствол дерева заслонил от него как раз этот угол поляны. Подвинувшись вправо, он наступил на чью-то ногу.

— Простите, — рассеянно пробормотал он, пытаясь все-таки разглядеть виртуоза-молотобойца через густую листву.

— Что вы, что вы,— возбужденно прошептал этот кто-то из тьмы и без всякой паузы продолжал: — А что, вам нравится?

Винкль поморщился, ибо всегда не любил слушать и разговаривать одновременно, однако понимал, что молчанием не отделается, и отвечал:

— Да, это весьма круто!

И продолжал наблюдать за знаменитым паровым молотом, который в это время пришел в полный исполнительский экстаз и, судя по всему, пытался засунуть голову между молотком и наковальней. Эта короткая реплика вызвала у невидимого собеседника целый шквал восторженного сопения и нечленораздельных комментариев, которые под конец сложились в более или менее понятное заявление о том, что Винкль — очень крутой и неслабый мэн и что у него, у Винкля то бишь, очень крутой и неслабый музыкальный вкус и он торчит от одной из самых крутых и неслабых команд мира. Винкль поднял голову, чтобы посмотреть на разговорчивого почитателя Эмуукского регального оркестра, но, в темноте разглядев только контуры собеседника, пробормотал: «Ну да» и снова углубился в созерцание музыкантов. Тем временем концерт, судя по всему, подходил к концу, звуковая буря достигла своего апогея, рабочие конечности дирижера двигались с такой быстротой, что их не было видно. Несравненный Бискайю Фрумпель корчился в судорогах у своего молота, из которого исходили звуки, похожие на предсмертный рев сумасшедшего слона. Наконец дирижер подпрыгнул в последний раз, молот испустил струю красного пара, и оркестр замолк. Свет стал относительно ярче и, несмотря на отсутствие слушателей, раздались громкие аплодисменты. Дирижер раскланялся с невидимой публикой, соскочил с пенька. Контрабасист вытер полой своего фрака пот с лица и погладил контрабас, который аж изогнулся от удовольствия и, немедленно выбросив массу зеленых побегов, без всякой помехи стал превращаться в дерево. Меж музыкантами забегали крохотные белые человечки, разнося прохладительные напитки: концерт был окончен.

...Музыка вошла неожиданно, и никто не смог уловить того мгновения, когда люди на сцене перестали быть людьми из плоти и крови и воплотились в звуки.

Этот материал оформлен живописными работами Бориса Гребенщикова.

Б. Гребенщиков.
Роман, который так и не был окончен

Кровь прихлынула к вискам Дэвида, чудо воплощения охватило его. Вздрогнув на ветру, растаял мир, и вспыхнуло, как сухая трава, сердце. Скрипач, еще совсем юный, ласкал скрипку длинными нежными пальцами. Она пела, как поют деревья, готовые отдать себя ночи, как поют июльские поля на восходе. Он смотрел куда-то мимо всего со строгим застывшим лицом. Потом музыка взрывалась, и скрипка, как раненая птица, срывалась в штопор, обезумевшей гоночной машиной носилась по кругу, распиливая реальность, вылетая на крутых виражах из пространства и времени, опровергая закон гармонии и разрезая небо надвое.

Битком набитый зал постепенно накалялся. Обычные разговоры словно обрезало ножом. Впрочем, их бы не было слышно, и лица, обращенные к сцене, как к Богу, начинали расплавляться в этом шторме звука. Вразнобой стучащие сердца обрели единое биение, слившееся с пульсом песни. Маленький косматый человек рядом с Дэвидом, только что распевавший что-то во всю глотку, куривший четыре сигареты сразу и вообще веселившийся вовсю, замолк и, судорожно раскрыв глаза, пил музыку всем своим существом, а скрипка писала на его лице отчаяние.

Становилось все горячее. Пианист, забыв обо всем, бросился в море клавиш, и руки его вспыхивали, как зарницы, разбиваясь о ноты и рождая гармонию. Ударник уже не существовал как человек, а были только палочки, бившиеся в пальцах о барабан, как о мир; изредка из-под развевающихся волос прорезал воздух невидящий предсмертный оскал. Песня рвала на части, чтобы выпустить наконец свет из людских сердец, и на самой высшей точке, когда дальше идти было некуда, человек с гитарой засмеялся в микрофон. Так мог бы засмеяться дьявол, и вдруг он рванулся вверх и вперед, а гитара — кричащая птица — полетела впереди, как душа, вырванная из тела...

Микрофон выглядел слишком неустойчиво. Он опять порадовался, что вовремя поставил на свою любимую гитару пьезокристалл — теперь можно петь, не думая о том, что гитару не будет слышно. Струны вздрогнули под жадными пальцами, было слышно, как из этого касания рождаются высокие чистые звуки. Они с гитарой понимали друг друга, как понимают любовники, прожившие вместе дожди и солнце.

«Ни одна женщина не умеет так любить»,— подумал он и обернулся к фортепиано. Снизу, из зала, не было слышно, что он сказал тому, кто, словно падший ангел, касаясь клавиш распущенными волосами, озабоченно возился с непослушной стойкой, но руки его даже во время разговора гладили струны короткими, едва уловимыми движениями. Потом левая рука приникла к грифу, а пальцы правой уверенно резанули по струнам, и, уже начав петь, он впервые посмотрел в зал поверх микрофона, как поверх прицела.

Лиц он не видел. Как река, чувствовал течение своего голоса и прикосновение берегов. Песня представлялась ему в этот момент живым существом — девушкой, идущей по напряженному канату, напряженная под холодным дыханием нацеленных на нее глаз, она защищена лишь сознанием своей любви... Голоса сплетались в неистовой пляске, руки, бьющие струны, словно очерчивали бьющееся тело, и кружева клавиш странным узором рисовали развивающиеся по ветру волосы на голубом небе, как бледно-золотое знамя любви. Они летели над холодной пустыней зала, как упоенный крик рук, обреченный на смерть завтрашним днем, прекрасный в своем последнем забытье. «Ты помнишь смятую лаской траву? Помнишь теплый, как парное молоко, асфальт под босыми ногами? Помнишь?» — так пел он, хотя слова пели о другом.

Он пел. Последний всплеск гитары был как последний всплеск волны. И, защищенный от непонимания зала так же, как от его признания и мимолетной любви, он опять недоверчиво покачал ненадежную стойку и, сдвинув гитару на бок, поднимал похожий на камышину противовес. Только против одного он не был защищен — где-то в конце зала безошибочно выбранное освещение выхватило, как алмаз из песка, черную тень с разлившимся по плечам побледневшим золотом, которая, сладко опершись о стенку, смеялась с кем-то, даже не глядя в их сторону. Гитара заворчала в его руках. Тогда он опомнился и, улыбнувшись чересчур широко, сказал что-то пианисту, и они засмеялись, только пальцы его все гладили и гладили гриф, словно внезапно ослепли...

Ленинград,
1975 год

А. Липницкий

«Положись на упование Божие...»

Но о главном не пишут в газетах,
И о главном молчит телеграф.

В. Гребенщиков,
«Капитан Воронин»

Кто-то сказал —
И забил в небо гвозди.

А. Башлачев,
«Былина»

Вынырнув из недр «Аквариума» и выкарабкавшись на сушу в одиночку, Борис Гребенщиков стал в еще большей степени «Б. Г.». В Америке в окружении всех атрибутов большого шоу-бизнеса они вместе с Титовым[1] выглядели как рыбы на песке. Родина рок-н-ролла отторгла инородное тело — уникального русского медиума.

Б. Г.: — Единственный, кто у нас умел играть рок-н-ролл, и то по-русски, был ранний Майк[2]. Я могу определить это зыбкое понятие так: если вместе с песней появились мурашки по телу, пришло ощущение риска, опасности,— это рок! Такого у нас никогда ни у кого, кроме Майка, не было. А он это чувство потом потерял. Все, что было в Ленинграде позже, вообще должно называться как-то иначе, я не могу подобрать слов...

Итак, пройдя школу «Коламбия Рекордз» и всех лучших клубов США и Англии, Б. Г. вернулся на растревоженную родину один и отнюдь не на белом коне: западный проект провалился, с группой контакт был утерян. Попытки реанимации предпринимались, но смотреть на это было неловко.

Б. Г.: — С этим я категорически не согласен. Во-первых, пластинка (Radio Silence), по общему мнению, была вовсе не плоха. Да, было много ошибок и у менеджеров CBS, и у посредников, и, естественно, у меня, но к самой музыке это отношения не имеет. Во-вторых, контакт с «Аквариумом», если и был утерян, то только с Титовым, но по сугубо личным мотивам. Не так давно я смотрел по видео наши последние московские концерты (зимой девяносто первого года): очень все было здорово, полное взаимопонимание.

На самом деле «Аквариум» потерял жизнеспособность уже во время работы над «Равнодействием», ведь на этом альбоме

[1] Бас-гитарист «Аквариума».
[2] Лидер ленинградской группы «Зоопарк».

Свияжск, 1991. Фото А. Липницкого.

Более крепкого тыла у Б. Г. никогда не было: за барабанами — Рэй Купер (фото В. Усова).

нами был загублен первоклассный материал. Меня всегда будут точить аоспоминания о том, сколько неиспользованных возможностей осталось в песнях «Аквариума». Ведь мы, как правило, торопились придумать и сыграть что-то новенькое, так что процентов на 70 оставляли песни недоделанными. В этом заключается принципиальное отличие от западного подхода — там все доводится до максимально возможной законченности. И в-третьих, я никогда не противился судьбе, западная манна не пролилась бы на меня, если бы «Аквариум» был жив, а раз так случилось,— значит, так надо! Если бы я не имел эти восемь безмятежных месяцев в Англии в девяностом году, свежее дыхание ко мне бы не пришло; чтобы его сохранить, мне необходим был разрыв с «Аквариумом». Так что сибиэсовской одиссее я обязан новыми песнями.

Весной 1991 года, отыграв в «Аквариуме» вместе с Майком в последний раз «Пригородный блюз», Б. Г. ушел из группы навсегда. Почти в один год умерли все три великие ленинградские группы — «Кино», «Аквариум», 27 августа 1991 года вместе с гибелью Майка кончился и «Зоопарк». Б. Г. остался гол — ни денег, ни контрактов, ни квартиры (семья тоже новая). Даже менеджера в начале года у него не было.

Дело было на рубеже зимы и весны, и у меня теперь, задним числом, последний виток творчества Бориса ассоциируется с ледоходом, не теперешним, регулируемым плотинами и кнопками ГЭС, а с тем, что я еще застал в раннем детстве. День за днем набухали силы природы, и ожидание первых трещин на белой спине реки было невыносимым. Но сколько детского восторга аызвал решающий день штурма!

Так было и в этот раз с новыми песнями Бориса.

Еще зимой тихая песня «День радости» вселила надежды, но они долго оставались втуне... Потом одна за другой — «Никита Рязанский», «Сирин...», «Волки и Вороны», «Ласточка»...

Приехав с бэндом Б. Г. на майские гастроли в Казань, я был ошеломлен высочайшим качеством концерта.

Б. Г., единственный из триумфаторов восьмидесятых, въехал в девяностые на «новой резине»[1].

Борис Гребенщиков — не первый художник, бросивший перчатку демонам русского самовластья. Сотни предшественников сгорели на этом пути, заронив в нас искры надежды.

Нельзя не вспомнить его великих коллег Галича, Высоцкого и Башлачева, прошедших через делание себя, подъемы и срывы — пьянство, наркотики (кроме Галича), позднее крещение как прозрение... И все же для меня Б. Г. — человек принципиально иной, новой формации (по сраанению даже с более молодым Александром Башлачевым).

Эта замечательная тройка, на мой взгляд, так и не смогла выбраться из-под обломков коммунального сознания. Слово «мы» — определяющее и для их поэзии.

Высоцкий, продираясь от мы к себе, порушил немало леса на опушке, но в материковую тайгу русского сознания не вошел с легкой и спокойной душой, а только в состоянии сосредоточения. Состояние *недеяния* было дано лишь одному поэту в России — Пушкину, и именно на этом камне незыблемо стоит в веках пьедестал его авторитета.

С Башлачевым иначе: у него, увы, перед началом игры было слишком мало козырей, а крапленые карты он не применял. А ведь художнику они порой необходимы, хотя бы и для спасения своего физического существования. Ведь у Галича и Высоцкого имелись для оттяга немалые кайфы — это женщины, вино; слава — у Высоцкого — в кругах театральной богемы, у Галича — в литературной. Башлачев же в своем северном раскольничьем экстремизме даже крест сменил на колокольчик, а значит — ему и в церковь дорога была заказана.

В. Г. — ученый рок-н-ролла. Все выше сказанное мною он давно знает. И гораздо больше моего. Пожалуй, именно неутомимой пытливостью Бориса я объясняю определение, данное ему коллегой по ранним альбомам, продюсером Андреем Тропиллой: «Борис самый непотопляемый из всех известных мне людей».

«На Бога надейся, а сам не плошай» — в этом весь Б. Г. Покуда он не обрел русского Бога, он «цеплял за бока» всех остальных богов — в книжках, пластинках, странниках, забредавших к нему на Перовскую, женщинах и камнях. Это требует пояснений. Путь Б. Г. скорее раскроется эпизодом из фильма «Сталкер». Помните, за кадром некто вещает «Дао дэ цзин», а герой всматривается в воду, скрывающую символы многовековых духовных исканий человечества. Среди них как первый среди равных — лик Христа. Но если Тарковский, оседлав истину, принял на себя схиму скрытнической заповеди «Если зерно не умрет, то не даст плода», то Б. Г. пока удается «идти по жизни, смеясь». Как это возможно а наши дни? Рецепт — в песне «Никита Рязанский»:

Никита Рязанский
строил город,
и ему не хватило гвоздя.
Никита Рязанский
протянул ладони
и увидел в них капли дождя.
Никита Рязанский
оставил город и вышел в сад.
Никита Рязанский
оставль старце и учаше кто млад.
Святая София, узнав о нем,
пришла к нему в дом.
Святая София искала его
и нашла его под кустом.
Она крестила его соленым хлебом
и горьким вином.
И они смеялись и молились вдвоем:
Смотри, Господи, крепость
и от крепости — страх.
Мы, Господи, дети у тебя в руках,
Научи нас видеть тебя за каждой бедой,
Прими, Господи, этот хлеб и вино.
Смотри, Господи, вот мы уходим на дно —
Научи нас дышать под водой.
Девять тысяч церквей
ждут его, потому что
ОН должен спасти.
Девять тысяч церквей
ищут его и не могут его найти.
А ночью опять был дождь,
и пожар догорел —
нам остался лишь дым.
Но город спасется,
пока трое из нас
продолжают говорить с ним.

«Никита» — главная, определяющая песня из нового цикла Б. Г., и фраза «Девять тысяч церквей ищут его и не могут его найти» выявляет и личностный подход автора к искусству жить. Если ты неуловим,— значит, ты непобедим, что и означает тропилловское «непотопляем».

«Я дорог, пока меня никто не знает» — замечание Лао-цзы, одно из самых разумных наблюдений, сделанных человеком.

Для любой «звезды» главная задача — не попасться в лапы собственному мифу. Промашка а тот момент, когда уже все было сделано, сгубила и Мэрилин Монро, и Юрия Гагарина, и Виктора Цоя, притом с последними двумя я имел честь быть знакомым, и скромнее людей трудно было сыскать. Но эти герои искали славы и не готовились к схватке с ней.

Б. Г.: — Цой позволил своему мифу слишком много: он отождествил себя с ним. И легенда поглотила ее создателя, человека. Витька не знал, что от славы надо уметь ловко уворачиваться в критические моменты.

Б. Г. хорошо считает чужие ошибки. Для него образец отношений с собственным мифом — вечно ускользающий Кокто. Я бы еще привел пример Пабло Пикассо. Для подобной мобильности художнику, помимо специфического таланта, необходимо и особое знание некоторых приемов магии. И уверяю вас, что Б. Г. потратил немало времени на усвоение специальных предметов, от которых зависит жизнь человека, вошедшего в славу.

Все, что я уже сказал, было лишь предлогом для того, чтобы попытаться объяснить, почему русский Бог «принял» в 1991 году Бориса Гребенщикова. Я убедился в том, что это произошло, наблюдая, как легко Борис входил в храмы древних русских городов, как открывались ему тайны чудотворных икон, как сами образа находили его: люди подходили и дарили ему иконы, а он в свою очередь вместе с молодыми соратниками по новой группе передавал их в разоренные святыни — в Соловецкий монастырь, в московскую «Троицу в Листах», в петербургские соборы. На моих глазах Борис

[1] Водители меня поймут, к тому же это совпало с новым увлечением Бориса — ездой на стареньком, но первом своем автомобиле.

стал проводником еще одной, новой, чуть ли не материально выраженной божественной воли.

Сегодня его подстерегают опасности иного уровня. Он опять оторвался от мифа, а тот шуток не любит и наверняка устремился в погоню. Но на сей раз у Б. Г. не слабые защитники в лице русских святых и небесных покровителей Руси.

Нет никого, более далекого от канонического православия, чем этот уникальный экземпляр хомо сапиенс. Борис, попадись он церковникам в XIX веке, был бы куда скорее отлучен, чем Лев Толстой,— за богохульство, а точнее сказать, за нежелание принимать земных иерархов церкви за судей в последней инстанции. Поэтому Б. Г. и нырнул в темные воды русской истории и там, на дне, в описаниях жизни русских святых, нашел свои жемчужины — «Святого Германа» и «Никиту», своих вещих птиц — Сирина, Алконоста, Гамаюна и главных героев русских былин и сказок, «зверобогочеловеков» — «Волков и Воронов».

В новых песнях Борис, совершенно неожиданно даже для хорошо знающих его людей, отошел от привычной манеры плавания в русле традиций англо-американского рока и из единой мировой музыкальной стремнины свернул в русский рукав. Приток этот более мерный — как матушка Волга, с балалаечным гудом и гулом на перекатах («Никита»). Там «Волки и Вороны» проплывают мимо островов-собратьев изумительного главного цикла Владимира Высоцкого («Купола», «Старый дом»), мимо плеса с таинственной «Былиной» Александра Башлачева.

Ужасно жаль, что Саш-Баш[4] не дожил до новых песен Бориса. Мне кажется, если бы это случилось, кто знает, может, они бы вытащили Сашу из роковой февральской депрессии.

Очевидно сходство ритмических построений и интонаций в песенках короля Таганки, мастера с Вологодчины и мэтра Питера в лирических образах, которые иногда могут даже показаться прямыми заимствованиями, кабы не знались, что «нет рук для чудес, кроме тех, что чисты». Главными героями песен Б. Г. стали наши давние знакомые «купола», «кресты», «иконы», та же птица гамаюн и прочая, как выразился бы Владимир Ильич, «нечисть, чушь и мракобесие».

Вода всегда была одним из любимых героев песен Б. Г., но та, старая, знаменитая «железнодорожная» сильно отличается от новой трактовки:

А поутру с похмелья пошли
к реке по воду,
А там вместо воды —
монгол-шуудан!

(«Волки и Вороны»)

[4] Саш-Баш — Александр Башлачев — покончил с собой 17 февраля 1988 года.

Что это, как не поздний ответ Саш-Башу на его предложение образца 1986 года:

Да сходил бы ты по воду,
мил-человек...

И образ «теплой звезды» из тех же «Волков» — по духу явный сородич замечательной песни Башлачева «Звезда» («Синий лед»):

Звезда, зачем мы пришли сюда?

А. Л.: — Борис, с точки зрения «западника», ты в своей новой программе повернулся к Западу задом, а к Евразии — передом. Что с тобой, зубрилой лондонских и нью-йоркских хит-парадов, случилось?

Б. Г.: — Я хорошо запомнил свое первое ощущение, когда узнал о смерти Саш-Баша — «Все, порезвились и будет. Теперь его неимоверно тяжкий груз русской темы ляжет и на мои плечи». Угадал, но не сразу сбылось, вначале телегу тащил Ревякин, потом Янка Дягилева, а уж к ее уходу и я подоспел со своими только-только складывавшимися русскими песнями — пришел и мой черед...

А. Л.: — Эта русская песенная традиция — увлечение минором, отсутствие концовки, лаконизма и остроты, столь необходимых для западного рока... не видишь ли ты в этом определенную опасность для себя как профессионала?

Б. Г.: — Я много думаю над этим. Но — это приходит на уровне физиологии — я сейчас не могу даже брать на гитаре те самые привычные рок-н-ролльные аккорды. Это уже биологические изменения. И я счастлив, я обретаю свою Русь, уже вижу ее огоньки...

Правда, давным-давно — после всех наших первых сейшенов и позже, уже после стадионных концертов, когда заканчивалось вино,— итог всегда подводил романс: «Пускай погибну безвозвратно...» А в 1984 году неожиданно для себя услышал по-новому Глинку — и был просто «вышиблен» свободой его гармоний...

Объединяет трех поэтов — Высоцкого, Башлачева и Гребенщикова — неукротимость. Хомут Русской церкви не будет надет на их сильные, упрямые шеи до тех пор, пока Русская церковь не откроется любви и не смирится с данным ей Христом предназначением быть садовником в парке любви. Надо было случиться путчу, чтобы патриарх всея Руси осознал наконец, что нехорошо молить Господа о здравии сомнительных царей земных, а в прежние семьдесят лет молились исправно и вымаливали-таки разбойникам смерть в собственных постелях.

Вера в любовь как в панацею у Б. Г. настолько маниакальна, что его случай достоин медицинского исследования. А раз в этом своем «беспределе» — не красота спасет мир, а любовь! — он неукротим, значит, и свалить его невзгодам неимоверно сложно. В песнях лучших из лучших — от Окуджавы до любимых ныне, увы, покойных учеников Бориса — разочарование и горечь постоянно служат той чайной ложкой дегтя, что отравляет бурлящий котел любви.

Б. Г.: — И Майк, и Цой, и Башлачев не смогли использовать себе на благо тот поток благодати, что в песнях, через них, изливался на людей.

Эта мысль объясняет события земной жизни создателей новой песни, в которой радость бытия перемешана с горечью поражений и утрат. Особо показательны случаи Высоцкого и Башлачева, где мы видим мучительный, почти непреодолимый разрыв между небесной мудростью песен и мирским болезненным существованием их авторов.

Когда же я смотрю на Бориса, то мне частенько хочется ущипнуть себя побольнее: «Смотри, неужели возможно такое — не знать обид, разочарований и главного врага человека — отчаяния? Протри глаза — ты видишь счастливого человека!» У Б. Г. есть сильный ответ: «Покажи мне счастливых людей — я покажу тебе смерть» («Ангел»).

На сентябрьский концерт десятилетия Радио-Энерджи в Париже, спешно подогнанный под августовскую победу русской демократии, Б. Г. отправился в сопровождении одного Сергея Курехина и без какого-либо представления о программе. Дэвид Боуи, не будь дурак, там же выступил под фонограмму, а Борис взял да и спел на церковнославянском свой вариант прочтения Псалтыри; Курехин же в этот момент сыграл нечто абсолютно противоположное — и французы утерлись.

В августе 1991 года абсолютная вера в казарменное единомыслие народа сыграла с нашими консерваторами злую шутку. У меня есть любопытное видеосвидетельство на этот счет. Утром 20 августа я беру интервью у юного танкиста, перешедшего на сторону Ельцина. «Что привело тебя сюда, о вьюнош?» — спрашиваю я восемнадцатилетнего мальчугана. И тот срывающимся переходным тембром отвечает с нежностью: «Песни Борис Борисыча, Цоя и "Алисы"». Тетка, кормящая тут же танкистов горячей домашней едой из судков, радостно кивает головой: «Хорошо, что их вовремя забрили в армию, там даже деревенские наслушаются этих песен и никогда больше не будут баранами!»

На этом замечательном историческом материале можно и закончить, но есть еще мысли...

Приведу слова давнего приятеля Бориса, дьякона Георгия из Святоданилова монастыря: «Не могу взять в толк механизм создания им песен, даю почитать ему книгу «Свеча неугасимая» — о мучениках Соловецких лагерей... и появляется «Генерал Скобелев». Услышав же «Святого Германа», я перерыл все жития святых и не нашел аналога, пока не понял, что Борис канонизирует героев своих песен через рукоположение свыше — поверх голова церкви».

Слушая дьякона, я вспомнил о проблеме, занимавшей умы многих поколений русских атеистов. Крупнейшие спецы типа Ярославского, тщились доказать, что в основе деяний русских подвижников духа лежит вымысел — нет реального подтверждения их чудесам в исторических документах... Что ж, на примере лучших песен Гребенщикова мы можем наконец дать им недвусмысленный ответ: если к этим житиям не причастны современники, значит, их автор — сам Господь Бог, ибо они совершенны! Ведь известно, что дьявол не способен к созиданию...

Оставшись без защиты «Аквариума», эфирное тело Бориса истончилось до предела, и бывали моменты, когда мне становилось за него страшно. Это же чувствовала и публика на его концертах; самые рьяные юнцы не позволяли себе и доли той развязности, что на обычных рок-шоу стала нормой. Но когда я вспоминаю его руки, я сразу успокаиваюсь: такого крепыша смерть может сгрызть лишь изнутри, но, к счастью, разладом в душе сегодняшнего Б. Г. и не пахнет. Знание правил езды в своей «колее» позволяет ему находиться над схваткой, которую он точно предсказывал. В июле на таллиннском стотысячном Певческом поле фестиваля «Рок-Саммер» Борис последний раз срывающимся голосом предупредил нас об опасности в своей «Ласточке»:

Прыг, Ласточка, прыг —
прямо на двор.
Прыг, Ласточка, прыг —
в лапках топор.
С одной стороны свет,
с другой стороны нет —
Значит, в нашем дому спрятался вор...

Юмор — верное оружие Б. Г., и даже в трагические моменты он никогда не выпускает его из рук:

...Жизнь канет, как камень —
в небе круги.
Прыг, Ласточка, прыг —
всюду враги.
На битву со злом
взвейся, сокол, козлом,
А ты, Ласточка, пой, да вслед не беги...

Я всегда завидовал людям, знающим свое место... Вот так-то: «Взвейтесь, соколы, орлами!»

На исходе девяностого года советский рок попал в самый тяжкий кризис за всю двадцатипятилетнюю историю своего существования. Последний май похоронил с собой, казалось, и последнюю надежду — Янку Дягилеву. Но в этот момент у Б. Г. появилась на свет божий «Государыня» — и я успокоился; вещей с такой мудрой мощью я не слыхивал, пожалуй, со времен «Цветов на огороде»[5]. В ней совсем нет религиозной экзальтации, неизменного спутника Б. Г. в последних гастрольных странствиях, и песня эта ставит всю программу Бориса на изящные и одновременно крепкие ножки реальности:

Государыня, помнишь ли, как строили дом,
всем он был хорош, да пустой..
Десять лет — шили по снегу серебром,
боялись прикоснуть кислотой.
Десять лет пели до седьмых петухов,
пели, но боялись сказать:
Государыня, ведь если ты хотела врагов —
кто же тебе мог отказать..

[5] Песня Петра Мамонова, написанная в 1984 году.

Так что же мы до сих пор все пьем эту дрянь,
цапаем чертей за бока?
Нам же сказано — утро не возьмет свою дань,
обещано, что ноша легка...
Так, полно, зря ли мы столько лет
все строили дом,
наша ли вина, что пустой...
Зато теперь — мы знаем, каково с серебром,
посмотрим, каково с кислотой...

Со мной здесь могут поспорить — по отвлеченности образов эта песня едва ли не самая загадочная, ну а для меня она прозрачна. И «Государыню» я принимаю за матушку-Россию, спущенную в двадцатом веке с цепи под откос,— «ведь если ты хотела врагов»... И дружков своих, и брата вспоминаю под эту песню (как нейтронной бомбой третьей мировой, а вернее, второй, необъявленной, гражданской войной слизнуло их жизни). Но в первой песне Бориса о новой эпохе — в «Дне радости» — есть большее, чем просто надежда, есть знание:

...И теперь, когда нечего ждать,
кроме волчьей зари,
Хрустальная стена и
пламя бесконечной зимы —
Это ж, Господи, зрячему видно,
а для нас повтори,
Что Бог есть Свет
и в нем нет никакой тьмы.
Бог есть Свет
и в нем нет никакой тьмы.

●

Июль 1990 (фото В. Усова).

ВО ВСЕМ МИРЕ

«Парусокрыл» пересекает Атлантику

Незадолго до того, как исполнилось пятьсот лет со дня открытия Америки, в нью-йоркскую гавань прибыло парусное судно, чей вид был бы способен удивить даже самого Христофора Колумба. Это был восемнадцатиметровый тримаран по имени «Плейнсейл», что можно перевести как «Парусокрыл». Судно сконструировал инженер-авиастроитель Джон Уокер.

Профессия конструктора сказалась на его детище — судно оснащено тремя парусами — чем-то вроде поставленных вертикально самолетных крыльев. Они управляются компьютером, учитывающим скорость и направление ветра и течения. Ветер, воздействующий на них, придает судну тягу, подобно тому как самолету он дает подъемную силу.

Пересечь Атлантический океан «Плейнсейлу», как и пятьсот лет назад каравелле «Санта Мария», было непросто. Две тысячи километров по выходе из Плимута и вплоть до Азорских островов, то есть в течение недели, все шло довольно гладко. Судно развивало скорость до двадцати одного узла. Но спустя двенадцать суток после того, как «Плейнсейл» покинул Бермудские острова, налетел ураган по имени Клодетт. Эта буйная дама уложила судно в дрейф. «Крылья-паруса» пришлось повернуть ребром к ветру. Только восемнадцать часов спустя скорость ветра упала до относительно приемлемых девяти баллов. Странно выглядевшие движители судна оказались не поврежденными стихией, и оно снова легло на заданный курс.

Чем бы Колумб ни был, вероятно, изумлен, так это тем, что для перехода через океан горючее и на этот раз не понадобилось...

В НОМЕРЕ

Вниманию читателей!

Сложности переподписной кампании привели к тому, что многие давнишние читатели журнала не смогли оформить подписку на второе полугодие, а продажа в розницу фактически прекращена киосками «Роспечати». В связи с этим сообщаем, что номера журнала можно купить в редакции. В редакции также принимаются с предоплатой предварительные заказы на будущие номера, в том числе и на первое полугодие 1993 года.